

ПИОНЕР

НОЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1957 год

11

ВСЕГДА ГОТОВЫ

Фотоэтиюд Я. Шахновского.

ПИОНЕР

Е ЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания 34-й

В этом номере:

Как это было.— Н. Ерушев, участник штурма Зимнего	2
В ночь на 28-е.— Ю. Котляр, Г. Семенов. Рисунки П. Пинисевича	8
Нам снились тревожные трубы.— Стихи Валентина Сидорова	13
Это твоя Родина!	14
Рассказы о юных героях	18
Тюльпаны.— Рассказ Арапа Курбанова. Перевод Ю. Трифонова. Рисунок А. Билль	24
Про нашу жизнь.— Стихи, рисунки и заметки ребят	26
Утро. Первый арбуз.— Стихи Фазиля Искандера. Рисунок А. Петрова	30
Вождь революции.— Из воспоминаний о В. И. Ленине	31
Золотой поезд.— Повесть Юрия Дмитриева. Рисунки А. Ливанова	35
На воде, на суше, в воздухе, под землей.— Очерк В. Ненякина. Рисунки О. Рево	49
Звездный человек.— Научно-фантастический роман (продолжение), А. Полещук. Рисунки Ф. Лемкуля	53
Почему и отчего	63
Спорт. О трех победителях.— В. Васильев	64
О новом по-новому.— (К 70-летию со дня рождения С. Я. Маршак.)— В. Сарнов	68
Страничка коллекционера	72
В поисках аэнаноды. (Из записок путешественников.)— Рольф Бломберг. Перевод Л. Жданова. Фотографии автора. Рисунки О. Зотова	73
В мире книг	77
В часы досуга	80

На обложке:
рисунок Ю. Рейнера
«Вся власть Советам!»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КАК ЭТО БЫЛО

Н. ЕРУШЕВ, участник штурма Зимнего.

ШЛИ ДВА СОЛДАТА

Ровно сорок лет прошло с тех пор. Сорок лет тому назад по хмурым улицам Питера шли два солдата.

Мы шли с вокзала в Смольный: я и мой товарищ, такой же, как я, солдат с Западного фронта. На нас были ветхие, обтрепанные шинели. Но под их подкладкой хранились драгоценные документы: бумаги о том, что мы выбраны делегатами на II съезд Советов, и резолюции наших солдатских митингов.

«Долой войну!», «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!» — говорилось в этих резолюциях.

За скупыми словами стояли холодные ночи в Пинских болотах, сражения, когда приходилось драться чуть ли не голыми руками, предательство и жестокость офицеров — вся наша солдатская боль... Полгода прошло, как сбросили царя, а что от этого измени-

лось? По-прежнему длится постылая война, земля, как и раньше, у помещиков... Малому ребенку ясно, что Временное правительство, Керенский служат им. О нас, о наших солдатских слезах думают только большевики. Никто из моих товарищей не видел Ленина, но каждое его слово доходит до сердца. «Ленин-то чует солдатскую душу», — говорят у нас в полку.

Вот и Смольный... Топая разбитыми сапогами, мы входим в коридор бывшего Института благородных девиц.

Странную картину представляет этот коридор. Кое-где на дверях еще висят таблички «Классная дама», но в воздухе синь от густой махры, и навстречу нам попадаетея то свой брат — такой же фронтовик, как мы, то лихой кронштадтский матрос...

«Фракция большевиков» — прочитали мы на одной из дверей. Мы вошли в эту комнату и зарегистрировались. И тут вместе с делегатскими мандатами каждому из нас выдали винтовку и боевые патроны.

ЗАЧЕМ НАМ ДАЛИ ВИНТОВКИ

Мы приехали в Петроград 19 октября 1917 года. А за несколько дней до этого произошло событие огромной важности.

10 октября — 23-го по новому стилю — на заседании ЦК партии большевиков было решено начать восстание против Временного правительства.

В дни нашего приезда Военно-Революционный Комитет, созданный 12 октября, уже начал осуществлять план восстания. План этот был заранее намечен Лениным. В одном из своих писем в ЦК партии Ленин писал:

«Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову».

Отрезать Временное правительство, заседавшее в Зимнем дворце, от всего мира, окружить Зимний и взять его штурмом — вот что должны сделать восставшие... Как все гениальное, ленинский план был прост. Но осуществить его могли только смелые, решительные люди, умеющие владеть оружием.

Вот почему нам, делегатам-фронтовикам, и вручили винтовки.

ГОСПОДСКИЕ ШИ И ЧЕВЕВИЧНАЯ ПОХЛЕБКА

Нас направили в сводный отряд, готовившийся штурмовать Зимний. Но еще до начала боевых действий мы получили задание разведать силы противника.

Помню такой случай... В конце Невского, у подъезда одного дома, стояла большая группа юнкеров. Как видно, они чего-то ждали. Нас, разведчиков, было двое. На виду у юнкеров мы присели на ступеньки, достали хлеб и стали есть, перекрестившись и пошептав молитву.

«Набожные» солдатки, видимо, понравились юнкерам. Они подошли к нам и стали расспрашивать: давно ли мы с фронта, какие там настроения? Я прикинулся протачком, который не понимает, «почему русские идут против своих же русских», и, кстати, вернул, что наша часть «за Керенского».

Знали бы эти юнкера, как мы овистали Керенского, когда он, приехав на фронт, призывал нас драться до победного конца!.. Не подозревая хитрости, юнкера подхватили «простодушного солдатика» и потащили его с собой в офицерскую столовую. Здесь мне снова пришлось повторить свой рассказ.

И вот я сижу за столом, покрытым белоснежной скатертью, передо мной дымится тарелка жирных щей. Юнкера, умиленные собственной добротой, думают, должно быть, что «солдатик» тает сейчас от благодарности... А я, хлебая господские щи, вспоминаю жидкую чечевичную похлебку, которой нас кормили все эти годы. Из-за этой похлебki у нас в полку был бунт, и одиннадцать человек поплатились за это жизнью: их расстреляли... Я думаю об этом, и вкусная еда застревает у меня в горле...

Мысленно прикидываю, сколько юнкеров в столовой... В эту минуту открывается дверь, и я вижу двор, заполненный юнкерами. Ого! Да здесь их целая часть! По размерам двора примерно определяю, сколько в нем может уместиться человек, крещусь на икону, прощаюсь и выхожу.

...Из множества таких мелких наблюдений, сделанных разными людьми по заданию ВРК, складывалась общая картина, позволявшая судить о силах противника.

Это дверь в кабинет В. И. Ленина в Смольном. Военно-Революционный Комитет занял комнаты, в которых еще недавно находились классные дамы Института благородных девиц.

Отряд моряков-балтийцев на улицах Петрограда. Проверяют пропуска.

СОБЫТИЯ НАРАСТАЮТ

Казалось, Питер жил обычной жизнью, только по улицам разъезжали казацкие патрули и милиционеры были вооружены новенькими револьверами.

А в это время Военно-Революционный Комитет нетугомо работает.

20 октября состоялось первое его заседание, и уже на другой день во всех воинских частях и на кронштадтских кораблях были назначены комиссары. Они брали на учет оружие, создавали отряды революционных солдат.

Утром 22 октября в коридорах Смольного замелькали папахи с красными ленточками: сюда явились представители питерских полков. Эти полки отказались подчиняться Временному правительству. Единственным законом были для них приказы ВРК. 23 октября на заводах и фабриках были выставлены караулы, у заводских телефонов дежурили красногвардейцы.

Так претворялся в жизнь гениальный ленинский план. Конечно, мы, рядовые участники событий, узнали о многих подробностях значительно позже. В память запало лишь то, что довелось увидеть своими глазами. Помню Смольный тех дней — он гудел, как улей. К воротам то и дело подъезжали грузовики с солдатами и красногвардейцами. По коридорам гулко разносился топот ног и звяканье оружия.

Особенно запомнилось мне, как в туманное, серое утро по Неве медленно двинулся огромный военный крейсер.

Это был знаменитый крейсер «Аврора», орудия которого через несколько дней возвестили начало штурма Зимнего.

Но еще до своего исторического заглава «Аврора» оказала революции неоценимую услугу. По ее радиостанции 24 октября было передано сообщение:

«Не допускать в Петроград ни одной войсковой части, о которой

не было бы известно, какое положение приняла она по отношению к нынешним событиям. Навстречу каждой части надо высылать несколько десятков агитаторов, которые должны разъяснять им, направляющимся в Петроград, что их желают натравить на народ...

...О всех передвижениях войск немедленно сообщать в Смольный институт в Петрограде, Военно-Революционному Комитету...»

События показали, как важна была эта радиogramма.

ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ, РЕШИТЕЛЬНЫМ

Последний бой еще не начался, но мы были готовы к наступлению.

Наш сводный отряд стоял на Петербургской стороне, возле Народного дома.

Одна за другой приходили к нам в отряд радостные вести: Петропавловская крепость в наших руках; захвачены все мосты, кроме Николаевского и Дворцового; большевики Петрограда, Царского Села, Выборга, услышав радиogramму «Авроры», остановили полки, вызванные Временным правительством.

В ночь на 25-е события нарастали буквально по часам. В половине второго ночи наши части заняли Главный почтамт. В два — были заняты электростанция и вокзалы. Через несколько часов — Госбанк и Централь-

ный телеграф. На рассвете восставшие открыли двери «Крестов» — Петербургской тюрьмы, — и оттуда вышли на волю и присоединились к нам арестованные Временным правительством большевики...

Теперь почти весь город перешел в наши руки, а Зимний, согласно ленинскому плану, был отрезан от всего мира. Оставалось последнее — взять дворец, арестовать министров. Для этого нужно было прежде всего замкнуть Зимний в кольцо.

Смольный превратился в вооруженный лагерь. У входа стояли патрули красногвардейцев и солдат.

КОЛЬЦО СМЫКАЕТСЯ

Чтобы оцепить Зимний полностью, оставалось захватить два последних моста — Николаевский и Дворцовый. Но там стояли сильные отряды юнкеров.

И все же они были захвачены. Это сделал десант «Авроры», которая подошла к Николаевскому мосту. Командир крейсера пытался уверить, что по пути «Аврора» непременно сядет на мель. Но матросы, спустив шлюпку, доказали, что никаких мелей здесь нет.

В половине четвертого утра Николаевский мост был захвачен матросами. А утром был взят и последний, Дворцовый, мост. Восставшие свели мосты, разведенные юнкерами, стремившимися отрезать рабочие окраины от центра, где было правительство. В этот же час из Зимнего бежал в машине с американским флагом глава Временного правительства Керенский...

Наступило 25 октября. Наш отряд в числе других стоял против Зимнего, ожидая сигнала, возвещающего начало штурма... В этот день в Смольном открывался съезд Советов, а я и многие другие делегаты находились здесь, возле Зимнего. Но здесь мы были нужнее, чем в зале. Владимир Ильич тоже

не был на открытии съезда: он руководил восстанием.

Все больше наших частей стягивалось к Зимнему. Подходили отряды красногвардейцев, солдат, матросов, вооруженных рабочих... Маринский дворец был окружен солдатами Литовского и Кексгольмского полков, красногвардейцами и моряками Гвардейского экипажа. Здесь стоял наш броневик.

Цепи подступали к площади Зимнего. Юнкера, забаррикадировавшись штабелями дров, встречали всякое перемещение наших войск ружейным и пулеметным огнем.

Темнело. В синем густом тумане одна за другой вспыхивали светлые точки: это восставшие зажигали костры. Кто из нас, очевидцев, забудет эту холодную ночь великого кануна, темную, точно притаившуюся во мраке громаду дворца, окруженного вражескими пулеметами и баррикадами, площадь, ветер, суровые лица, озаренные пламенем факелов и костров?!

— Почему не начинаем? Почему нет сигнала? — нетерпеливо спрашивали некоторые.

В шесть вечера, когда все было готово к штурму, ВРК послал в Зимний ультиматум: министрам было предложено сдать без боя.

Двадцать минут было дано им на размышление. Но ответа не последовало. Oczywiście, враг хитрил, пытаясь выиграть время...

В 9 часов вечера 25 октября (7 ноября) начался штурм Зимнего.

ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

И вот в темноте вспыхнул красный огонек, грянули залпы. Первый, второй, третий... Это были три сигнальных холостых выстрела из орудий Петропавловской крепости. Они возвещали начало штурма... Было девять часов вечера.

Вокруг Зимнего засверкали ружейные огоньки, затрещал пулемет... Перебежкой, по забору, ползком мы приближались к воротам... Ударило орудие «Авроры»... По площади понеслось победное «ура».

Бой начался одновременно у Морской, у Миллионной и у Александровского сада. Но я узнал об этом позднее...

В ту минуту помню только чувство великой решимости, с которым мы двигались вперед... Юнкера прятались от наших выстрелов за укреплениями...

У нас не было защиты, вся огромная площадь перед дворцом простреливалась, но мы не думали об этом... Короткими перебежками мы подвигались к воротам. По дороге

группе красногвардейцев и солдат удалось прорваться за ворота... Потом рассказывали, что они проникли в подвал Зимнего, но там их ждала засада... Первая наша атака кончилась неудачей.

Но вот снова заговорили пушки Петропавловки, и мы опять пошли на приступ. Нами руководила одна мысль: Зимний надо взять сегодня же!.. Затрещали бревна, победные крики и выстрелы слились в один сильный гул, под отчаянным напором железные ворота подалось, начали расшатываться, и... лавина солдат, красногвардейцев, матросов с патронными лентами, перекрещенными на груди, хлынула во двор к дворцу.

Товарищ Подвойский, руководивший Военно-Революционным Комитетом, писал об этой минуте:

«Это был героический момент революции, грозный, кровавый, но прекрасный и незабываемый. Во тьме ночи, озаряемые мечущимися молниями выстрелов, со всех прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как грозные тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, но ни на секунду не пре-

В н о ч ь н а 28 - е

Ю. КОТЛЯР, Г. СЕМЕНОВ

В одном из центральных архивов в объемистой папке с красной обложкой хранится толстая пачка неровных листов бумаги, испещренных полустершими карандашными записями.

Эти листки, скудным языком военных донесений рассказывают о схватках, происходивших во время Октябрьских боев 1917 года в Москве.

Взяв за основу эти документы, мы попытались восстановить события, о которых в них упоминалось. Так родились эти рассказы-зарисовки отдельных эпизодов, происшедших в ночь на двадцать восьмое октября—первую ночь боев за власть Советов в Москве.

Документы рассказывают о многом, но мы выбрали эпизоды только одной, первой ночи вооруженной борьбы.

...Конец октября 1917 года. Вооруженное восстание в Петрограде победило. Но в Москве белогвардейцы

и юнкера еще ведут упорную вооруженную борьбу против революционных рабочих и солдат.

Попробуйте представить себе Москву тех дней. Центр—Кремль—в руках революционного пролетариата. Вокруг Кремля—колодце юнкеров. Белогвардейцы почти полностью окружили Московский Совет. А дальше, по всей Москве, словно лютня разбросаны: районы, занятые революционными войсками, районы, занятые юнкерами.

У юнкеров много сил. На помощь командующему Московским военным округом белогвардейцу Рябцеву идет войска. Но на защиту революции встают заводы, фабрики. Организован Военно-Революционный Комитет. Со всех концов города к Совету идут рабочие, революционные солдаты.

Двадцать седьмого октября военные действия в Москве начались.

КАК СПАСЛИ ПУШКИ

Солдат самокатного батальона Илья Редькин 27 октября прибыл в распоряжение Военно-Революционного Комитета со своим мотоциклом. В тот же вечер Липунен вызвал его к себе, подробно объяснил задание, сказал:

— Смотри, Редькин, идешь в штаб белых, прямо к черту в пекло. Будь осторожен. Возьми с собой Костю Хватова, он парнишка боевой, пригодится для связи.

На деле оказалось, что не так страшен черт, как его малюют. Редькин легко проник в штаб и без особых трудностей узнал все, что было нужно.

Теперь осталось только выбраться отсюда, передать сведения своим, и задача выполнена. Осторожно пробирается Илья темным коридором к выходу. Сейчас кончится коридор, потом лестница, еще два шага, и он на улице.

Неожиданно откуда-то из-за поворота вынырнуло светлое пятнышко электрического фонарика и не спеша направилось к нему. Илья замер. «Надо же! В последний момент!» Он прильнул к первой попавшейся двери. От легкого толчка дверь неслышно отворилась, и Редькин оказался в небольшой комнате. Никого! Илья сунул выхваченный было браунинг обратно в карман.

Голоса приближались.
«Ничего, ничего,—мысленно успокаивал себя Илья.—Сейчас они пройдут, и я моментом выскочу отсюда».

Вот голоса уже совсем рядом, ясно слышно каждое слово. Разговаривающие, очевидно, остановились около самой двери. До разведчика доносилось:

— ...В эту операцию специально посылают нас, офицеров-артиллеристов. Какие не захватим—приказано уничтожить или испортить.

«Артиллеристы... уничтожить... О чем они толкуют?»

Другой голос отвечал:

— Да-а, операция сложная, до Ходынки вам

нелегко будет прорваться незаметно. Ты только, Борис, не горячись, не подставляй себя напрасно.

«Ходынка... Вон оно что... Хотят наши пушки увести»,—догадался Илья.

— Не беспокойся, Игорь, я уверен, у них даже охрана не налажена как следует. У меня в ящике стола приготовлены кое-какие бумаги начет имения и прочей ерунды. На всякий случай, конечно. Если что, перешли их маме. Пойдем, я тебе их...

Дверь приткрылась:

— Брось, Боря, не надо... Если понадобится, я и сам найду.

Дверь прихлопнула, в замке щелкнул ключ... «Заперли,—Илья вытер со лба пот,—значит, не войдут, слава богу».

За дверью стали прощаться. Но тут до Редькина донесли слова, заставившие его снова выхватить браунинг.

— Постой, Игорь, дай-ка на минутку ключ. Я портсигар забыл в столе.

«Влип!.. Что делать? Стрелять проку мало... Прибегут другие... не вырваться... уведут пушки, и сведения пропалят».

— Не надо, не возвращайся. Возьмешь закурить у кого-нибудь. Не смейся, я не суверен, но в этой курьере как-то невольно начинаешь верить в разумную чертовщину.

Кажется, пронесло. Голоса удалились:

— Провожать не пойду, устал, как собака. Вернешься, сразу же позвони мне. Наш оперативный отдел теперь в другой комнате. Мой телефон—1-13-56. Не забудешь?

«Пора уходить, а то не успею на Ходынку»,—подумал Илья. И только тут до него дошло: «Уходить-то уходить, да как? Дверь крепко заперта на ключ, на окнах решетки, под окнами часовая». Редькин заметался по комнате. Непойманный, он был в тирюме.

А во дворе уже слышалась команда.

Рискуя быть растоптанным, Илья бросился к упряжке.

Редькин ясно расслышал шум автомобильного мотора. Значит, юнкера поедут на Ходынку в машинах. Если он сейчас же не найдет выхода из своей тюрьмы, ему не успеть предупредить артиллеристов. Юнкера уведут пушки. Во что бы то ни стало надо сейчас же вырваться отсюда!

В отчаянии он присел на угол стола. Позвонить в ВРК невозможно: юнкера захватили телефонную станцию и отключили дом генерал-губернатора, где размещается Совет. Дверь ему не открыть; выпрыгнуть в окно тоже невозможно. Постучать, чтоб открыли? А вдруг подойдут двое — троє! Что делать?

Внезапная мысль сбросила его со стола. Он подбежал к окну. Белые еще не уехали. Да, больше ничего не остается. Илья стал напряженно вспоминать: зовут его Игорь. Он сказал: «Мой телефон... 1-15-36». Кажется, так? Эх, была не была!

— Алло, барышня, дайте мне, пожалуйста, номер 1-15-36.

В трубке что-то отчаянно трещало. С трудом Илья разобрал, что подпоручик Милетин слушает.

— Игоря, пожалуйста, позовите.

— Какого Игоря? Кто спрашивает? Куда звоните? — возмущенно прорычала трубка.

Илья потихоньку повесил ее. Не вышло. Придется попробовать по-другому.

— Алло, барышня, дайте 1-13-46.

Илья заторопился:

— Это что, оперативный отдел? Нет? Пожаруйса, скажите мне, какой у них теперь телефон? 1-13-56?..

Непринужденно закинув ногу за ногу и опершись о стол, надрывая голос, чтобы не быть узнанным, Илья уговаривал своего новоявленного приятеля:

— Не могу, понимаешь, курить эту свинскую махорку. Мы еще не уехали. Будь добр, принеси мне из моего стола портсигар.

Из трубки донеслось:

— Странный ты какой-то сегодня. Хорошо, принесу.

Игорь оказался приземистым крепышом. Когда массивное пресс-папье обрушилось на его бритый затылок, он, крякнув, присел и, быстро повернувшись к Редькину, с такой силой вцепился в его плечо, что тот чуть не взвыл от боли. Но, рывком притянув к себе Илью, офицер, не оправившись еще от удара, потерял равновесие. Падая, он всей тяжестью своего тела ударился виском о ножку стола. Эта случайность спасла Редькина.

Офицерская бекеша с капитанскими погонами, надетая поверх кожаной тужурки мотоциклиста, оказалась впору. Сунув в карман ключ от запертой комнаты, Илья поспешно выбрался из здания.

Костя Хватов ждал с мотоциклом там, где Илья его оставил. Подхватив мотоцикл, Редькин потащил Костю в ближайшую подворотню.

— Дуй, малый, пулей в Совет. Передать Федотову или Лянунову,— он торопливо пересказал план расположения огневых точек белых,— и еще передай, что юнкера пошли на Ходынку, хотят наши пушки захватить. Я лечу сейчас туда, может, еще успею предупредить. Все понял?

— Понял, дядя Илья, все передам...

Трясаясь в седле мотоцикла, Редькин внимательно вглядывался в темноту. Где-то далеко впереди автомобили врагов мчатся к Николаевским казармам, в которых размещаются прикмушвшие к большевикам солдаты Первой запасной артиллерийской бригады.

Ветхий «примус», как называл Илья свой старенький мотоцикл, работал пока исправно.

Редькин решил проехать к казармам кратчайшим путем: по Садовой до Тверской и потом прямо по Петербургскому шоссе на Ходынку.

Несколько раз его обстреляли, но он, надеясь на темноту и скорость своего «примуса», не останавливаясь, гнал дальше. По его подсчетам, он уже обогнал юнкеров, которые петляли где-то переулками. Теперь только бы его не задержали — и он успеет предупредить артиллеристов.

Но вот около Александровского вокзала дорогу ему преградила длинная фигура с винтовкой наперевес.

— Стой!

Не сбаывая хода, мотоциклист вынул вправо и поддал газу.

Б-б-ах!

Фью-ю-ю! — где-то высоко над головой просвистела пуля. «Давай, давай! — подбадривал себя Илья. — Теперь уже недалеко осталось». Но во

Всехсвятском ему не повезло: пуля очередного патруля угодила прямо в «примус».

Дальше пришлось добираться пешком. Драгоценное время, наиверстанный с таким трудом, было потеряно.

Уже совсем неподалеку от казарм Редькин снова услышал так надевший ему за эту ночь окрик:

— Стой! Кто идет?

На этот раз вопрос не разозлил его, а даже, наоборот, обрадовал. «Патруль стоит,— решил он,— значит, юнкеров еще не было. Успел!»

— Что кричишь, дура, людей разбудишь! — бросил он обидно часовому.

Часовой неожиданно выткнулся.

— Простите, господин капитан!

«Господин капитан! — Илья вспомнил, что па нем до сих пор бекеша с офицерскими погонами.— Белье! Опоздал!»

— Как идет операция? — вовремя нашелся он.

— Все в порядке, господин капитан, патрули сняли без выстрела, часовых тоже. Наши во дворе.

Илья поспешил во двор. Две пушки уже стояли на переках, лошади нетерпеливо помахивали головами.

Солдаты в казарме спали.

Три выстрела из браунинга разорвали напряженную тишину. Юнкера замесались у орудий. Казарма оставалась безмолвной.

С места в галоп сорвалась упряжка лошадей и с громким топотом скрылась в воротах, унося за собой пушку.

— Пушки увозят!! — не зная, что делать дальше, завопил Редькин.

В темных окнах казармы стали загораться огоньки, забегали тени.

Юнкера наконец разобрались в построках второй упряжки, и она тоже стремительно пронеслась в ворота. Редькин не выдержал. Рискуя быть растоптанным, он бросился к третьей упряжке.

— Стой, сволочи! — задыхаясь, крикнул он и почти в упор разрядил остаток обоймы своего пистолета в крайнюю, ближнюю к нему лошадь. Она вздыбилась и, круто развернувшись, повалила всю упряжку поперек ворот.

После первого выстрела прошло не больше минуты, но Редькину казалось, что он уже давно кричит и стреляет.

Наконец казарма проснулась. Раздалась частые винтовочные выстрелы.

Юнкера все-таки успели вывезти две пушки. Правда, они были без снарядов: зарядные ящики взять не успели.

Утром спасенные орудия Первой запасной артиллерийской бригады прибыли в распоряжение Военно-Революционного Комитета.

В ПОДЗЕМЬЕ

— Связи с Кремлем нет: телефон не работает.— Председатель Военно-Революционного Комитета Усевич прошелся из угла в угол большой комнаты.— Разведка доложила, что сегодня в ночь юнкера будут пытаться брать Кремль. Вам, Семин, ВРК поручает предупредить прапорщика Берзина, коменданта арсенала Кремля. Понятно?

— Понятно... — вытянулся высокий, широкоплечий солдат у стола.— Но как? Кремль окружен юнкерами.

— Вот в том-то и дело — как.— Усевич опять прошла по комнате.— Буссенара, Дюма любил читать? — вдруг улыбнулся он.

— Любил, — недоуменно усмехнулся солдат.

— Я тоже ими когда-то зачитывался. Так вот.

Вы, вроде героев Дюма или Буссенара, пойдете потайным ходом. Красногвардеец Алексей Иванович Тихомиров, — он кивнул на седюсого рабочего в котелке и пальто, подпоясанном ремнем, — предложил нам воспользоваться тайным ходом в Кремль, чтоб перебросить оружие из кремлевского арсенала. На это у нас уже нет времени. Но во что бы то ни стало нужно предупредить Берзина, что ночью Кремль будут штурмовать. Передадите Берзину приказ ВРК: Кремль ни в коем случае не сдавать. Товарищ Тихомиров утверждает, что в 1910 году этот подземный ход существовал. Он водопроводчик и хорошо знает расположение водостока. Винтовку сдадите в 32-й комнате поручику Виземскому. Немедленно приступайте к выполнению задания. Тихомиров вас проводит.

Подпрыгивая на булыжниках мостовой, грузовик несется по ночной Москве. Мелькают стены темных домов, кругом тишина и безлюдье. В кузовах машины Михаил Эсмин, Алексей Иванович Тихомиров и трое солдат — конной, сопровождающей их до Замоскворечья. Вот машина миновала Яузские ворота, перевалила через бугор Устьинского моста.

Бах... Дзинь... Винтовочный выстрел и звон разбитого стекла слились в один звук. Грузовик завалился из стороны в сторону и, чуть не ткнувшись радиатором в стену дома, стал.

Один из солдат прыгнул на землю.

— Шофера убил, гад, — послышался его голос. — Ну, ребята, вылезайте, приехали. Приказано доставить вас в Замоскворечье — доставили. Дуйте дальше своим ходом, а мы посмотрим, кто это здесь такой смелый.

До Софийской набережной добрались без приключений. Разыскали лодку.

— Ты на всякий случай запомни, — уже в лодке наставлял Михаила Эсмина старший водопроводчик, — ниже, у Каменного, тоже есть дыра. Туда не лезь. Это подземная река по трубе вытекает. Если по этой трубе идти, до самой Трубной площади доберешься. Да там и не пройдешь: вода. А это другое дело — водосток... Левым, левым больше бери, сносит сильно. Те-с-с.

На кремлевском берегу послышались голоса. Лодка находилась на таком расстоянии от обоих берегов, что в этой завесе ее не было видно ни с того, ни с другого берега. Услыхав голоса, Михаил совсем перестал грести. Их быстро сносило. Мимо медленно проплыла темная громада Тайницкой башни.

— Ах ты, боже мой, — взволнованно зашептал Тихомиров, — проносит! Как причалить-то?

До берега уже совсем близко, можно даже разобрать, о чем говорят юнкера. Очевидно, их всетаки заметили, с берега донесли слова:

— Слышь, кто-то по реке плывет... Эй, кто там? Подчаливай к берегу!

— Жми на полную! Вон ход, видишь? — зашептал Тихомиров.

Эсмин оглянулся: на фоне темного гранита смутно выделялось черное пятно.

Михаил понял Тихомирова: до берега близко, пока юнкера разберутся, они будут уже около входа в подземелье.

Ему казалось, что весла прогибаются, — так он налегал на них, но голос Тихомирова за спиной торопил:

— Давай, давай, проскочим! Вот уже совсем рядом...

Выстрел оборвал фразу на полуслове. Миша

оглянулся. Тихомиров сидел на носу лодки, неестественно согнувшись.

— Алексей Иванович!

— Правым, правым, — прошептал старик, — так держать... Смотри! Вот он, это он...

Эсмин оглянулся. Прямо над носом нависла темная стена набережной. Круто развернувшись, лодка почти ударилась бортом о гранит. Быстро перебирая руками, Михаил подвел ее под черный провал. Секунда — и, вцепившись в нижний край водостока, он заскреп ногами по гранитной стене.

Лодка с телом Алексея Ивановича выскользнула из-под его ног и, царапая бортом о камни набережной, медленно поплыла в темноту. Подтянувшись, Михаил забрался в трубу. Нестерпимо ныли ушибленные во время прыжка колени.

Ощущая он прошел несколько шагов и зажег электрический фонарик, предусмотрительно подеренный ему Усевичем. Подземный ход представлял собой большую трубу, выложенную изнутри кирпичом. Он был настолько широк, что даже высокий Михаил мог в нем идти в полный рост, лишь слегка пригнувшись. Прыгающий желтый кружок света выхватывал из темноты то кусок старинной кирпичевой кладки, то размякшую грязь под ногами. От затхлого воздуха слегка потанивало.

Михаил отсчитал ровно семьдесят шагов, когда луч фонарика провалился справа в пустоту. Ход разветвлялся. «Направо пойдешь — коня потеряешь, прямо — голову сложишь», — вспомнилась ему старая сказка. «Рискнем головой», — усмехнулся разведчик.

По его подсчетам, было уже около пяти часов утра. Подземный ход отлого поднимался вверх.

Желтоватый круг света скользнул по ступеням железной лестницы. Михаил осмотрелся. Он находился в небольшом подвале с каменными стенами. Высоко на потолке, прямо над лестницей, луч фонарика указал металлическую плиту, очевидно, дверь.

«Ну, товарищ Монте-Кристо, вот вы и пришли», — сказал себе Эсмин. Он сунул фонарик в карман и в полной темноте стал подниматься по ржавым ступеням. Затылок уперся в верхнюю плиту. Держась одной рукой за последнюю перекладину лестницы, Михаил другой попробовал поднять плиту. Не тут-то было: плита и не шевельнулась.

«Вот глупость какая! — злился Михаил, продолжая в отчаянии изо всей силы упираться в плиту. — Сколько труда, Алексей Иванович погиб и все напрасно!» Со злости он принялся стучать по плите, кричать, но только глухое эхо отзывалось из подземелья.

В комнату коменданта арсенала Кремля прапорщика Берзина вбежал солдат из караульного помещения.

— Вас полковник Рябцев вызывает к телефону, — задыхаясь, сказал он, — говорит, чтоб немедленно подошли...

Окруженный юнкерами, не имея связи с Советом, прапорщик терял голову: в городе после оживленной перестрелки наступила полная тишина. Что там происходит? Какова обстановка? Цел ли Совет? Ответа на эти вопросы не мог дать никто. Связные уходили в город, а назад не возвращались.

Направляясь в караульное помещение, Берзин быстро пересек двор. За стенами в городе по-прежнему стояла мирная, предрастветная тишина.

Михаил подвел лодку под черный провал...

— Большевики сдались. Совет арестован, — раздавался в трубке голос полковника, — дальнейшее сопротивление с вашей стороны бессмысленно. Теперь прапорщик окончательно растерялся. Если во всей Москве из революционных войск остался только он со своими частями в Кремле, сопротивление и в самом деле бессмысленно. Хоть бы кто-нибудь подсказал, как быть...

А в это время единственный человек, который мог бы разрешить сомнение прапорщика, Ми-

хаил Эмин, утомленный бесплодными попытками открыть дверь, вновь бессильно опустился на ступеньку.

Выхода не было. Снова и снова перебирал он в уме весь путь, проделанный им от Софийской набережной до крышки подвала. И вдруг он вспомнил, что в самом начале ход разветвлялся. Ну, конечно, ведь это же водосток! Обязательно должно быть несколько отверстий. Кубарем Эмин скатился вниз. Выхватил фонарик и, света уже не под ноги, а на стену, бросился назад.

Нам снились тревожные трубы

Валентин СИДОРОВ

1

В школьном завистливом детстве
Мы все читали, наверно,
Манящие книги Майн Рида,
Волшебные книги Жюль Верна.
Нам были близкими сказки.
Но только, конечно, недаром
Мы больше всего любили
В детские годы Гайдара.
Мы все поголовно, как водится,
Были героями в детстве.
Но мы не бежали в прерии
И не играли в индейцев.
Нам снились храпящие кони,
Шашки, грозящие белым.
Мы имя «Чапаев» давали
Самым надежным и смелым.
Нам снились тревожные трубы
И партизанские тропы.
И это романтикой было
Самой высокой пробы.

2

Нет,
в детстве мы не умели
Своею судьбою гордиться.
Мы знали:
бои отгремели,
А нам лишь остались традиции.
Казалось,

нас жизнь невзлюбила,
Жизнь состоит из буден.
Листовки,

подполье —
было

И больше уже не будет.
Мы опоздали, пожалуй,
Ровно наполовину.

На фронт мы упрямо бежали,
И нас беспощадно ловили.
Как мы боялись в те годы,
Что все трубачи протрубили,
Что кончились все походы,
Что все захватили другие!
Мы бредили только боями,
Мы пропадали на станции.

О, как мы напрасно боялись,
Что поддигов нам не останется!

Вот наконец и боковой ход. Он оказался гораздо уже главного. Сначала Эммин шел, лишь слегка согнувшись, но вскоре ему пришлось согнуться в три погребели, а в конце концов, став на четвереньки, он с трудом протискивался в узком тоннеле. «Зря не сядь шинели, — думал он, уже ползя на животе, — не проредусь».

С каждой секундой ползти было все труднее. Но вот спереди повеяло легкой прохладой. Наверно, близок уже выход из этого каменного мешка. «Еще немного. Ну, давай, давай, еще немного!» — подбадривал себя Михаил. Вот он наконец, выход! Но... выход из подземелья был закрыт железной решеткой. Ободранными до крови пальцами Эммин вцепился в эту новую преграду, в отчаянии затряс ее... Бесполезно; решетка оставалась на своем месте.

...Пранорщик Берзин посмотрел на часы. Срок ультиматума истекал. Через несколько минут белые откроют огонь — и по его вине будут разрушены исторические памятники Кремля, бесмысленно погибнут сотни людей. Пранорщик решительно направился к Троицким воротам.

Услышав приказ открыть ворота белым, часовой замахнулся на командира штыком:

— Гад! Изменник! — Г-г-гом швырнул винтовку, закрыл лицо руками и, пошатываясь, побрел к казарме...

...Решетка не двигалась с места. Позад возвращаться не было сил. Все труды пропали даром. Эммин не думал о том, что сам он в безвыходном положении, что может погибнуть здесь, у самого выхода в Кремль. Только одна мысль была в его голове: «Вот-вот юнкера начнут штурм».

— Эй, люди! — собрав последние силы, закричал он. Эй-э-э-й!
— Кто кричит? — послышалось над ним.
— Я, я кричу. Вот здесь, внизу, у тебя под ногами, за решеткой!

К отверстию приблизилась большая тень.
— Где ты? Кто такой? Стой! Стрелять буду! — испуганно шархнулся часовой, рассмотрев торчащую из-под земли руку.

— Скорей! Ломай решетку! Выпусти меня!
Солдат, видно, старый служака, обстоятельно объяснил Михаилу:

— Решетка казенная. Ломать никак нельзя.
— Из Совета я, связной-разведчик. Белые Кремль сейчас будут брать!

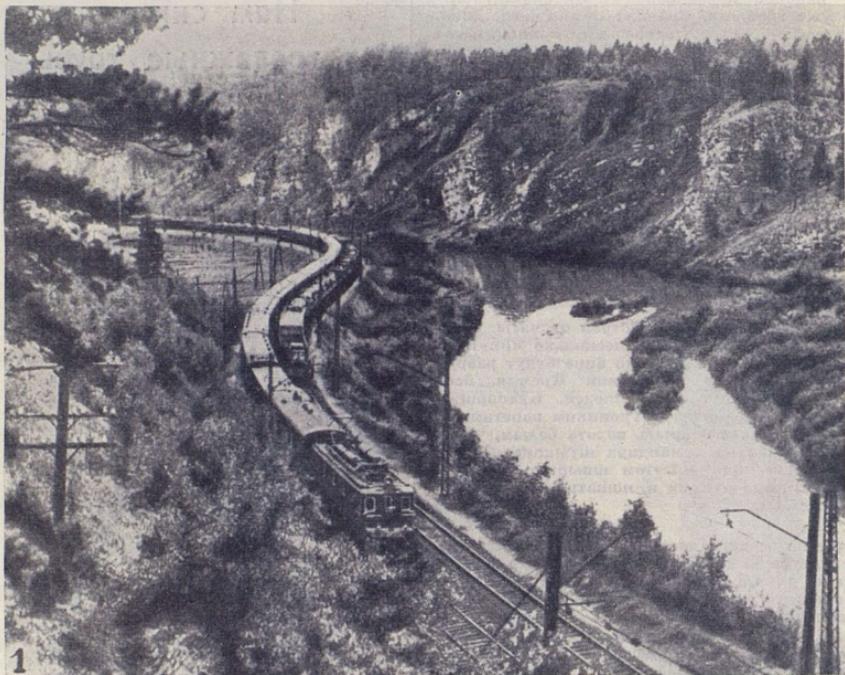
Часовой наконец понял важность положения. Несколько ударов приклада по пазам решетки — и она выскочила из гнезд. Эммин с помощью солдата выбрался на поверхность.

— Где штаб? — тормозил он солдата.
— Штаб... — начал тот.
— Р-р-р-а-а-а! — донеслось со стороны Троицких ворот. — Трах! Трах!

Скользая спиной по стене, возле которой он стоял, Эммин медленно сполз на землю... Опоздал! Юнкера ворвались в Кремль.

Предотвратить сдачу Кремля Эммину не удалось. Но подвиг его не пропал даром. Он остался в захваченной юнкерами крепости и до последнего дня, ловко скрываясь, передавал в ВРК донесения, разоблачающие замыслы, планы и расположение белогвардейских войск.

В Военно-Революционном Комитете собирались сведения, готовился решающий бой за власть Советов.

Это твоя Родина!

Кругом на тысячи километров раскинулась большая советская земля.

И эти электропоезда (1), встретившиеся на границе Европы и Азии, наши, советские. И заводы, и города, и рудники, и энергия покоренных рек, и могучие силы атома, и тяжелые корабли в океанах, и легкрылые самолеты, летающие над облаками, — все это богатство советского народа, созданное упорным трудом ваших отцов и старших братьев.

Ты, наследник Октября, самый богатый в мире наследник, растешь, окруженный заботой народа, пользуешься благами жизни и так привык к этой заботе и к этим благам, что порой забываешь и о своем богатстве и о том, как жили отцы и деды.

А жили они не так и росли не так, как ты...

Вот смотри: стоит рабочий у сталеплавильной печи. В былые годы таких, как он, назы-

вали «фабричными». Это было обидное слово, но еще обиднее была жизнь «фабричных».

По двенадцати, по шестнадцать часов стояли они у станков, у печей, у горнов, жили впроголодь, в тесноте, лишённые всех прав.

В нашей стране труд стал самым почетным делом, всеобщим уважением пользуются у нас люди труда.

Вот этот рабочий — сталевар Брянского машиностроительного завода П. Н. Тишин (2). Он приходит на свой завод и с гордостью становится к своей печи. Ему есть чем гордиться: он хороший, умелый рабочий. Но он не только рабочий. Он еще и депутат областного Совета, один из тех, кто по воле народа умело и справедливо правит страной. Решая важные государственные де-

ла, он вместе с другими депутатами заботится о том, чтобы ты вырос здоровым, сильным, знающим, преданным делу партии гражданином Страны Советов.

Вот тут сфотографирована новая школа № 17 в городе Черкассах (3).

Школа как школа. Ты не раз видел такие, а может быть, и сам учишься в такой же. Ничего как будто интересного нет в этой фотографии.

Но если бы ты чудом сумел побывать в Черкассах сорок лет назад, ты узнал бы, что в четырех начальных школах и в одной мужской неполной средней школе на весь город было меньше тысячи учеников. Ты узнал бы, что из тридцати тысяч жителей города больше половины не могли прочесть ни книжки, ни вывески, не могли написать письма...

А если бы сегодня тебе довелось попасть в этот город, ты увидел бы, что только в одной новой школе № 17 учится почти тысяча мальчиков и девочек. Учатся, чтобы стать настоящими хозяевами своей страны, чтобы грамотными, знающими людьми встать к станкам и к штурвалам комбайнов, чтобы стать техниками, инженерами, врачами, агрономами...

Заводы и поля теперь не те, что в старину.

Вот на следующей странице вы видите М. А. Николаеву, агронома совхоза «Сибиряк», Иркутской области (4). С шести тысяч гектаров собрал урожай этот совхоз. Наверное, радостно билось сердце у М. А. Николаевой, когда золотыми ручьями зерно с полей потекло в элеваторы. И не только у

нее: у всех, кто пахал, кто сеял, кто растил, кто убирал хлеб с полей, — у всех радостно было на душе.

Посмотри, как весело провожают свой урожай, первый хлопок, таджики-колхозники Вахшской долины (5). Потому что это наш, советский урожай, потому что каждый пуд зерна и каждый центнер свеклы, каждая кипа хлопка и каждый новый трактор, каждый новый станок и каждая новая турбина — все идет в нашу общую копилку. В этой копилке уже набралось огромное богатство. Оно идет и на новые стройки, и на покоренные могучих, еще не покоренных рек, и на новые научные институты, и на новые дороги, и на новые воздушные корабли, и на новые светлые, удобные дома для тех, кто трудится. Видишь, как деловито входят молодые хозяева — липецкие ребята — в свой новый дом (6), а новых домов у нас строится множество.

И на новые книги, и на театры, и на стадионы идут богатства, собранные в большой советской копилке.

Вот тут фотограф снял Дворец культуры. Есть у нас Дворцы культуры и побольше, и покрасивее, и попросторнее, чем этот. Есть,

дворцы и при заводах и на шахтах, а вот этот стоит в колхозе «III Интернационал» в Южном Казахстане (7).

Сорок лет назад Казахстан был царской колонией. Русскому крестьянину плохо жилось, а казахскому бедняку-скотоводу — и того хуже. Зиму и лето бродил он за чужим стадом по бескрайним степям, зиму и лето ютился в юрте. Не было книг у казахов, не было школ, не было даже азбуки.

А теперь, как и по всей советской земле, прекрасные города выросли в Казахстане, поднялись заводы, широко раскинулись колхозные поля...

Да и не только казахские ребята — во всех национальных республиках дети учатся на своем родном языке. Для них издаются миллионы книг. А их отцы и матери, как и все советские люди, трудятся на заводах и на полях, а отдыхать приходят в свои Дворцы культуры.

На четырех страницах журнала не покажешь и тысячной доли нашей Родины. Но и

этих немногих картинок сегодняшней нашей жизни достаточно, чтобы задуматься о том, как далеко шагнула наша страна за сорок советских лет.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

ел 1914 год. Кате, моей младшей сестренке, было тогда двенадцать лет. Жили мы на Пресне в подвале двухэтажного дома. Семья у нас была большая, и, чтобы помочь родителям бороться с нуждой, мы рано начали работать.

В двенадцать лет Катя поступила ученицей в галстучную мастерскую. Была она маленькой, хрупкой девочкой, но ей приходилось работать по десять часов в день.

Трудное это было время... Но в нашей семье жили воспоминания о боях на Пресне в декабре 1905 года, и мы знали, что где-то спрятана винтовка отца, с которой он сражался на баррикадах.

Кроме нашей семьи, в подвале жили еще два студента. Мать сдавала им комнату.

Запершись в своей комнате, студенты о чем-то подолгу говорили с приходившими к ним товарищами. Мы знали, что они «поли-

тические», потому что к ним несколько раз с обыском приходила полиция. Только полицейские никогда ничего не находили. Мать и отец помогали студентам надежно спрятать листовки и запрещенные книги. А мы, ребята, умели держать язык за зубами.

Однажды, когда к студентам должны были прийти на очередное собрание, вдруг нагрянула полиция.

Жандармы вели себя не так, как обычно, — сделают обыск и уйдут. Они устроили у нас в доме настоящую засаду и никому из нас не разрешили трогаться с места. Студенты сидели под охраной жандарма в одной комнате, мы, ребята, — в другой. Родителей не было дома...

Мы знали, что скоро к нам в дом придут подпольщики. Но, наверное, знала об этом и полиция. Мы с ужасом ждали, что все попадут в ловушку!

Забившись в дальний угол, я и сестра Ма-

Катя дождалась, пока шпик завернул за угол...

рия тихо обсуждали, как быть. Как предупредить подпольщиков? Мы знали их адреса, но разве выйдешь из дома, когда у двери сидит огромный жандарм?

— Я вылезу через фортку во двор,— сказала Катя.

— Через фортку?! — повторили мы с Марией ошеломленно.— Да ты не пролезешь!

— Прелезу,— уверенно сказала Катя.— А окошко открывать нельзя: услышат.

Окошко комнаты, где мы сидели, выходило во двор. Оно было немного ниже земли, а под ним была яма, как всегда бывает у подвалов.

Выбравшись в фортку, Катя присела в этой яме и дождалась, пока шпик, дежуривший на улице, завернул за угол. Тогда она быстро выскочила, а потом как ни в чем не бывало спокойно пошла по двору. Мало ли детей бегают во дворе! Шпик не обратил на Катю внимания.

Прошло несколько минут. Мы с тревогой ждали, обошлось ли там у Кати...

Время шло... Никто из подпольщиков не приходил. Мы едва могли скрыть свою радость... Но жандармы все еще сидели в ком-

нате. Они просидели до вечера и убрались ни с чем. Тогда ворвалась в дом ликующая Катя...

Так Катя получила боевое крещение.

А через три года, в дни октябрьских боев, она пришла к нам на медпункт.

— Я буду с вами,— твердо сказала Катя.

Напрасно мы говорили, что она еще маленькая. Катя стояла на своем и действительно сумела стать очень полезной для нас.

К вечеру этого дня на медпункт принесли несколько тяжелораненых и среди них Васю Любимова, нашего товарища по Союзу молодежи. Мы перевязали их, но необходима была врачебная помощь.

Начальник военного госпиталя, находившегося рядом, отказывался брать раненых. Тогда мы напомнили ему, что власть на Пресне принадлежит воставшим рабочим, и поместили раненых в палату. Но при таком начальнике в госпитале нужен был свой человек, чтобы все было в порядке. Мы послали Катю. И пятнадцатилетняя Катя прекрасно справилась со своей должностью «комиссара госпиталя».

Анна Литвейко

ШЕСТИЧАСОВОЙ БОИ

ежкий ветер волнами переливает высокие травы, сплошным ковром расстилает их до самого горизонта и там топит не то в прозрачном море, не то в большом озере, созданном сизой дымкой марева. И Кире кажется, что идет он сейчас не к знакомой заимке, где скрывается партизанский отряд, а, как раньше, с отцом на охоту. Мысль об отце сразу разрушает мечты... Нет отца... Киря вспоминает день, когда его схватили беляки...

Задумавшись, Киря не замечает, что недалеко от него по проселочной дороге проехал человек, он часто оглядывается назад, на Кирю. Это кулак из соседней деревни. Он узнал паренька и торопится в село, где стоят беляки. Разыскав начальника карательного отряда, он докладывает:

— Кирьку Баева сейчас видел в степи. Это, ваш благородь, партизанский разведчик. Он-то уж верно знает, где отряд Громова скрывается. Надо бы его того... захватить.

Через несколько минут двадцать семь кон-

ных карателей выехали из села и двинулись на рысях в погоню за Кирей Баевым.

А Киря все еще шагал по степи. И вдруг до него донесся цокот многих копыт. Он оглянулся. Пригнувшись к гривам лошадей, всадники, рассыпавшись по полю, неслись прямо на него. Беляки! Надо скрыться. Но кругом до самого горизонта раскинулась широкая Кулундинская степь... И вдруг неподалеку Киря заметил дерновую избушку, плоскую, похожую на гробницу. Вот где можно укрыться!

Киря изо всех сил побежал к избушке. Он не оглядывался: и без того, по лошадиному топоту, чувствовал, что всадники его настигают. Киря не слышал, как офицер скомандовал: «Бей по ногам!». — но, когда пули тонко запели вокруг него, понял — это конец. Не ходить ему больше в разведку, не докладывать командиру: «Задание выполнено!» И друзей больше не видеть...

Взвизгнула впереди пуля, подняв фонтанчик пыли, еще и еще... И вдруг ногу ожгла невыносимая боль, и Киря ткнулся головой

в теплую траву. Ну, вот и все... Но тут вспомнилось, что у него есть граната, наган, патроны. Патроны, которые он нес от подполщиков в отряд. Попробовать отбиться?..

Он через силу поднялся и захромал к избушке. Вот она. Успел, успел добраться, прежде чем его захватили каратели! Теперь он живым им не дастся...

Заперев дверь на засов, Кирия повалился на земляной пол около узкого оконца. Выглянул...

Всадники спешили и двигались к избушке. Кирия тщательно прицелился и выстрелил в оказавшегося совсем близко солдата. Белогвардеец, схватившись за грудь, повалился на землю. Другие рассыпались в цепочку, залегли, не решаясь двинуться вперед. Забарабанили беспорядочные выстрелы. Пули, ударяясь в землянку, поднимали пыль. Звякнуло и разлетелось стекло в окне, обдав Кирию острыми брызгами.

Тревожно закаркала ворона, сорвалась с крыши. Через несколько минут по крыше кто-то осторожно заходил. Посыпалась внутрь избушки земля, пыль зашекетала в носу. Вскоре в потолке образовалась дыра, и в ней показались кривоватые руки, отваливающие пласты дерна, а затем и рябоватое, в морщинах лицо карателя. Кирия вскинул наган и выстрелил. Каратель дернулся, и голова его перевесилась через потолочную жердь. Если бы глаза его безжизненно не остекленели, можно было подумать, что он хочет посмотреть, что делает Кирия. Кто-то оттянул мертвеца за ноги от дыры, и в ней показалось теперь уже молодое, безусое лицо. Грохнул Кирия выстрел, белогвардеец страшно вскрикнул и исчез.

Стало слышно, как с крыши спрыгнули на землю двое или трое и побежали, громко топая сапогами. «Не взяли, не взяли!» — торжествовал Кирия.

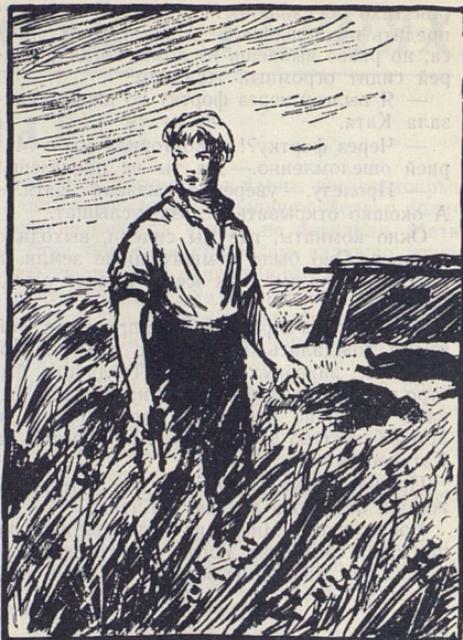
Снова загрохотали винтовочные выстрелы. Кирия прижался к полу.

Стрельба, затишье, и кто-то из солдат поднимается, проверяя, жив ли осажденный. Опять стрельба, затишье, проверка... Так продолжалось долго. И ни одна белогвардейская пуля не тронула Кирию Баева.

Офицеру надоела эта томительная, не дающая результатов осада...

Неподалеку от залегших белогвардейцев, на неторной дороге, пролегающей вдоль пашен, показалась телега, нагруженная соломой. На возу сидел крестьянин в заплатанной одежде.

«Вот что надо сделать, — вдруг догадался

Кирия вышел из избушки.

офицер, — обложить соломой избушку и поджечь, выкурить его оттуда!..»

— Эй, мужик, езжай сюда! — крикнул он, размахивая наганом.

Крестьянин, не понимая, чего от него хотят, послушно свернул лошадь с дороги.

В окно Кирия видел, как крестьянин о чем-то молит офицера, как тот, размахивая револьвером, ему угрожает... Потом крестьянин взял лошадь под уздцы и медленно повел ее к избушке. Беспомощно привалившись к возу, он несколько минут постоял перед окном. Офицер закричал: «Быстрее!» Крестьянин перекрестился и стал обкладывать земляные стены соломой. Вспыхнул огонь, за клубился белесоватый дым.

Кирия мог бы застрелить мужика, когда он подвозил солому, и вскинул было уже наган на подоконник, но раздумал: «А он-то тут при чем? Он не хотел, его заставили. Убью, беляки сами тогда подожгут, раз решились. Уж лучше я один сгину...»

Дым ел глаза, выжимал слезы, лез в нос и в рот. Кирия сжался в комочек и прильнул к земляному полу: так легче дышать.

Сколько прошло времени, он не мог бы сказать, ему показалось, очень много... Но что это, вроде бы стало легче дышать и горького привкуса дыма не чувствуется?.. Кирия открыл глаза. В избушке светло, ветер через разрушенную крышу, словно через вентиляционную трубу, вытягивает остатки дыма.

Кирия выглянул в окошко и, кажется, вовремя. Белогвардейцы, думая, видно, что паренек задохнулся в дыму, подошли к избушке открыто, в рост. Баев выстрелил — ближний солдат покачнулся и упал, судорожно заgrabая землю руками, словно собираясь захватить ее с собой. Остальные разбежались. Кирия с ожесточением стрелял им вслепую. И вдруг... Он обшарил карманы и нашел всего один патрон. Последний патрон! И граната... Больше нечем отбиваться от врагов. Что же теперь делать? Сдаться?.. И ему опять вспомнился отец... Вспомнился и дядя Степан, которого Егор Корнеев, Илья Чеукин и он, Кирия, выкрали у беляков. Так же, как отца и как дядю Степана, беляки будут его пытать. Да и разве можно сдаться в плен! Эта мысль ему показалась постыдной. Партизаны в плен не сдаются! Об этом как-то и товарищ Громов говорил в отря-

де: «Пулю себе в лоб пусти, но врагу не покорись. Лучше умереть орлом, чем жить зайцем».

Белогвардейцы снова пошли на приступ, видно, решив во что бы то ни стало взять партизана. Кирия выбрал удобный момент и метнул гранату. Беляки попадали на землю, но граната не разорвалась.

«Вот и все!.. Отца убили, теперь и я... Ну, ничего, партизаны за отца и за меня отплатят белякам», — с острой тоской подумал Кирия.

Резким рывком отхватил от рубахи лоскут и вывел на нем, обмакнув палец в кровь, сочившуюся из раны на бедре: «Умираю, но гадам не сдаюсь! Баев». Повесил лоскут на стене и вышел из избушки.

Белогвардейцы лежали метрах в тридцати — сорока и не стреляли.

— Эй, гады, слушайте меня! — крикнул он им.

Кирия высоко вскинул голову и запел:

«Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу...»

Он медленно поднял наган и послал в себя пулю, последнюю пулю.

С. Омбыш-Кузнецов

ПИОНЕР КОЛЯ МЯГОТИН

Темная октябрьская ночь давно уже спустилась над сибирским селом Колесниково. В избах погасли огни, утихли неугомонные собаки, лишь ветер свободно гулял по улицам. И только в маленькой, покосившейся избушке, стоящей почти у самого края села, в окне горел слабый свет.

— Ложись спать, сынок, — в который раз говорит мать склонившемуся над столом мальчику лет тринадцати.

— Сейчас лягу, мама, — отвечает он, на секунду поднимая белокурую голову и снова склоняясь над неподписанным листком.

Несколько таких же вырванных из тетради и исписанных уже листков лежат рядом. Дописав фразу, мальчуган внимательно перечитал все написанное. Не одну бессонную ночь обдумывал пионер Коля Мяготин это письмо, не один день наблюдал за жизнью деревни. И вот на тетрадных листках крупным, неровным детским почерком рассказано все: и то, как вернулись в село высланные кулаки братья Сычевы и братья Вахрушевы, как угрожают они крестьянам, желающим

вступить в колхоз, а сами, сговорившись с бригадиром Бутинцевым, вывозят колхозное зерно и продают в городе. Одну такую подводу Николай недавно выследил: поздно ночью Иван Вахрушев вывез ее из леса и отвез в город. Председатель колхоза Немчинов то ли боится кулаков, то ли заодно с ними... А председатель сельсовета? Коля рассказал ему о подводе с зерном. Председатель выслушал, обещал выяснить, но, видимо, не горюится. И не знал Коля, что о его разговоре с председателем сельсовета скоро стало известно Сычевым и Вахрушевым. Не знал он, что в эту ночь не спал в селе не только он один.

В пятистенной сычевской избе за толстыми, наглухо закрытыми ставнями тоже горел свет. У стола сидели Сычевы и Вахрушевы.

— Я говорил, — шипел Фатей Сычев, — что Колька этот — бельмо нам на глазу.

Яков Сычев и братья Вахрушевы согласно закачали головами.

— Колька всех ребят баламутит, — продолжал Фатей. — Он и пионерно тут развел, он ребят подбил колхозу помогать. Без этих молокососов колхозу, пожалуй, трудно при-

шло бы. Обязательно Немчинов нам поклонился бы, помочь попросил.

— И Петьку нашего он все время выпрашивает, — вставил Иван Вахрушев.

— Вот! А теперь еще и это. — Фатей многозначительно поднял палец. — На наше возвращение из Союкамска и так вся деревня косо поглядывает. А если начнут докапываться и узнают, как мы выбрались оттуда, проверят справки, которые мы представили в сельсовет...

Иван с силой ударил кулаком по столу.

— Делать-то что?

— Что же мы, с мальчишкой не управимся? — насмешливо спросил Фатей, свертывая цигарку и прислушиваясь.

За окном уныло подывал ветер. Снег еще не покрыл землю, но мороз уже прихватил ее, лужи подернулись ломким, звонким льдом.

— Сейчас за клюквой ходить — самое время, — произнес Фатей, — послали бы Петьку.

— А в провозатые ему Мяготина, — добавил Яков.

Фатей посмотрел на брата и утвердительно кивнул.

На другой день Коля проснулся поздно. Лег чуть ли не на рассвете, да еще заснуть никак не мог: все думал, думал.

Скупые лучи октябрьского солнца скользнули по комнате.

— Уже десять часов, — ласково сказала мать, — вставай, Коляша, Петька Вахрушев уже заходит к тебе.

— Чего это он? — удивился Коля.

Мать не успела ответить. Дверь открылась, и на пороге появился Петька.

— Я за тобой, Коляша, — сказал он, шмыгая носом и глядя куда-то в сторону. — Пойдем за клюквой?

Коля любил бывать в лесу в любое время года. Любил ходить в середине лета за земляничкой, а в августе — за малиной. Осенью он собирал орехи и грибы, а когда ударяли первые морозы, приносил домой полное лукошко спелой клюквы. И хоть не хотелось Коле идти с Петькой, любовь к лесу победила.

Коля шел большими шагами, изредка оглядываясь на семенящего чуть сзади Петьку, и думал о своем отношении к нему.

Ребята не любили Петьку не только потому, что его старшие братья были кулаками. Петьку не любили за жадность, за хитрость, за изворотливость. Не любил его и Коля. Но недавно, проходя огородами, Коля увидал лежащего на земле Петьку. Петька был пьян! С трудом ворочая языком, он расска-

зал, что случайно подслушал какой-то разговор братьев. За это братья избили его, потому напоили пьяным, чтоб забыл все услышанное.

Тогда, глядя на залитое слезами, покрытое синяками и измазанное землей лицо Петьки, Коля пожалел его. Он обещал никому ничего не говорить. А Петька после этого привязался к Коле. То ли боялся Петька, что Коля выдаст его, то ли ему действительно захотелось иметь настоящего друга. Однако что-то мешало Коле подойти к Петьке с открытой душой, назвать его своим товарищем...

Небольшое болотце Ворга хорошо знали все жители села. Оно было недалеко, а клюквы там — пропасть. Туда и направился Петька, увлекая за собой Колю.

...Занятый своими мыслями, Коля почти не обращал внимания на Петьку. А Петька вел себя сегодня очень странно: то убежит вперед, то отстанет, то вдруг начнет громко болтать и смеяться, то замолчит совсем. Вдруг он вскрикнул и, как заяц, прыгнул в кусты. Коля поднял голову. Прямо на него двигался Иван Вахрушев, на ходу снимая с плеча ружье. Опухшее, небритое лицо Ивана было страшно.

Коля вдруг вспомнил, что такое же небритое, страшное лицо было у Ивана несколько дней назад, когда он, встретив Колю на улице, нагнулся к нему и, злобно сверкнув глазами, прошептал:

— Угомонись, змееныш, худо будет!

Потом, круто повернувшись, Иван пошел прочь, сильно покачиваясь. Коля так и не понял: то ли он действительно был пьян, то ли притворялся.

Сейчас Иван был трезв. Секунду он молча смотрел на Колю и вдруг, вскинув ружье, выстрелил. Что-то тяжелое больно ударило Колю по ноге. Потемнело в глазах. Он упал и потерял сознание. А когда пришел в себя, увидал быстро удаляющуюся фигуру Ивана. Из кустов выглядывал бледный, перепуганный Петька.

— Петь, — позвал Коля, — беги в село, скажи...

Петька исчез. Потом появился снова и опять исчез. Коля не знал, ушел он совсем или прячется где-то рядом. Кровавое пятно становилось все больше, кружилась голова. Коля не мог понять, сколько прошло времени: минута или час. За ним никто не приходил. Вдруг он услышал шаги. С трудом подняв голову, увидал Михаила Вахрушева.

— Жив еще? — злобно прошипел Вахрушев и почти в упор выстрелил в Колю... жив

В нашей стране существует хороший обычай — называть улицы именами героев. В городе Кургане есть несколько улиц, названных именами людей, борющихся за дело рабочих и крестьян, отдавших за него свои жизни. Среди них имя Коли Мяготина.

Юрий Эдельман

ПАРТИЗАНСКИЙ РАЗВЕДЧИК

Я узнала его в дни Отечественной войны, когда наша партизанская бригада вела боевые действия в Белоруссии.

Хорошо ли вы понимаете, что такое борьба партизанского отряда? Представьте себе: всюду враги. В городах, в селах, на дорогах — везде вооруженные войска. У них связь с тылом. У них налаженное снабжение боеприпасами. А в лесу отрезанный от Советской Армии партизанский отряд. В сравнении с войсками врага он крошечный. Он ведет неравную борьбу. И все-таки побеждает. Побеждает потому, что на его стороне тысячи друзей — все население. И хоть за помощь партизанам грозит мучительная смерть, пытки, все равно нам помогают.

Отряды надо было узнать, какие воинские части стягивают фашисты к Минску, что за части стоят там, как они расположены, какие у них номера. Это важно и для действий отряда, и это необходимо передать своим за линию фронта.

Меня послали наладить сеть разведчиков среди местных жителей. Сын одной из подпольщиц, Анны Каледы, тринадцатилетний Жорик помогал матери в ее трудной работе разведчицы.

Я присматриваюсь к нему. На первый взгляд он кажется совсем малышом. Небольшой рост, темные вихры торчком, веселые глаза... А поговоришь с ним — и сразу видишь, что это настоящий пионер, что в смекалке и в мужестве он не уступает взрослому бойцу.

Я решила дать Жорику самостоятельное задание. В тот же день он точно и обстоятельно доложил все, что разузнал о немецких частях.

Так Жорик стал нашим разведчиком. Мы были уверены: его сведения можно спокойно передавать командованию, он не переверт цифр, не напутает.

У Жорика была потрясающая выдержка. Недетская выдержка! Пионер, сын коммунистки-подпольщицы, всей душой ненави-

Его именем названы улица и курганский Дом пионеров. Тысячи людей отдавали свою жизнь за то, чтобы существовали дома пионеров, чтобы по улицам шли счастливые люди. Отдал за это свою жизнь и Коля. И в красном галстуке, что горит на груди пионера, есть частица Колиной крови.

девший фашистов, он имел силы не выдавать себя, разыгрывать перед врагами роль безобидного мальчугана, веселого, беспечного, даже приветливого.

А улыбаться врагам — это самое трудное...

Одно время у нас стало очень тяжело с боеприпасами. Мы расстреляли много патронов в боях. Кроме того, нам понадобились дополнительные винтовки и автоматы. Партизанам и подпольщикам удалось освободить военнопленных из концлагеря. Они присоединились к партизанам, но оружия у них было мало — лишь то, что они сняли с уничтоженной при побеге охраны лагеря. Этого, конечно, на всех не могло хватить.

Неподалеку от минского пригорода Калодичи, где жил Жорик, расположено местечко Урочье. Прежде в Урочье был военный городок. Там остались склады с патронами и зарытые в землю винтовки.

Нам очень хотелось добраться до них, но в Урочье стоял крупный вражеский гарнизон. Туда, казалось, и мышь не проскочит.

Но вот однажды в отряд пришел Жорик. В руках у него были большой чайник и котелок, наполненные какой-то похлебкой.

Жорик вылил похлебку на землю, и мы увидели, что на дне боевые патроны!

Так он носил патроны несколько дней подряд. А потом ухитрился вырыть спрятанные винтовки, разобрать их и в несколько приемов перенести в отряд.

Милый, храбрый Жорик! Верный боевой товарищ! Ведь каждый его рейс с частями винтовок был рейсом смерти. Каждый раз он шел на страшный риск. Стоило кому-либо из фашистов поинтересоваться, что несет этот босоногий вихрастый мальчишка, стоило найти у него патроны или части винтовок, и мучительными пытками и казнью мог кончиться его поход к партизанам. Но Жорик, не колеблясь, ходил по тропкам смерти, он мужественно смотрел ей в глаза, потому что Советская страна была ему дороже жизни.

Партизанка Анна Куликова.

Драп КУРБАНОВ
Рисунок А. БИЛЛЬ.

Ночью была гроза. Сильный ливень промыл улицы, дома и деревья, к утру все высохло, и только на ярко-зеленых, недавно распутившихся листьях поблескивали капли вчерашнего дождя.

В эту раннюю пору взрослые люди спешат на работу, а дети бегут в школу. Вот и впереди меня идут два мальчика, размахивая портфелями. По их веселым лицам, по тому, как легко и быстро они шагают, я понимаю, что сердца их чисты, как это свежее утро. И мне почему-то хочется послушать, о чем они говорят. Интересно, куда они несут цветы? В руках у обоих букеты алых тюльпанов и джунджиме.

А мне-то казалось, что тюльпанам еще рано цвести. Я так давно был мальчиком, что даже забыл, когда цветут тюльпаны!..

Мне вспоминается вдруг то время, когда и я ходил в степь за тюльпанами. Мы ходили к северу от города, в песчаную местность, называемую Дикекум. Весной там было много тюльпанов, и трава поднималась высокая и густая. Если смотреть оттуда на юг, можно было увидеть в туманном отдалении Ашхабад и розовые хребты Копет-Дага, похожие на облака в небе. Когда мы находили в зеленой траве красные, как раскален-

ные угли, тюльпаны, мы радовались каждому цветку, точно находили золото.

Вот о каких временах напомнили мне тюльпаны в руках у мальчиков.

Вдруг я вижу, как младший из мальчиков что есть духу бежит вперед, а старший бросается за ним вдогонку. Обгоняя прохожих, они оба мчатся так быстро, точно бегут на спор. Не поссорились ли они и не начнется ли драка, когда старший догонит малыша?

И я спешу следом, чтобы в случае чего разнять драчунов. Но все заканчивается мирно и неожиданно. Я вижу, как бежавший впереди паренек останавливается перед высоким смуглым человеком в соломенной шляпе и отдает ему цветы. То же самое делает второй мальчуган. Смуглый человек в соломенной шляпе обнимает запыхавшихся мальчишек и что-то говорит им, улыбаясь.

А я смотрю на него во все глаза. Я узнаю его сразу, но от смущения не могу вымолвить ни слова. Я стою, глупо улыбаясь, и чувствую себя таким же мальчишкой, как эти двое с цветами. А он не узнает меня! Что ж удивительного: ведь прошло столько лет! Взглянув на меня мельком, как на чужого, он проходит мимо, мальчики терпят его за руки и что-то спрашивают наперебой,

и он отвечает то одному, то другому. Так они идут втроем — высокий человек, обвиняющий за плечи двух мальчиков, — а я стою посередине тротуара и смотрю им вслед.

Мне вспоминается один давний день...

Впервые в жизни я переступил порог школы. Все казалось мне изумительным, необыкновенным: большая класная доска, блестящая от солнечных лучей, белый скрипучий мел, парты, пахнущие свежей краской, и даже звуки звонка, тревожные и волнующие.

Учитель вошел в класс с кипой книг под мышкой. Если бы вы слышали, с какой радостью мы стали кричать: «Учитель будет раздавать нам книги!» Хотя мы отлично знали, что каждый из нас получит книгу, мы не могли набраться терпения: нам хотелось подбежать к учителю и вырвать у него книгу из рук!

Учитель действовал по порядку. Он начал раздавать с первого ряда и на каждой парте оставлял по две книги. Дети хватали их с жадностью, тут же начинали читать и любоваться картинками. А я сидел на последней парте и страдал больше всех. Сердце мое громко колотилось, и я даже вспотел от волнения. «Сейчас! Сейчас! — говорил я себе. — Сейчас дойдет очередь до меня, и я получу свою книгу!»

Наконец учитель подошел к моей парте и положил книгу. Одну на двоих! Мой товарищ Анвар сейчас же потянул книгу к себе.

Учитель сказал:

— Одному из вас не хватило книги. Сегодня вы будете учиться по одной, а завтра я принесу.

Анвар держал книгу перед собой, а я хотел переложить ее на свою половину. Я вцепился в кожаный корешок и потянул. Анвар крепко держал книгу двумя руками. Некоторое время мы молча толкались локтями и старались оторвать пальцы друг друга от книги, пока учитель не сказал строго:

— А ну-ка, дайте книгу сюда! — Он взял ее и положил посередине парты, как раз между нами. — Вот так и читайте. Я думаю, вы не поссоритесь.

Эти спокойные слова были для меня настоящей пощечиной. Я понял, что книга никогда не попадет мне в руки. Каким несчастным, обездоленным я почувствовал себя в этот миг! Невольные слезы навернулись мне на глаза и закапали на белую обложку.

— Ты, кажется, хочешь ее испортить? — с важным видом сказал Анвар и подвинул книгу на свою половину.

И тут я не выдержал и разрыдался. Мне было стыдно своих слез, но я ничего не мог поделать с собой. Уткнувшись лбом в парту, я ревел, как девчонка. Потом я почувствовал, что кто-то гладит меня по волосам, и поднял голову. Учитель держал перед моим носом книгу.

— Возьми эту книгу! Я даю тебе мою собственную, вот из этого портфеля, — сказал учитель и, улыбувшись, добавил: — Я уж как-нибудь обойдусь сегодня без книги...

Мгновенно высохли мои слезы. Обними руками я схватил новенькую, прекрасную книгу в шершавой обложке. Сколько раз в тот день я перелистывал ее с начала и до конца! Каждая картинка, каждый самый маленький рисунок казались мне полными глубокого смысла, и я мог разглядывать их часами. Помню, как впервые я выучил стихок про петуха с красным гребешком и громким голосом читал его, размахивая руками, как настоящий артист. Учитель был очень доволен. А в другой раз я пришел в школу, не выучив урока, и учитель бранил меня перед всем классом...

С тех пор прошло много лет. Деревья двадцать пять раз покрывались почками. И двадцать пять раз с них опадали листья. После той первой книги я прочитал очень много других книг, и после того учителя у меня было много других учителей.

Конечно, все книги, которые я прочитал потом, были умней и интереснее «Азбуки». А среди моих учителей были люди гораздо более образованные, чем мой первый учитель. И все же ни одна книга не сможет занять в моем сердце место «Азбуки», и ни один учитель не сотрет в моей памяти образ человека, который впервые дал мне в руки книгу и научил читать.

Очень жаль, что эта книга не сохранилась. Она пронеслась в моем детстве, как молния, как белая птица, и исчезла бесследно...

Высокий человек в соломенной шляпе был моим первым учителем. Я узнал его сразу, хотя волосы его поседели, а лицо стало сухим и морщинистым. Но глаза у него остались прежние: добрые, милые глаза учителя. Ах, как я жалел, что не спросил у мальчиков раньше: кому они несут тельпаны? И почему я так глупо молчал, вместо того чтобы радостно поздороваться с моим учителем, о котором я не забывал никогда?

Учитель и оба мальчика давно уже скрылись за поворотом. А я все стоял посреди тротуара и смотрел вдаль — в свое детство...

Перевод с туркменского Ю. Трифонова.

Пр о н а ш у ж и з н ь

Октябрю

Я не был в октябре
В семнадцатом году,
Но по следам его
Я каждый день иду.
Я подвигов хотя
Еще не совершил,
Полезным стать стране
Не пожалео сил.
Я не был в октябре
В семнадцатом году,
Но по его пути
Всю жизнь свою пройду.

Колонна знаменосцев на слете пионеров Московской области, посвященном сорокалетию Октября.

*Володя Лапин, 6-й класс,
литературный кружок
при Детской библиотеке
имени Ломоносова, Москва.*

Идем в новую школу.

Рисунок ученика 5-го класса Володи Белона, 155-я школа, Киев.

Звездолет «СССР-1»

Любимый цвет

Какого цвета галстук твой?
Какое знамя над тобой?
Какой ты шар в руке несешь?
Какое платье кукле шьешь?
Всё красный цвет, любимый цвет,
Цвет революций и побед.

*Лена Гуляева,
город Бабушкин,
Московской области.*

Мы с моим другом Володей Васильевым изобретаем звездолет — межпланетный корабль «СССР-1». Скоро будут готовы чертежи, и мы начнем делать модель нашего ракетного звездолета. В будущем мы мечтаем построить настоящий большой летающий корабль и отправиться в межпланетное путешествие. Пункт назначения — Венера. Задача — установить, есть ли там жизнь, а если нет, можно ли изменить условия, чтобы была.

Пока что мы ведем «Дневник приключений» воображаемого путешествия. В этом путешествии Володя — командир корабля, а я штурман.

*Володя Украинцев,
Архангельск, Дворец пионеров.*

Поезд идет вперед

На Украине, в Ужгороде, открылась детская железная дорога — Ужгородская-малая. Открывается семафор, кондуктор дает пронзительный свисток, и поезд, маленький, но совсем настоящий, медленно трогается в путь.

На нижнем снимке: диспетчер записывает точное время, когда отошел состав. Справа: дежурный по станции передает машинисту жезл.

Наш Дворец

На Дворец пионеров когда-то
Этот дом был совсем не похож,
В нем могли находиться ребята
Только очень богатых вельмож.

А сейчас звонкий смех раздается,
Проникая сквозь стены Дворца,
И задорная песня несется,
Здесь веселью не видно конца.

Супоницкая Галля,
7-й класс, 371-я школа. Ленинград.

Учимся работать

Наша станция юных техников хорошая. На ней хорошо работать: самые новые, первоклассные станки — токарный, поперечно-строгальный, фрезерный, сверлильный. И инструментов всяких много. Дома же не у всех есть сверло, например, или дрель, всякие рубанки, стамески. А на нашей технической станции — пожалуйста. Построить можно все, что хочешь. Наши ребята делают разные модели, приборы, механизмы.

Ребята из радиокружка, например, сделали радиокомбайн. Это скомбинированные вместе приемник, телевизор и магнитофон. Мы послали радиокомбайн в подарок венгерским ребятам.

Я собрал самостоятельно радиоприемник «Рекорд», а когда впервые пришел на техническую станцию, то ничего не понимал в радиоделе.

Недавно я сделал электрический аттракцион «Филин». На витом проводе сидит филин. В глазах у него электрические лампочки.

Играющие продевают в спираль металлический стержень так, чтобы не задеть ее. А заденешь — лампочки загораются. Так что «сжулить» уже никак нельзя: лампочки выдадут. Пробегают железную палочку пять раз. Выигрывает тот, кто меньшее число раз заденет за спираль.

Наши ребята из фотокружка сняли фильм «По ленинским местам». Сейчас они показывают этот фильм

Москвич Витя Соловьев любит строить модели самолетов. Вот он работает в мастерской пионерлагеря.

по школам Подольска. Киноаппарат у них тоже са-
модельный.

Семиклассник Боря Воронин, который мечтает
стать краснодеревщиком, сделал мебельный гарни-
тур: стол, стулья, этажерку, шкаф.

А Леня Лунев так освоил токарный станок, что

сразу после окончания школы получил разряд и
стал работать токарем на заводе имени Калинина.

Я тоже собираюсь стать рабочим на радиозаводе.

Слава Хознев,

председатель совета юных
техников, Подольск.

Живем хорошо

У нас в колхозе овец стри-
гут электрическими машин-
ками. Стада такие огромные,
что вручную остригать — год
будешь стричь, а то и боль-
ше, а электричеством быстро.
И овцам нравится.

Я люблю смотреть, когда
стада выгоняют на пастби-
ща. Не видно конца, до само-
го горизонта все овцы и ов-
цы. Я иногда думаю: как не-
справедливо было раньше,
до революции! Огромным
стадом владел один богач —
бай. А бедняки мучились: не
было у них ни мяса, ни муки,
ни одежды, а у некоторых даже и жилья не
было. А попробуй попроси бедняк у богатого
что-нибудь для себя или для детей! Как же,
даст он!

Мне дедушка рассказывал, что когда ста-
ли организовывать колхоз, бай и его верные
слуги стали резать овец и лошадей, чтобы
простому народу не достались.

Стадо в горах.

Рисунок Балтыбая Табылдаева,
12-я школа, Алма-Ата.

Наш колхоз богатый. И скота столько раз-
вели, что баю и не снилось. И живем мы
все хорошо, все ребята учатся в школе,
играем, читаем и вообще живем очень хо-
рошо.

Юлдаш Акмаев.

Киргизская ССР.

Колхоз имени Молотова.

«ТУ-104» в Ташкенте.

Рисунок Ван-Цюя. Ташкент.

Целинные земли

Поднимает целинные земли
Для народа родная страна,
Комсомольцы на тракторы сели,
Повели караваны зерна.
Где вчера была степь лишь
пустая,
Там теперь колосятся поля,
Гул идет и от края до края
Расцветает родная земля!

*Саша Черниговский, 5-й класс,
литературный кружок
Красногвардейского района,
Москва.*

Утро

Я шел рассветом вдоль межи
Над тихим полем желтой ржи.

Дул встречный ветер, и казалось,
Под гребнями ржаных валов
До горизонта прогибалась
Земля под тяжестью хлебов.

А на востоке цвета бронзы
Вставало медленное солнце.

Хлеба у края небосвода
Его восходом зажжены.
В такой вот час, наверно, кто-то
Придумал герб моей страны.

Стихи Фазиля ИСКАНДЕРА.

Рисунок А. Петрова.

Первый арбуз

Над степью висит раскаленное солнце.
Сидят под навесом три волгодонца,
На стель глядят

из-под навеса,
Едят с повышенным интересом.
Еще бы:

ребята устали за день!
Рубашки к телу прилипли сзади.
А под столом в огромном ведре
Арбуз прохладдается в свежей воде,
Фабричным клеймом

на кожуре
Кто-то старательно выскреб «В. Д.».
Его на стол кладут осторожно,
С минуту, любуясь, не режут нарочно.
Он весь полосат, тугой и зеленый,
И так тяжел его сладкий сок,
Что заскрипел едва скрепленный
Стол из шершавых,
неровных досок.

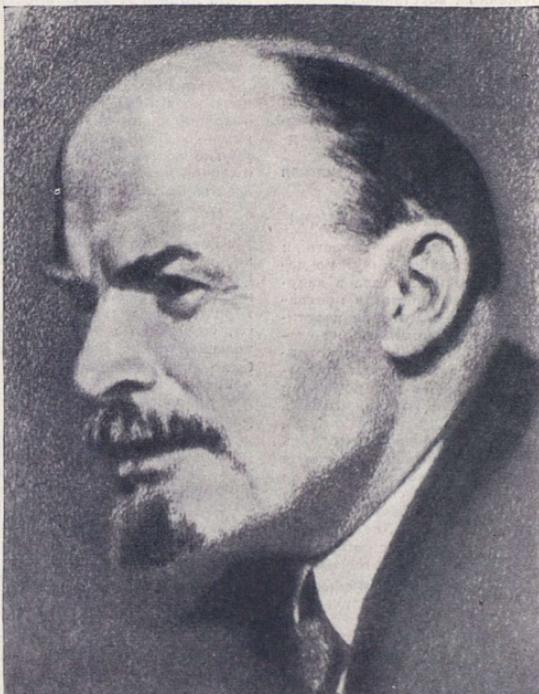
Но вот в него нож
вонзился, шурша,
И брызнули косточки,
скользки и липки,
С треском выпрыгивая
из-под ножа,
Как будто живые черные рыбы.
Арбуз просахарен

от жары
До звонкой и тонкой своей кожуры.
Прохлада ознобом проходит по коже,
А ломкие ломти на соты похожи.
Влажной землей арбуз пропах,
Он, как снег под ногами,

хрустит на зубах.
И сочная мякоть его красновата,
Как снег, окропленный
февральским закатом.
Еще степи пахнут паленой травой,
Еще на рубашке пот трудовой,
Но с первой бахчи дружья принесли
Первый арбуз — благодарность земли.

ВОЖДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Из воспоминаний о В. И. Ленине

Владимир Ильич Ленин.

23 октября (10 октября) 1917 года.

ЗАСЕДАНИЕ ЦК БОЛЬШЕВИКОВ

Заседание страшно напряженное. Вопрос о курсе на вооруженное восстание поставлен ребром. Приезжает из Гельсингфорса товарищ, рисует картину подъема настроения матросско-солдатских масс северной области. Флот рвется в бой, весь наготове стать решительно и бесповоротно на защиту лозунга «Вся власть Советам!». Флот требует решительного ответа ЦК. Медлить — значит упустить момент.

Технически все предусмотрено. Подготовлено. Ждут лишь директивы центра, чтобы действовать в определенном направлении.

Можно ли держать курс на вооруженное восстание? Не преждевременно ли? Все ли предусмотрено? Кто с нами? Достаточно ли спайка масс? Не сильнее ли противник, чем мы думаем? Не было бы ущерба для революции при нашей неудаче?

Слово берет Ленин. Он все взвешивает и прихо-

дит к выводу, что надо взять решительный курс на восстание.

...Голосуюем. Две руки — против. Остальные — за. Заседание закрыто. Ночь на исходе. Напряжение сразу спадает, ощущается голод.

Историческое заседание позади. По решению, принятому на нем, суждено перевернуть судьбы мира. Так этим темным дождливым вечером стрелка истории повернулась к коммунизму.

А. М. Коллонтай

6 ноября (24 октября) 1917 года.

КАНУН ВОССТАНИЯ

7 октября Ильич перебрался из Выборга в Питер. Решено было соблюдать сугубую конспирацию: не говорить адрес, где он будет скрываться, даже членам Центрального Комитета. Поселили мы его на Выборгской стороне, на углу Лесного проспекта, в большом доме, где жили исключительно почти ра-

бочие, в квартире Маргариты Васильевны Фофановой. Квартира была очень удобна, по случаю лета никого там не было, даже домашней работчицы, а сама Маргарита Васильевна была горячей большевичкой, бегавшей по всем поручениям Ильича. Через три дня, 10 октября, Ильич принимал участие в заседании ЦК на квартире Сухановой, где была принята резолюция о вооруженном восстании...

15 октября состоялось заседание петроградской организации... При голосовании громадное большинство высказалось за немедленное восстание, весь Выборгский район голосовал за.

...24 октября (6 ноября) он написал в ЦК письмо о необходимости брать власть сегодня же. Послал Маргариту с этим письмом, но не дождался ее возвращения, надел парик и пошел в Смольный; медлить нельзя было ни минуты.

Н. К. Крупская

ИЛЬИЧ УХОДИТ С КОНСПИРАТИВНОЙ КВАРТИРЫ

...Взявши уже извозчика, торопилась попасть к одиннадцати часам. Приехала раньше минут на десять, но Владимира Ильича уже не застала в квартире. Вначале я даже растерялась, попав в неосвещенную квартиру. Зажгла огонь, осмотрела квартиру — раскрыты все двери во всех комнатах, на столе в столовой оставлен незаконченный ужин и третий чистый прибор, на котором я уже потом разглядела узенькую длинную записочку, в которой было написано: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свиданья. Ильич».

Увидя подпись — не конспиративную подпись Владимира Ильича, а его лаконичное «Ильич», я как-то совершенно успокоилась, никакой боязни за Ильича у меня не стало. Я просто сказала себе: Ильич знает, что делает. Но все же решила направиться вслед за Ильичем в Смольный. Здесь я увидела его в тот момент, когда он снимал с себя пальто и шляпу вместе с париком в комнате № 100.

М. В. Фофанова

ПО ДОРОГЕ В СМОЛЬНЫЙ

...Было уже совсем темно, когда загримированный Ленин вместе с товарищем Рахья шел по заставившим в ожидании чего-то улицам Питера. Ленин был поражен тем, что почти всюду его останавливали наши патрули — красногвардейцы, моряки, революционные солдаты. Лишь изредка встречались патрули юнкеров.

— Я не думал, что у них (то есть у Временного правительства) все так гнило, — сказал он своему спутнику.

Подожли к Смольному. Но и Смольный не узнать. Во всех окнах огни, во дворе броневки, у входа на постах часовые. Тут же поодаль горят костры, около них греются солдаты, матросы, красногвардейцы, сменные с постов. Везде вооруженные люди. Все в движении, словно в огромном муравейнике. В ворота въезжают грузовые машины, доверку нагруженные винтовками, патронами, пулеметами. Их тут же разбирают районы, заводы для вооружения рабочих.

Н. И. Подвойский

ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

Я был тогда комиссаром Военно-Революционного Комитета по охране и связи Смольного с фабриками и заводами. Вдруг в канцелярию быстро вошел один

из моих товарищей и, не говоря ни слова, протянул газету, указав при этом на небольшую заметку, обведенную красным карандашом.

В буржуазной газете сообщалось о том, что Временному правительству известно местонахождение Ленина и что в связи с этим принимаются меры к его аресту. Газета выпала из моих рук, по телу пробежала дрожь. А вдруг арестуют? Как же быть? Ведь уже начинается пролетарская революция!

Но опасения мои оказались напрасными.

— Жив, цел-целехонек! — услышал я возбужденный голос.

Говоривший не сказал, кто «жив» и «цел-целехонек», но я и без того понял все. Я вышел в коридор, похожий на пчелиный улей. Люди говорили об одном — о Ленине. Одни утверждали, что он здесь, другие возражали, но никто, конечно, не знал, где именно находится Ленин, за которым охотились агенты Временного правительства.

Шумно было и на главном посту. Я подошел ближе к красногвардейцам и прислушался к их разговору. Говорили о Ленине. Был уже поздний вечер. Когда я осматрелся, то заметил, что на подоконнике сидит какой-то человек и слушает, о чем спорят красногвардейцы. В это время меня позвали к товарищу Свердлову. Когда я возвращался по коридору, то увидел в одной из комнат много народа и услышал голос Ленина. Заглянул туда. Каково же было мое удивление, когда я узнал в Ленине того человека, который всего несколько минут назад сидел возле главного поста на подоконнике и слушал разговоры красногвардейцев!

Ленина я сразу не узнал потому, что он был в парике и чужом пальто: так он пришел поздно вечером 24 октября в Смольный из своей последней нелегальной квартиры. Я очень обрадовался, и мне хотелось закричать: вот он, наш Ленин, здесь!

Ф. А. Быков

7 ноября (25 октября) 1917 года.

У РУЛЯ РЕВОЛЮЦИИ

В маленькой клетушке, у висащего на стене плана города Петрограда, — Антонов-Овсеенко, Чудновский и я. Мы ставим последние кресты на план города, знаки тех ударов, которые в первую, вторую и третью очередь должны быть нанесены по силам контрреволюции. Мы так поглощены расстановкой флажков, что не заметили, как в нашу комнату вошел Владимир Ильич. Трудно передать наше волнение и радость, когда мы увидели Ленина. У меня было огромное желание познать его с тем, что мы тут наметили, и спросить, как он оценивает наш план, но Владимир Ильич кого-то, видимо, искал. Он только многозначительно взглянул на нас, как бы желая сказать: ну, вот и наступил этот час... последний час буржуазии...

Через связанных мы сейчас же дали знать во все полки, на все заводы, что восстанием непосредственно руководит Ленин, что он уже в Смольном и взял в свои руки бразды правления. И со всех сторон Петрограда к Ленину потянулись руководители красногвардейских отрядов, восставших частей: всем хотелось убедиться в том, что Ленин с нами, услышать указания от него самого.

...Вот замедлился поток донесений из секторов. В комнату, где работает наша тройка, входит Ленин. Спокойно, но настойчиво он требует выяснить, почему ослабло продвижение цепей. Тут же доискивается причин. Посылает людей на секторы подогнать окружение Зимнего и Марининского дворцов.

В. И. ЛЕНИН НА ТРИБУНЕ.

А. Герасимов.

В. И. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ.

Н. Бабасюк.

С его приходом в Смольный восстание приобретает особенно энергичный темп.

После того, как Владимир Ильич покинул квартиру Военно-Революционного Комитета, к нам входит то один, то другой товарищ со словами: «В помощь... Владимир Ильич прислал в ваше распоряжение... для того-то и того-то».

Рабочие и солдатские массы ночью и утром 25 октября вышли с заводов, фабрик и казарм, твердо решив: не возвращаться без власти. За одну ночь и утро буржуазия была лишена пролетариатом в Петрограде улиц, площадей, связи, вокзалов, передатчиков внутри города и по всей стране.

К утру исход восстания был уже решен. Все ключевые пункты были в руках восставшего пролетариата. Временное правительство блокировано в Зимнем дворце, лишено власти, осталось почти без сил. В 10 часов утра 25 октября Военно-Революционный Комитет обратился с воззванием, написанным Лениным:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Н. И. Подвойский

Ночь с 7 на 8 ноября.

ПЕРВЫЕ ДЕКРЕТЫ

...Мы поздно ночью двинулись ко мне на квартиру на ночевку. Поужинали кое-чем, после ужина я постарался предоставить все для отдыха Владимира Ильича, который был хотя и возбужден, но, видимо, крайне переутомлен. Еле удалось уговорить его занять мою постель в отдельной небольшой комнате, где к его услугам были письменный стол, бумага, чернила и библиотека.

Я лег в соседней комнате на диване и решил заснуть только лишь тогда, когда вполне удостоверюсь, что Владимир Ильич уже спит. Для большей безопасности я запер входные двери на все запоры, крючки и замки, привел в боевую готовность револьверы, думая, что ведь могут вломиться, арестовать, убить Владимира Ильича; ведь только первая ночь наша — всего можно ожидать. На всякий случай тотчас же записал на отдельную бумажку все известные мне телефоны товарищей, Смольного, районных рабочих комитетов и профсоюзов, чтобы впопыхах не перезабить.

Владимир Ильич у себя в комнате погасил уже электричество. Прислушиваясь — спит ли? Ничего не слышно. Начиная дремать, и когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет в комнате, где находился Владимир Ильич. Слышу, как почти бесшумно встал он с кровати, тихонько приотворил дверь ко мне и, удостоверившись, что я «сплю» (конечно, я не спал), тихими шагами, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, подошел к письменному столу, сел за него, открыл чернильницу и углубился в работу, разложил какие-то бумаги.

Он писал, перечеркивал, читал, делал выписки, опять писал и, наконец, видно, стал переписывать начисто. Уже светло, стало сереть позднее петро-

градское осеннее утро, когда Владимир Ильич потушил огонь, лег в постель и заснул.

Утром, когда надо было вставать, я предупредил всех домашних, что надо быть потише, так как Владимир Ильич работал всю ночь и, несомненно, крайне утомлен. Вдруг, когда его еще никто не ждал, он показался из комнаты, совершенно одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный, шустрый.

— С первым днем социалистической революции! — поздравил он всех, и на его лице не было заметно никакой усталости, как будто бы он великолепно выспался, а на самом деле спал-то он разве два-три часа, самое большее, после такого ужасного, двадцатичасового трудового дня. Когда Собирались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, нечаявшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана чистенько переписанные листки и прочел нам свой знаменитый «Декрет о земле».

— Вот только бы объявить его и широко распространить и распространить! Пускай попробуют тогда взять его назад! Нет, шельми, никакая власть не в состоянии была бы отнять этот декрет у крестьян и вернуть землю помещикам. Это — важнейшее завоевание нашей Октябрьской революции. Аграрная революция будет совершена и закреплена сегодня же.

...Декрет о земле решили напечатать сейчас же отдельной книжкой не менее 50 тысяч и раздавать его прежде всего всем солдатам, возвращающимся в деревни, ибо через них-то декрет быстрее всего дойдет в самую глубокую массу.

...С нетерпением дождался Владимир Ильич вчераше. После принятия Вторым Всероссийским съездом декрета о мире он с особой четкостью прочел декрет о земле, с восторгом единогласно принятый съездом.

В. Д. Бонч-Бруевич

8 ноября 1917 года.

ЛЕНИН СОВЕТУЕТСЯ С НАРОДОМ

В 11 часов утра 26 октября (8 ноября) дежурный по караулу Смольного разбудил меня и сказал, что меня вызывает Владимир Ильич на доклад. Я никак верить не хотел этому, думал, что дежурный смеется надо мной. Но он заявил:

— Ведь ты вчера вечером и всю ночь держал связь с Нарвским районом, вот и иди, докладывай...

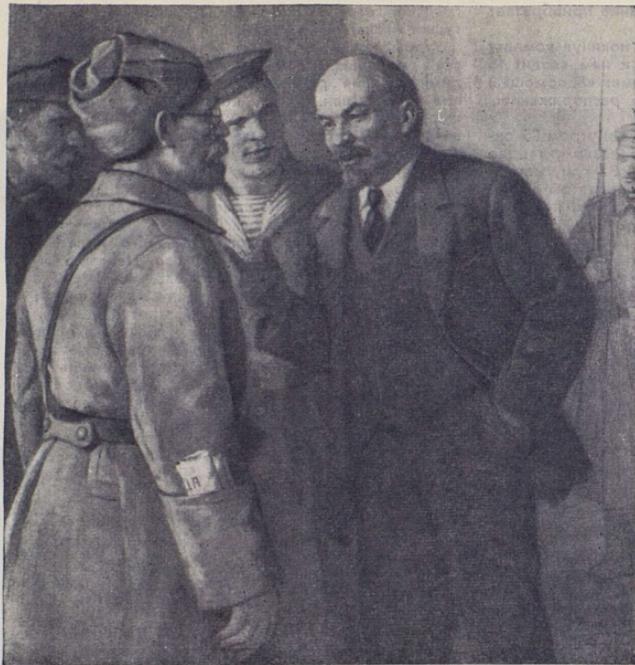
Когда я убедился, что дежурный не шутит, меня охватило несказанное волнение: сумею ли рассказать о том, что знал?

Думал, думал и придумал: вместо доклада сделаю рапорт — наизусть его выучу и отрапортую. И тут же начал зубрить. Когда мне показалось, что выучил, пошел к Ильичу. У дверей в комнату Ильича стояли наши красногвардейцы. Они знали о вызове и сразу же пропустили меня.

Когда я вошел в комнату, Ильич сидел за небольшим столом и что-то писал. Моего прихода он не заметил. Подойдя к его столу, я взял под козырек и слегка стукнул каблучками. Ильич, услышав этот стук, поднял голову и взглянул на меня. Я уже совсем приготовился произносить слова значущую мною рапорта, но Владимир Ильич, видя, что я стою навытяжку, с рукой под козырек, быстро поднялся со стула и замехал обеими руками, произнося при этом:

— Что вы, что вы, бросьте! Садитесь и рассказывайте.

Когда Владимир Ильич усадил меня на стул против себя, весь мой заранее подготовленный рапорт вылетел из головы, я просто стал рассказывать

В. И. Ленин разговаривает с красногвардейцами в Смольном.

Рисунок П. Васильева.

Ильичу о том, что знал и видел, о настроениях путиловских рабочих. Ленин слушал и продолжал что-то писать. Я замолк, подумав, что мешаю ему. Тогда Ильич поднял голову и сказал:

— Продолжайте, продолжайте, я слушаю вас.

Я рассказывал о настроениях рабочих, об их взглядах на Советскую власть. В. И. Ленин стал задавать мне вопросы. Помню такой вопрос: «А как женщины, довольны Советской властью?».

Позднее я узнал, что В. И. Ленин вызывал связанных красногвардейцев и из других районов, расспрашивал их о настроениях рабочих, об их нуждах.

Этих событий мне никогда не забыть! Я всю жизнь буду помнить, как в первые дни Советской власти рассказывал в Смольном великому Ленину о жизни и настроениях рабочих Путиловского завода.

И. Еремеев

НА ТРИБУНЕ СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Съезд заседал всю ночь с 25 на 26 октября (7—8 ноября).

...Революция победила.

После многих выступлений, всяких внеочередных и очередных заявлений, которые улетучились уже

сиз памяти, вдруг вскочил на подмостки матрос. Помню его крепкую, коренастую фигуру. Он твердо отчеканил о взятии Зимнего и об аресте Временного правительства. Буря восторгов после каждой его фразы, каждого слова... Наконец выступил Ленин.

...Ленина ждали. Делегаты хотели увидеть любимого вождя и организатора победившей революции.

...Долгие минуты Ленин не мог начать свою речь, столь огромен и безбрежен был разлив радости.

Наконец в зале немного стихло. От Ленина ожидали пламенной программной речи, а он просто и спокойно, без всяких торжественных вступлений, заговорил о том, что было понятно и дорого всем,— о мире.

Сказал буквально несколько слов (в Собрании сочинений В. И. Ленина они занимают всего лишь пять строчек). Сказал о том, что вопрос о мире есть жгучий, больно вопрос современности, и тотчас же приступил к чтению декрета о мире, предупредив, что этот декрет должно издать избранное нашим съездом правительство.

...Да и вся его речь о мире и вторая речь — о земле — ответили на те самые жгучие, самые насущные вопросы, которые волновали миллионные народные массы.

Как горячо мы, вояки, мечтали о мире! Сколько было пероговорено на эту тему в окопах и землянках!.. Каким образом удалось Ленину услышать эти наши разговоры, как узнал он то, что жило в наших сердцах?..

Голосования, в нашем теперешнем понимании, при принятии документов Октябрьской революции — декретов и обращений — на съезде не было.

Все встали. Крики, овации. Шпаки, папахи полетели вверх. Запели «Интернационал».

Я видел слезы на лицах солдат, на глазах стоящих рядом мужественных пожилых людей, да и мои глаза затуманились. Плача от счастья и радости, мы пели. И президиум съезда и Ленин пели вместе со всеми.

Но вот кто-то с трибуны прокричал, перекрывая овации и шум:

— Работой, бешеной работой, организацией будем закреплять нашу власть, нашу победу! Капитализм не вернется. Поклянемся быть верными, стойкими, преданными Советской рабоче-крестьянской власти!

Тысячи голосов ответили:

— Да здравствует власть Советов!

С. И. Аралов

ЗОЛОТОЙ ПОЕЗД

ПАМЯТИ
МАТЭ ЗАЛКА

Повесть Юрия ДМИТРИЕВА.

Рисунки А. Ливанова.

1

Мелкий, не по-весеннему холодный дождь моросил с утра. Андрей промок еще днем, пробираясь на окраину города, и теперь на пустыре, где ветер был особенно резким, сильно замерз. С трудом сдерживая дрожь, он, напрягая зрение, внимательно оглядывал пустырь. Ему казалось, что ходит он уже очень долго, хотя едва ли прошел час с того момента, как заседание ревкома началось. Андрей знал, что сегодняшнее заседание особенно важное, внеочередное, вызванное какими-то срочными обстоятельствами, но о чем должен был сообщить предревкома Шагов, не только Андрей, даже сами члены ревкома не знали.

Едва Андрей и хозяин дома старик-сторож, также отправленный наблюдать за пустырем, вышли, Шагов начал без предисловий:

— В прошлом году в связи с чрезвычайным положением Советское правительство эвакуировало часть золотого запаса республики из столицы в Казань. Во время мятежа белочехи захватили золото и привезли его сюда, в Сибирь, чтобы передать Колчаку...— Шагов помолчал и резко закончил: — Но передача не должна состояться. И не состоится! Золото будет возвращено законному владельцу!

Наступила долгая пауза. Огонь копилки бился в густом махорочном дыму, бросая тусклый, желтый свет на склонившиеся над столом лица.

— Откуда у тебя сведения?— прервал наконец молчание Марков, низкорослый человек с бескровным, заросшим седой щетинной лицом.

Шагов встал и прошелся по комнате. Старые,

расшатанные половицы жалобно заскрипели под его грузным телом. Огонек копилки метнулся в сторону и зачалдил сильнее.

— Сведения у меня из Москвы. Впрочем, это не сведения, а приказ...

— Известно ли точно местонахождение эшелона?— снова спросил Марков.

— Известно.

— Отбить мы отобьем,— задумчиво произнес представитель железнодорожников машинист Лавров и положил на стол свои огромные, тяжелые руки.— Но дальше как? Ведь без дороги не поедешь. А на дороге...

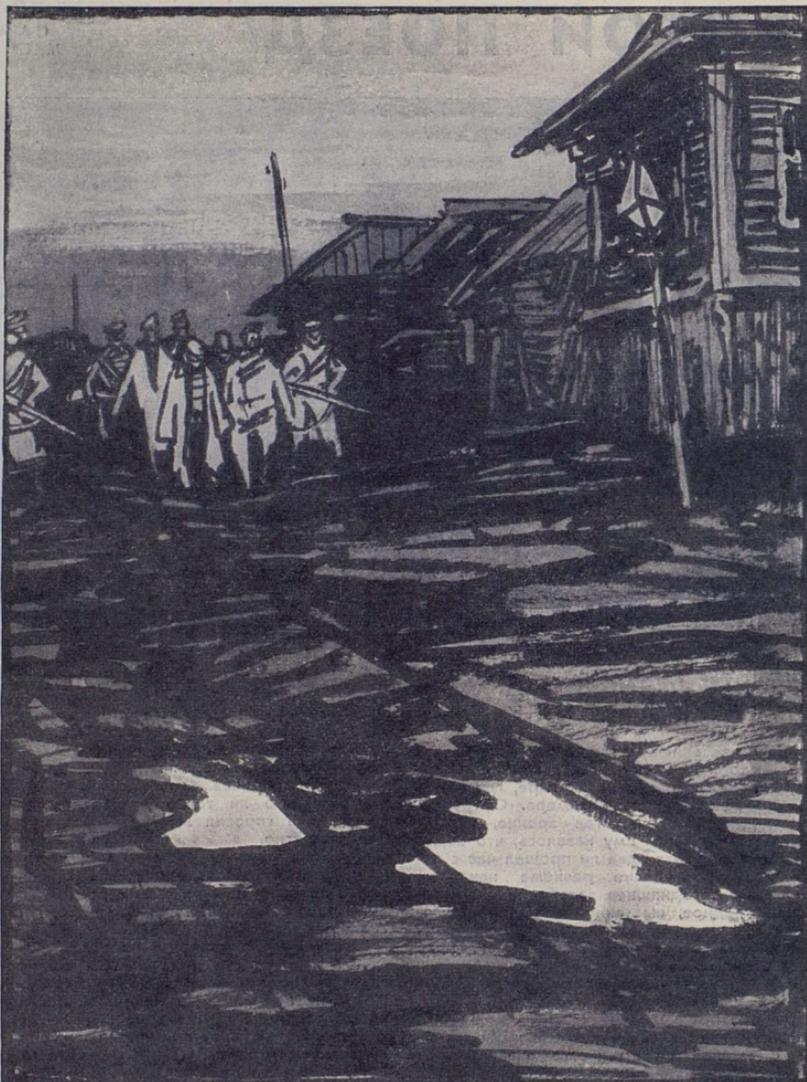
Шагов быстро взглянул на него.

— В этом-то все и дело.— Он помолчал и тихо сказал: — Говоря откровенно, доставить золото в центр невозможно. Но не выполнить приказ правительства тоже невозможно...

Сильный порыв ветра ударил в стену, и Шагову показалось, что там, на пустыре, кто-то вскрикнул. Он посмотрел на ревкомовцев. Они тоже напряженно вслушивались. Шагов быстро вытащил из кармана маленький листок и сунул его в огонь копилки. Тонкая бумажка вспыхнула и рассыпалась по столу кудрявыми комочками пепла.

Марков шагнул к двери, но она сама широко распахнулась. На пороге, сжимая в руке револьвер, вырос чешский офицер. Его серо-голубая шинель набухла от воды, дождевые капельки блестели на густых, пшеничного цвета бровях. Окинув присутствующих быстрым взглядом, он на ломаном русском языке крикнул:

— Руки вверх! Выходит по одному!

У одного из глухих переулков чеки, не замедля шага, чуть расступились.

Ротмистр Еремеев докладывал: — Когда мы получили сведения через верного человека о собрании большевиков на пустыре, я с полуротой окружил пустырь и начал тихонько подбираться. Темнь и дождь способствовали. Но у них

часовые слева и справа были выставлены. Пока мои пластуны подбирались к ним, откуда ни возьмись чеки. Человек десять. Сняли часовых, ворвались в сторожку и увели всех...

— Полковник с такой силой ударил кулаком по столу, что подпрыгнул массивный чернильный прибор.

— Черт знает что! — заорал он, багровея.—

Я докладывал Александру Васильевичу! Я не могу так работать! Кто в конце концов хозяева России, мы или чехи?! Ну, помоги нам справиться с большевиками в Сибири и на Волге, ну, спасибо! Дайте нам дальше самим управлять матушкой Россией. Что?!

Ермеев стоял навтыжку. Он по опыту знал, что в такие минуты лучше не возражать.

— Вы тоже, черт вас возьми, хороши! Чехословацкая разведка работает в тысячу раз лучше, чем наша! Куда чехи повели арестованных?

Ермеев молчал.

— Нам многое надо узнать, а чехи их сейчас пуснят в расход — и все!

Полковник схватил трубку телефона, и по тому, как изменился его голос, ротмистр понял, что говорит он с командованием белочехов, расположенных в городе.

— Расстреляли! — зло процедил полковник, положив трубку. — Это они умеют! А допросить человека, обработать его так, чтоб не только внутренности, но душу вывернуть наизнанку, — это они сейчас не стали понимать!

— Осмелюсь доложить, господин полковник, точно установлено, что группу Шагова уже расстреляли?

— Точно! Сегодня чехи расстреляли шестьдесят четыре человека. Там и Шагов с компанией.

— Но там еще был и наш человек...

Полковник не ответил, только махнул рукой: теперь уже все равно.

Ротмистр скрипнул зубами. Его душила злоба. Шутка ли, чуть не захватить председателя подпольного ревкома и так глупо упустить... Если бы знал он, что в это время на другом краю города, подгораемая прикладами чешских солдат, шла группа ревкомовцев!

Шагов шел позади всех, рядом с офицером. Офицер то отставал немного, то приближался к Шагову. Наконец он подошел почти вплотную.

— В чем дело, Влачек? — быстро спросил Шагов.

— Вас окружили колючаковцы. Мы едва успели перебежать им дорогу, — сильно коверкая слова, заговорил офицер. — Большая опасность была.

Некоторое время снова шли молча.

— Чехи здесь все наши. А среди ваших есть чужой, — снова зашептал офицер.

— Не может быть! Ты ошибаешься, Влачек!

Офицер ничего не ответил, только пожал плечами.

— Сейчас будете уходить по одному, — шепнул он.

Шагов наклонился к идущему впереди Лаврову, тот передал дальше. У одного из глухих переулков чехи, не замедляя шага, чуть раступились, и один из конвоируемых быстро нырнул в темноту. Так продолжалось несколько раз. Кольцо солдат сжималось плотнее, конвоируемых становилось все меньше и меньше. Наконец остался один Шагов. Кивнув солдатам, он нащупал в темноте руку Влачека, крепко сжал ее и исчез...

3

Андрей проснулся и сразу вспомнил все, что произошло вчера. Впрочем, помнил он все очень смутно: гудела голова и боль отдавалась во всем теле. Пожалуй, самым ярким воспоминанием прошедшего дня было чье-то бритое чужое лицо, неожиданно выросшее перед ним на пустыре. Андрей, кажется, успел что-то крикнуть, прежде чем удар обрушился на него и наступила темнота. Как

в тумане, брел он потом по улице, подгоняемый прикладами, и только очутившись один в темном, глухом переулке, понял, что свершилось чудо — он остался жить. Не раздумывая, Андрей побегал. Домой возвращаться он не рискнул и направился в противоположную сторону, туда, где жил Китаец Ван Ю-ли. Едва войдя в комнату, он свалился и заснул как убитый.

— Выспался? — Неслышно ступая мягкими туфлями, Ван Ю-ли подошел к кровати и заглянул в лицо Андрею. — Вставай, однако, моя уже кушать приготовил.

— Сейчас, Ванюша, встану.

— Нет, пожалуйста, вставай скорее! — Всегда мягкий, улыбающийся Ван Ю-ли говорил на этот раз твердо, даже, как показалось Андрею, строго.

— А потом что ты будешь делать? — спросил Андрей, чувствуя, что твердость Ван Ю-ли не случайна.

— Потом гулять с тобой мала-мала будем, — опять улыбнулся Китаец.

Андрею было известно, что Ван Ю-ли хорошо знаком с Шаговым и, хотя сам и не принимал непосредственного участия в подпольной работе, охотно выполнял различные поручения, которые ему давали подпольщики. Поэтому, выйдя после завтрака на улицу, Андрей не удивился, услышав от Ван Ю-ли, что тот уже виделся сегодня утром с Шаговым.

— Он велел тебе ходить гулять со мной, — хитро прищурился Ван Ю-ли, — гулять много будем, спать мало будем...

Тага началась сразу за городом.

Едва они углубились в лес, Ван Ю-ли остановился и тихо сказал:

— Шагов велел, чтоб ты знал. Идем передавать важное поручение партизанскому отряду «Интернационал». Тут, — Ван Ю-ли хлопал себя по груди, — есть письмо. На всякий случай твоя пуста знает.

Он круто свернул с тропы и пошел напрямик, по какому-то ему одному известным приметам выбирая направление.

4

... — Итак, завтра, — Шагов поднял голову и оглядел всех присутствующих. — Ясно?

— Успеют? — с тревогой спросил Ильин.

— Скорее всего, не успеют, даже наверняка не успеют.

Это говорил Марков.

— Успеют, — резко оборвал его Шагов.

— Вы забываете об обстановке. Это таига, а не Швейцария, товарищ Шагов, — мягко возразил Марков. — И, кроме того, посланные не внушают мне особого доверия. Товарищ Андрей уже скомпрометировал себя, будучи часовым в ту памятную ночь, а Китаец...

— Товарищ Марков! Сейчас не время и не место разводить дискуссии. У нас есть приказ центра, у нас есть решение ревкома. И, кроме того, это возможно осуществить только завтра, вернее, — он взглянул на часы, — вернее, сегодня. Так? — Шагов вопросительно посмотрел в угол.

— Только так, — тихо сказал Влачек, поднимаясь. — Захват поезда лучше делать сегодня утром. От имени подпольной коммунистической организации чехословацкого корпуса сообщая: будем делать все, аби помогли партизанам захватить поезд.

Шагов погасил свечу, поднял шторы и приоткрыл окно.

— Итак, все ясно. Тебе, Лавров!

— Ясно.

— Ильин?

— Готов.

— Марков?

— Да.

Шагов перечислил всех присутствующих, внимательно вглядываясь в лица.

— Пора, товарищи.

Один за другим люди стали расходиться. Влачек уходил последним. На пороге он задержался.

— Иван Сергеевич...

— Что?

Влачек молчал, низко наклонив голову.

— Ну, Ян...— Шагов положил Влачеку руку на плечо.

Чех поднял голову. В его светлых голубых глазах стояли слезы.

— Не могу я больше, товарищ Шагов! Пустите меня в тайгу!

Шагов крепко сжал плечо Влачека.

— Знаю,— сказал он чуть осипшим голосом,— знаю, друг, но ты нужен здесь.

— Но почему, почему мои товарищи там борются за Советы, а я здесь, среди палачей, должен нести на себе проклятия вашего народа за дела наших мерзавцев?

— Ты коммунист, Ян, и незачем задавать такие вопросы. Ты должен быть тут. Иди. Уже время. Твои люди готовы!

— Ждут.

Влачек ушел. Шагов подождал несколько минут и тоже вышел из комнаты. На секунду задержался в дверях, осмотрелся, закурил и быстро пошел по улице, не оглядываясь и не глядя на встречных.

А в это время другой человек бежал по другой улице к дому ротмистра Еремеева, чтоб предупредить, рассказать о только что закончившемся заседании подпольного ревкома, о том, что произойдет через два часа.

5

Андрей в изнеможении опустился на траву. Слева и справа от него густой цепью лежали бойцы интернационального партизанского отряда. Бывшие военнопленные австрийцы и чехи, венгры и немцы, узнавшие в плену великую правду, остались здесь, в России, чтоб своей жизнью утвердить эту правду на одной шестой части земли. Сейчас этому отряду было поручено осуществление важного правительственного задания.

Командир отряда, невысокий плотный человек с ясными, детскими глазами и ослепительной безоблачной улыбкой, венгр Матз, которого все русские называли Матвей Михайлович, выслушав Ван Ю-ли и прочитав письмо, куда-то ненадолго исчез. Через полчаса отряд выступил в поход. На рассвете партизаны подошли к городу.

На запасных путях, окруженный плотным кольцом часовых, стоял поезд, в котором находилась золотой запас, похищенный у молодой Советской республики. Из кустов Андрею было видно, как прохаживались часовые, как в лучах восходящего солнца вспыхивали над их плечами тоненькие серебряные ниточки штыков. Андрей попытался сосчитать часовых, но это ему не удалось, да к тому же со стороны станции к поезду подошло еще несколько человек — солдаты во главе с офицером.

Андрей, конечно, не знал, что это были те самые солдаты и тот самый офицер, которые позавчера «арестовали» ревком.

Вновь прибывший чешский офицер постучал в купе командира поезда и, не дождавись ответа, открыл дверь.

Толстый майор громко храпел, укрывшись с головой шинелью. Влачек почтительно дотронулся до плеча спящего. Майор не проснулся. Влачек посмотрел на пустую бутылку из-под коньяка, стоящую у изголовья, и сильно толкнул майора.

— А? Кто там?

Майор поднял голову и уставился на Влачека.

— Срочный пакет господину майору,— вытянулся Влачек.

— Какого дьявола! Передача золота назначена на восемь утра.

— Русском командованию, очевидно, не терпится поскорее получить свое золото,— усмехнулся Влачек.

Майор что-то пробормотал, разорвал конверт и быстро прочитал письмо.

— Верховный правитель Руси страдает, видимо, бессонницей,— процедил он.— Вы, поручик, знаете место, куда надо подогнать состав?

— Так точно.

Майор махнул рукой.

— Укажите моему помощнику. Я не желаю иметь головную боль из-за русского золота.— И он снова опрокинулся на подушку.

Влачек козырнул и вышел из купе. Теперь все зависело от него. Разыскав помощника и передав распоряжение майора, он указал, куда надо подать состав. Через несколько минут поезд медленно выходил на главную магистраль. Остановился он у границы станции, и часовые вновь окружили его. Теперь они были прямо против Андрея и партизан. Андрей видел, как на площадке вышли заспанный майор и молодой поручик. Майор посмотрел на часы, удивленно поднял брови и повернулся к поручику.

Тот тоже посмотрел на часы, пожал плечами, и вдруг Андрей услышал выстрел. Толстый майор мешком свалился на землю.

Через минуту все было кончено: выскочившие из кустов партизаны молниеносно обездорожили часовых, и появившиеся откуда-то рабочие-железнодорожники во главе с Ильиным тотчас же ворвались в вагоны.

Андрей вскопил на паровоз и навел наган на испуганно поднимающего руки машиниста и часового-чеха.

— Молодец, Андрей,— услышал он голос появившегося откуда-то Маркова,— оставайся на паровозе.

Андрей отобрал у чеха винтовку и уселся на ящик, ожидая дальнейших распоряжений. Но ждать пришлось недолго. Одним рывком в будку поднялся Лавров.

— Хватай лопату, Андрюха, будем поднимать пары. И вы тоже!— приказал Лавров машинисту и чеху.— Живо!

Ильин и командир партизан Матз распределяли людей по вагонам, железнодорожники быстро осматривали оси и сцепления. В это время со стороны города показалась большая группа людей. Ильин подбежал к паровозу.

— Вперед!

В ту же секунду поезд рванулся с места. Вскочив на подножку и ухватившись за поручни, Ильин попытался разглядеть, что это за люди. Но поезд удалялся слишком быстро, и Ильин не мог понять, показалось ему или он действительно увидел, что на плечах у того, кто бежал впереди, блеснули золотые погоны.

В ту же секунду поезд рванулся с места...

6

Когда ротмистр Еремеев, сопровождавшие его жандармы и солдаты подбежали к тому месту, где стоял поезд, последний вагон уже скрылся за поворотом. Солдаты и жандармы растерянно переминались с ноги на ногу и оглядывались вокруг. Станция была пуста — ни одного человека не видно было поблизости.

— Разбежались! Спрятались, мерзавцы! — ревел ротмистр. — Всех перевешать!

Он в бешенстве топтал ногами чахлую, покрытую угольной пылью и пятнами мазута траву, выкрикивая бессвязные ругательства.

— Господин ротмистр, погоно надо... — Молодой прапорщик из охраны станции нервно теребил пряжку пояса.

— Погоню?! Да! А вы... Вас под суд! Расстрелять где-то далеко раздался глухой взрыв.

— Полотно взорвано! — застонал Еремеев, хватая за голову. — Вот ваша погоня!

— Телеграф...

— Телеграф! — Ротмистр, тяжело топая сапогами, побегал к станции.

Телеграфист не обратил внимания на воровашегося ротмистра: он настойчиво вызывал соседнюю станцию.

— Срочно! Совершенно секретно! — подбегая к телеграфисту, закричал Еремеев.

Телеграфист поднял голову и устало повернулся к ротмистру.

— Связь прервана.

— Врешь, мерзавец!

Тяжелый кулак отбросил телеграфиста в угол комнаты. Еремеев сам бросился к аппарату. Линия молчала.

Она молчала потому, что в тот самый момент, когда эшелон с золотым запасом отошел от станции, Ван Ю-ли перерезал телефонный провод. Вместе с партизанами другого отряда он прервал связь на большом отрезке пути.

Работая, Ван Ю-ли с улыбки думал о том, как доложит Шагову о выполнении задания и как тот похмет ему руку и скажет:

— Спасибо, товарищ Ван Ю-ли!

Но доложить о выполненном задании Ван Ю-ли не пришлось.

В этот день на улице был арестован председатель ревкома Шагов, схватили и других членов ревкома. Чехословацкая контрразведка арестовала офицера Яна Влачека и нескольких солдат его роты.

Пытки начались сразу. Но напрасно арестованных били, жгли раскаленным железом. Они молчали.

Расстреляли их тут же, во дворе тюрьмы. Поддерживая друг друга, избитые, окровавленные люди — русские и чешские коммунисты, выполнившие свой долг, — старались стоять прямо, глядя в лицо своим убийцам.

И напрасно метался в ярости ротмистр Еремеев, напрасно грозил всем расстрелом начальника контрразведки Иванов, напрасно стучал костылем «верховный правитель России» Колчак: поезд с золотым запасом Советской республики был вырван из рук врага. Сейчас он мчался по территории, занятой белогвардейцами, мчался вперед, разрезая тьму ночи.

7

Поезд все набирал скорость. На площадках застыла охрана — бойцы интернационального отряда и рабочие-железнодорожники, участвовавшие в его захвате. А в купе над картой молча склонились трое — начальник поезда Ильин, его помощник Марков и начальник охраны поезда командир партизан Матз. Каждый думал о своем, и, наверно, все об одном и том же. Захват поезда прошел как нельзя более удачно. Правда, кто-то предупредил колчаковцев, и операция чуть не провалилась, но поезд вовремя ушел со станции. А вслед за поездом по заранее намеченному плану был взорван путь. Это гарантировало отсутствие погони, но лишь на несколько часов, пока не восстановят разрушенный участок дороги и наладят поврежденную линию. Несколько часов. А впереди не несколько часов — несколько суток пути по территории, занятой врагом.

Неожиданно дверь в купе с шумом отворилась; на пороге стоял Лавров.

— Ты как здесь? А паровоз? — удивился Марков. — На паровозе Андрей, — ответил Лавров, устало присаживаясь на кончик скамьи, — и помощника я ему надежного подобрал...

— Да, но как же все-таки с паровоза — и на ходу?

Лавров пожал плечами и насмешливо прищурился на Маркова.

— Я же все-таки машинист, не новичок. — И, став серьезным, добавил: — Дело есть. Важно.

Все вопросительно посмотрели на него.

— Паровоз нам достался, скажем прямо, неважнецкий, с таким паровозом мы долго не протянем. Наступило молчание, нарушаемое лишь стуком колес и тяжелым, взволнованным дыханием четырех человек.

— Как же так, чехи... — начал Матз.

— Это объяснить нетрудно, — невесело улыбнулся Ильин. — Чехи реально в Казань специально для того, чтобы захватить золото. Разумеется, для себя. А когда поняли, что золота им не увезти, все равно придется передать Колчаку, интерес у них пропал. Ну, и отсюда все вытекает: и равнодушие майора и паровоз...

Матз наклонился над картой, поднял голову, улыбнулся чеху-то:

— Паровоз будет!

И когда через некоторое время поезд, грохоча на стрелках, влетел на станцию, из одного вагона на поздний час, на перроне было много народа: готовился к отправке воинский эшелон. Расталкивая толпу, небрежно козыряя русским офицерам, иностранец быстро прошел в здание вокзала. Начальник станции почтительно встал ему навстречу. Офицер оглянулся и выжидательно посмотрел на начальника. Тот махнул рукой, и двое молодых людей, топтавшихся у стола, поспешно покинули кабинет.

— Поезд особо важного значения, — быстро сказал офицер, сильно поверкая слова, — господин Колчак, господина английского и французский советники весьма заинтересованы в скорейшем продвижении этого поезда.

Начальник станции наклонил голову.

— Я могу немедленно отправить состав...

— Да, это необходимо. Вы это сделаете немедленно, как только будет сменен паровоз. Необходим новый исправный паровоз. Впрочем, — офицер едва заметно усмехнулся, — если это для вас составляет трудность, разрешите связаться по телефону со штабом господина Колчака. Вы получите необходимые подтверждения...

— Телеграфная связь уже несколько часов прервана, — попытался улыбнуться начальник станции. — И, кроме того, я постараюсь и так...

— Постарайтесь?

— Сделаю, господин полковник.

— Майор, — мягко поправил офицер, — сделайте, пожалуйста. И немедленно.

Начальник станции быстро вышел из кабинета. Он действительно готов был сделать все, чтобы избавиться от этого странного человека. Он был совершенно непохож на всех тех офицеров, с которыми постоянно сталкивался начальник станции. Те требовали, шумели, угрожали. Этот был спокоен, вежлив, но в его светлых глазах было нечто, не допускающее и мысли о неподчинении.

Когда начальник вокзала закрыл за собой дверь, Матз подошел к окну. На первом пути темнел состав. Ни один огонек не оживлял мрачные прямоугольники вагонов, а поблескивающие в свете тусклых вокзальных фонарей штыки охраны придавали поезду еще более зловещий вид.

Вошел запыхавшийся начальник станции.

— Ваше приказание выполнено.

— Благодарю! — Офицер козырнул и направился к двери.

Через несколько минут мощный паровоз был прицеплен к составу. На тендер поднялась и застыла фигура часового в короткой австрийской шинели. Офицер легко вскочил на подножку вагона и еще раз козырнул начальнику станции.

Сильно лягнув буферами, поезд двинулся вперед. И только когда стих вдали перестук колес, к начальнику станции подбежал взволнованный дежурный.

— Вот, — он протянул начальнику клочок бумаги, — мне кто-то передал с этого состава, читайте, читайте скорее!

Почувствовав недоброе, начальник схватил бумагу. На ней было торопливо начерпано: «Необходимо задержать поезд. Это большевики». Начальник схватился за сердце.

— Боже! И я им лучший паровоз...

— Потом будете переживать! — зло оборвал его дежурный. — Сейчас необходимо передать по линии.

— Связь прервана...

— Это на восток. А на запад...

...Поезд мчался, все набирая скорость. А впереди, намного обогнав его, уже летела телеграмма.

8

Пассажирский зал ожидания был превращен в огромную столовую. Несколько столов коленчатой линией пересекали его поперек, стулья, скамейки, табуретки, кресла — все пошло в ход. Штабс-капитан Маринин любил размах. Напрасно ему говорили, что нельзя превращать зал ожидания в место пиршества, что пассажирам некуда деться, что именины можно отпраздновать и в буфете.

Марининым овладела бешеная ярость.

— Мои именины в буфете! К черту! Я дзорянин! У меня именины в Орловской губернии! Дом Растрели строил!

Однако штабс-капитан, видимо, скоро сам пожалел о затеянном. Небольшая кучка офицеров — комсостав «гарнизона», как громко называл Маринин отряд, расположенный на станции, представлял жалкое зрелище. Сгруппировавшись на одном конце стола, они казались придавленными пустотой большого, мрачного, плохо освещенного зала. Но водка и самогон делали свое дело. И голоса пьяной компании все громче и громче звучали под сводами. Пьянствовали вторые сутки.

Молча стоял поставленный Марининим у двери часовой. Он выполнял приказ штабс-капитана: никого не впускал и не выпускал из зала.

Напрасно начальник станции размахивал перед ним бланком телеграммы, напрасно убеждал его, что это важно, срочно, секретно. Часовой с какой-то непонятной начальнику яростью, стиснув зубы, преградил ему дорогу.

— Господин штабс-капитан! — кричал начальник станции, приподнимая на носки и складывая ладони рупором. — Господин Маринин!

Но голос его тонул в пьяном гуле и звоне посуды.

— Господин штабс-капитан! — надрывался начальник станции.

Наконец Маринин поднял голову и посмотрел на дверь. Начальник отчаянно замахал руками. Штабс-капитан нетвердой походкой подошел к двери и устался на начальника мутными, бессмысленными глазами.

— Телеграмма, господин штабс-капитан, очень важная...

— К черту! — промывчал Маринин. — У меня именины.

— Ваше благородие! Умоляю! — Начальник протянул Маринину бланк.

Поканувшись, штабс-капитан взял листок и стал вглядываться в прыгающие перед глазами строчки. Постепенно отдельные слова стали складываться в фразы, и смысл их дошел до сознания. Маринин рванулся к начальнику станции.

— Какого черта ты молчал раньше!

Где-то совсем близко послышался гудок паровоза.

— Они, — зашептал начальник станции, — это они! Лавров вел поезд на предельной скорости. Лишь у самой станции он замедлил ход и, воспользовавшись открытым семафором, медленно подал состав на первый путь. Поезд еще не остановился, когда Лавров увидел группу бегущих людей с револьверами в руках. Лавров повернулся к своему помощнику; Андрей понял и схватил лопату. Паровоз рванулся и, обдавая паром орущих, размахивающих руками и стреляющих людей, пронесся мимо. Шальная пуля ударила в окно последнего вагона, и осколки стекла, сверкая на солнце, посыпались на перрон.

— Стрелку! — отчаянно заорал Маринин.

Но было уже поздно: поезд вырвался за пределы станции.

9

Подполковник Птицын любил, оставшись наедине с самим собой, запереть дверь и поразмышлять над картой. Но в последние дни он изменил своей привычке: сообщения с фронта были настолько неутешительны, а распоряжения командования часто такие беспомощные и нелогичные, что подполковник старался вообще поменьше думать о военных действиях. Запершись по обыкновению в своем кабинете, он вместо карты доставал бутылку коньяку. Все в штабе знали, что подполковник «мыслит», и старались не беспокоить его в эти минуты. Но на этот раз произошло, видимо, что-то очень важное: громкий, настойчивый стук заставил подполковника вздрогнуть. Стук повторился еще настойчивее. Быстро сунув в ящик бутылку и кинув на стол карту, подполковник привычным жестом пригладил волосы, одернул китель и, твердо ступая, подошел к двери. Военный командант города и исполняющий обязанности начальника гарнизона подполковник Птицын был готов ко всему. Но то, что сообщил ему взволнованный офицер связи, превзошло все его ожидания. Бегом бросился подполковник к столу и дрожащими руками развернул карту.

— Это же феноменально! Это ни на что не похоже! — шептал он, вода остро отточенным карандашом по красной извилистой линии, обозначающей на карте линии железной дороги. — Только у нас может быть такое! Какие-то проходимцы захватывают поезд с золотым запасом буквально под носом у ставки и двое суток беспрепятственно гонят его по железной дороге. Это же уму непостижимо!

Он еще раз пробежал глазами телеграмму.

— И это война! Это — освобождение России! Это правители! — Он сильно, до хруста сжал зубами мундштук изящной брюзговской трубки и еще быстрее зашагал по комнате. Офицер связи задумчиво стоял у стола, глядя на карту.

Новый стук в дверь заставил офицеров вздрогнуть. Птицын прочитал новую телеграмму и снова

поджегал к карте. Он стал спокоен, руки перестали дрожать, движения сделались уверенными, четкими.

— Штабс-капитан Маринин сообщил, что поезд на полном ходу прорвался через станцию,— бросил он через плечо офицером.— Это было...— он взглянул на телеграмму,— в восемь пятнадцать утра. Поезд идет со скоростью приблизительно... От Маринина до нас...— Циркуль и линейка быстро двигались по карте. Наконец Птицын отодвинул их и поднял голову.

— Приблизительно через час поезд должен быть здесь. У нас еще есть достаточно времени, чтобы подготовиться к встрече,— усмехнулся он.— Благодарю вас, господа,— кивнул он офицерам и, не дожидаясь, пока они выйдут из кабинета, повернулся к телефону.

Через полчаса все было готово к молниеносному захвату поезда. Подполковник успел тщательно продумать и подготовить операцию.

Прошел час, но поезда не было. Прошел еще час. За ним другой, третий. Поезда не было. Он не пришел совсем.

10

На маленьком безымянном разъезде дольше чем на минуту — две поезда не останавливались. И, уж конечно, телеграфная установка здесь была совершенно ненужна. Однако по чьей-то прихоти половину крошечного станционного помещения занимал телеграф. Начальник разъезда, он же дежурный по станции, он же обходчик и стрелочник, служивший на этой дороге не один десяток лет, помнил, что когда-то, очень давно, был здесь молодой телеграфист. Но от тоски и безделья запыл, уехал и не вернулся. Больше телеграфистов не присылали,

так бы и стояли телеграфные аппараты, покрываясь пылью, неизвестно до какого времени, если бы не далаке от разъезда не появилась банда Мишки Одноглазого.

Банда Мишки Одноглазого была одной из тех многочисленных шаек, в которой собрались уголовные элементы и дезертиры, выброшенные отрядами чекистов в Сибирь, на территорию, временно занятую Колчаком. Здесь, в тайге, они чувствовали себя относительно спокойно, удовлетворяясь налетами на деревни и грабежом крестьян. Бандиты и не помышляли вернуться обратно, в европейскую часть страны, но мысль о том, что красные, разбив Колчака, придут в Сибирь, не давала Мишке покоя.

Желание знать, что происходит на фронте, загнало как-то Одноглазого на разъезд. Увидев телеграфные аппараты, да еще совершенно исправные, он пришел в восторг и с тех пор часто приезжал сюда один или в сопровождении двух — трех бандитов. Сначала Мишка выходил из телеграфного отделения веселый и возбужденный, но все чаще и чаще покидал разъезд расстроенный, а иногда просто взбешенный.

В это утро Мишка появился на разъезде один. Как всегда, не здороваясь, прошел в телеграфное отделение, захлопнул дверь и подошел к аппарату. Но едва аппарат начал работать, как Мишка вскопчил, с грохотом опрокинув стул. Нескольких секунд было достаточно Мишке, чтоб не только понять, но и оценить услышанное. Забыв выключить аппарат, он выбежал из помещения, вскомил на лошадей и умчался в тайгу. Ему не терпелось поскорее разобрать путь, захватить поезд и запустить руки в мешки и ящики с золотом.

И когда два часа спустя, лежа недалеко от разобранного пути, он увидел быстро приближающийся поезд, сердце его готово было выскочить из груди.

Поезд быстро приближался. Сто метров... пятьдесят... десять... Грохот, скрежет железа, звон стекла — все смешалось для Мишки в радостный, веселый звон золотого дождя. Забыв обо всем на све-

Бандиты бросились к охваченным пламенем вагонам.

те, он выскочил из укрытия и бросился к охваченным пламенем, перевернутым вагонам. Обгоняя его, к составу бежали бандиты.

11

— Начальство получило телеграмму и приготовилось. Но еще раньше телеграмму перехватил Мишка Одноглазый — слышал про этого бандиту? Ну, Мишка, конечно, решил не упустить такой возможности — разобрал путь. Поезд — сами видите — вот он, а золото — тую-то.

— А может, его Мишка все-таки захватил?

— Нет, где там! Говорят, рвет и мечет...

Матз приподнялся на локтях и вгляделся в говоривших.

Высокий бородастый человек, очевидно, бригадир ремонтных рабочих, присланных восстанавливать путь после крушения, стоял чуть в стороне от насыпи. Несколько рабочих, опираясь на кирки и лопаты, стояло вокруг, похихивая самокрутками. Исправлять путь они, видимо, не торопились. Матз еще внимательнее вгляделся в бородастого. Сомнений быть не могло — он. Правда, тогда этот человек был бритый, но борода лишь немного изменила его внешность. Матз вспомнил Иркутскую тюрьму, тесную камеру, куда набили арестованных большевиков. Каждую ночь выводили их за город, заставляли рыть могилы и тут же нескольких расстреливали. Остальных отводили обратно, до следующей ночи. Среди заключенных был и этот, высокий. Он держался, пожалуй, лучше всех, хотя ему больше, чем другим, доставалось от тюремного начальства. Однажды Матз зверски избил конвоиры и бросили в поле, думая, что он умер. Но его подобрала и вывела китайцы. Потом Матз ушел в тайгу и не знал, что стало с этим человеком...

Матз встал и быстро пошел к насыпи. Рабочие все, как по команде, повернулись к нему. Бородастый подался вперед, крепко сжимая лопату. И вдруг, отбросив ее, шагнул навстречу Матзу. Чуть наклонив голову и прищурившись, он вглядывался в лицо венгра.

— Ты?

— Я, — кивнул Матз.

— Товарищи! — Бородач повернулся к рабочим, затем опяти к Матзу и быстро сказал: — Здесь все свои.

Он снова хотел вернуться к рабочим, удивленно стоящим вокруг, и представить незнакомца, но Матз остановил его.

— Подожди, потом расскажешь. Сейчас скажи, что там. — Он махнул в сторону города.

Бородастый улыбнулся.

— Паника. Из-за золота. Тут поезд с золотым запасом, который наши у Колчака да у чехов отбили, сошел с рельс. В городе думают: бандиты захватили отряд в тайгу на поимку Мишки Одноглазого послали. А Мишка пошел партизан искать, которые вроде бы у него из-под носа золото увели...

Матз удовлетворенно кивнул.

— А это?..

Бородач улыбнулся еще шире.

— Чиним. Да нам не к спеху. Может, день — другой провозимся. Народ свой подобрался, задачи понимают. Колчаковский фронт катится назад, как по маслу. Авось, скоро здесь будет.

— Да, — кивнул Матз, о чем-то думая. — Да, так. Народ свой?

— Свой, — подтвердил бородач.

— Так. Дорогу надо быстро починить. Неясно? Надо золото скорее в республику доставить.

Бородач удивленно уставился на Матз и вдруг, сообразив, чуть не вскрикнул:

— Да разве?..

Матз поднял руку, не то призывая к молчанию, не то просясь, и, повернувшись, быстро скрылся в кустах.

Через несколько минут он уже был на дне глубокой, густо заросшей небольшими деревьями и кустарником балки. Окрик часового, пароль, ответ — и вот он уже рядом с Ильиным, Марковым и Лавровым. В двух словах он рассказал им о разговоре с рабочим.

— В общем, пока неплохо, — задумчиво заметил Ильин.

— Но что дальше?

— Дальше, дальше! — почти закричал Марков. — Дальше ясно что. Если мы не хотим окончательно провалить задание, надо принять мое предложение. Я с самого начала считал...

— Тише, — остановил его Ильин, — вы не на митинге.

— Я с самого начала считал, — тише продолжал Марков, — что золото надо закопать, спрягать... В крайнем случае часть бросить... Для отвода глаз, что ли. А самим нам необходимо пробираться в глубь тайги, к партизанам.

— Золото должно быть перевезено через линию фронта, — твердо сказал Ильин, поднимаясь.

Стараясь ступать как можно тише, он пошел по дну оврага туда, где сидели и лежали бойцы интернационального отряда. Ильин видел, что люди устали до крайности, но никто не смыкал глаз.

...С той самой минуты, когда поезд под обстрелом миновал станцию и вдруг выскочил, что вода и топливо на исходе, нервное напряжение овладело всеми, находящимися в поезде. Положение казалось безвыходным. В купе командирского вагона собрались Ильин, Марков, Матз и Лавров. Решать, что делать, надо было немедленно: скоро поезд потеряет способность двигаться, и тогда...

— Выход один, — после коротких прений подвел итог Ильин, — золото надо перенести в тайгу... — И, поймав одобрительный взгляд Маркова, добавил: — Временно! На самый короткий срок. Необходимо найти средство в самое ближайшее время продолжать путь.

— Это невозможно! — крикнул Марков.

— И, тем не менее, необходимо, — жестко ответил Ильин.

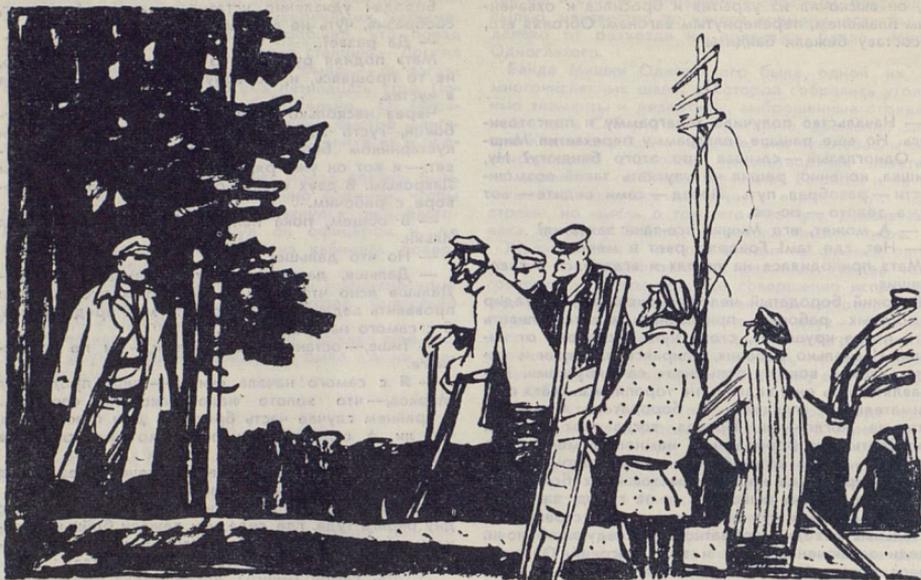
— А поезд? — Лавров задумчиво смотрел в окно, мимо которого проносились ели, сосны, лиственничники.

— На ближайшей станции поезду приготовлена встреча, — помолчав, тихо сказал Ильин и, тряхнув головой, добавил: — Вот пусть и встречают.

Два часа все, кроме выставленных часовых, перетаскивали золото и прятали его в овраге, тщательно маскируя листьями, ветвями, дерном. Когда работа была закончена, Лавров поднял в паровозном котле давление и, разогнав состав, выскочил на ходу из будки...

...Ильин дошел до края оврага и медленно вернулся обратно. Неожиданно где-то вдали, по ту сторону полотна, затрещали выстрелы. Беспорядочная стрельба чередовалась со стройными залпами. Затрещал ручной пулемет. Ему ответил «максим»... Бойцы повскакали с мест, прислушались, вопрошающе глядя друг на друга.

— Спокойно, товарищи, — тихо сказал Ильин, — никакой паники. Белогардейцы, которые вышли нас искать, столкнулись с бандитами, которые тоже нас ищут. Приказывая сохранять полное спокойствие. Не обнаруживать себя ни в коем случае.

Рабочие все, как по команде, повернулись к Матэ...

Выстрелы раздавались все громче, бой приближался. И вдруг все неожиданно стихло.

12

Вернувшиеся разведчики подтвердили правильность предположения Ильина. Действительно, банда Мишки Одноглазого вступила в бой с отрядом колчаковцев, вышедших из города. Воспользовавшись неожиданностью, Мишка сильно потрепал белогвардейцев, но затем сам, потеряв больше половины своего отряда, обратился в бегство. Колчаковцы не стали преследовать бандитов и спешно направились в город. Однако это столкновение, окончившееся для партизан так благополучно, лишний раз подчеркивало необходимость срочных и решительных действий. Шли уже вторые сутки, а выхода не было. Матэ и Ильин несколько раз встречались с бородачём, который оказался одним из руководителей большевистского подполья в городе.

Положение становилось крайне угрожающим. С минуты на минуту мог вернуться Одноглазый или нагрянуть новый отряд колчаковцев.

И вдруг неожиданно пришло решение. Мимо кустов, где совещались Ильин, Лавров и бородач, с грохотом промчался санитарный поезд.

— Ишь, гонит!.. — кивнул ему вслед Лавров. — Видать, дел много.

— Их без задержки пропускают, — пояснил бородач.

Ильин и Лавров одновременно вскочили на ноги и переглянулись.

В ту же ночь на перегоне между разъездом и городом, недалеко от места крушения, ремонтные рабочие остановили санитарный поезд, объяснив, что путь впереди немного поврежден. Поезд мгновенно

окружили. Небольшую охрану состава изолировали в служебном вагоне, и какие-то люди стали укладывать на полки вынесенные из леса ящики и мешки.

В купе начальника поезда вошли двое. Начальник резко встал.

— Налет на санитарный поезд является нарушением международных норм... Поэтому я...

— Протестуете? — улыбнулся Ильин.

Офицер кивнул. Ильину понравился этот спокойный человек с умным лицом и молодыми близорукими глазами. Он решил изменить план действия.

— Вы правы, доктор, — помолчав, сказал Ильин. — Мы нарушаем международные нормы. Но, говоря честно, разве все, что делает ваше командование, не нарушение обыкновенных человеческих норм?

По лицу начальника поезда пробежала тень. Он снова резко выпрямился.

— Прошу вас не агитировать меня. Я врач и обязан делать то, что делают врачи, независимо от того, в каком лагере они находятся. А действия господина Колчака меня не касаются. Он не советуется со мной. Я ваш пленный, — добавил он, помолчав, — приступайте к обыску. Оружия у меня нет. Все остальное здесь. — Он обвел взглядом купе и тише спросил: — Куда мне прикажете?

— Господин доктор! — Ильин встал, как бы подчеркивая этим значительность своих слов. — Вы остаетесь здесь и будете вести себя так, как вели до сих пор, — командовать поездом. Очевидно, вы понимаете, что мы захватили поезд не для того, чтоб покататься на нем. Наша задача — как можно ближе подойти к линии фронта.

Серые глаза врача на секунду прищурились в усмешку.

— И вы не боитесь, что на первой же остановке я вас предам?

— Мы постараемся принять меры, чтоб этого не произошло, — ответил Ильин. — И кроме того, мне кажется, вы сами этого не сделаете. Вы уже поняли обреченность тех, кому служите. Вы где учились? — неожиданно спросил он.

— Взял в армию с четвертого курса Петроградского психоневрологического института.

Ильин кивнул.

— А меня исключили с третьего курса Горного... Без стука, широко распахнув дверь, в купе вошел Андрей и, наклонившись к Ильину, что-то шепнул. Ильин кивнул и встал.

— Отправляемся.

— Путь исправлен? — прищурился начальник поезда.

— В полном порядке.

13

Расчет Ильина оказался правильным. Колчаковская армия отступала, неся большие потери, и поэтому санитарные поезда пропускались к фронту без задержки. С каждым днем золото было все ближе и ближе к цели.

Чуть человека, привыкшего работать с людьми, подсказывало Ильину, что Константину Алексеевичу Луневу — так звали начальника поезда — можно верить.

Приказав бойцам охраны находиться внутри вагонов, выставив на площадках лишь нескольких наблюдателей, Ильин распорядился никого, кроме Матэ и офицера, из поезда не выпускать. Лавров и Андрей, переодетые в солдатскую форму, неотлучно находились на паровозе. Начальник поезда часто отлучался на станции, оформляя проездные документы. Отпуская его на станцию, пусть даже в сопровождении Матэ, Ильин шел на страшный риск. Особенно тревожно было на первой станции. Начальник поезда ушел и долго не возвращался. Напряжение достигло предела, когда он явился и, никому не говоря ни слова, прошел в купе, на ходу передав Ильину путевку и разрешение следовать дальше. Матэ рассказал, что начальник поезда вел себя на станции прекрасно. Ни у кого не возникло и малейшего подозрения, что человек, стоящий рядом с ним, сжимает в кармане рукоятку звездного револьвера.

Так продолжалось и дальше; начальник поезда хорошо играл свою роль. Может быть, его пугало спокойствие Матэ, неизменно его сопровождавшего, может быть, он надеялся на чудо или ждал удобного момента, а может быть, он и не нуждался в сопровождающем? Марков был иного мнения. Он считал, что Ильин не имеет права выпускать Лунева из вагона.

— Что же вы предлагаете? — обычно спрашивал Ильин.

Марков пожимал плечами. Он однажды он ответил, с трудом сдерживая ярость:

— Вы доверяете белому офицеру больше, чем коммунистам. Почему вы поручаете бывать на станции Луневу, а не кому-нибудь из нас? Нас вы держите взаперти, как врагов, а враги у вас пользуются доверием. Я буду ставить об этом вопрос.

— Не занимайтесь демагогией, товарищ Марков! — вдруг вспыхнул Ильин. — Вы можете ставить вопрос где угодно. Но ради пользы дела я обязан поступать именно так! По-моему, у вас было время и возможность убедиться, что я поступаю правильно.

Но Марков, не дослушав, быстро вышел из купе. «Неужели он не понял, что именно офицер, уже не раз проходивший с санпоездом эти станции, знающий многих комендантов в лицо, знакомый со все-

ми порядками и «тонкостями» колчаковского тыла, может обеспечить быструю отпарку поезда и не вызвать подозрений. Не вызвать подозрений...» Ильин задумчиво побарабанил пальцами по столу. Матэ — надежный человек. Но что он сможет сделать при попытке Лунева выдать партизан? Только застрелить его. Лунев погибнет. Но погибнет и золото... Может быть, Марков прав? Нет, пойди на станцию один из них — вероятность провала будет больше.

В купе вошел Матэ.

— Скоро большая станция. Там пропуск во фронтную полосу.

— Последнее испытание Луневу. Как ты думаешь: выдержит?

— Обязательно выдержит, — сверкнул улыбкой Матэ. — Нравится мне он. Я думаю, что у Колчака он по ошибке или по несчастному случаю.

Поезд начал сбавлять ход. Матэ встал.

В соседнем купе встал Лунев. По привычке одернул китель, взглянул в зеркало и, взяв со стола листок бумаги, еще раз внимательно прочитал его. Явно измененным почерком на нем было написано: «Офицер русской армии! Стыдитесь! Вы помогаете бандам, большевикам! Ваш долг патриота немедленно сообщить на первой же станции о том, что делается в поезде». Подпись, конечно, не было. Лунев еще раз прочитал записку, секунду подумал, затем, видимо, приняв решение, спрятал ее в карман и вышел в коридор. Матэ уже ждал его. Соскочив на перрон, Лунев решительно направился к зданию вокзала, где помещался военный комендант.

14

Секретная телеграмма о захвате поезда с золотым запасом была получена на всех станциях. Впрочем, секретной ее можно было назвать весьма условно. Все офицеры и даже железнодорожные служащие говорили о золоте вполне открыто. Одни ругали большевиков, другие удивлялись и даже восхищались их смелостью, третьи только пожимали плечами. Шли слухи о крушении, о боях между колчаковцами и бандами, о пропаже золота. Но никто ничего толком не знал.

Сидя в купе, Матэ весело рассказывал об услышанных на вокзале разговорах, о самых фантастических домыслах офицеров, о том, как они набросились с расспросами на Лунева, и о том, как тот на все вопросы лишь пожимал плечами. Ильин слушал Матэ, глядя в окно. Последние часы пути до места назначения. Надо снова что-то предпринять. Через несколько часов поезд подойдет к последней станции, где в него должны будут погрузить раненых. Нет, он не должен подойти к этой станции... Марков тоже смотрел в окно. С Ильиным он последние дни не разговаривал и всячески подчеркивал, что сильно обижен.

Вошел Лавров. Все посмотрели на него, как будто он мог что-то изменить или предложить выход. Лавров, не торопясь, сел, закурил, сразу окутав себя сизым облаком дыма, и спокойно начал:

— Значит, так. Примерно часах в двух пути отсюда от магистрали отходит ветка. Ветка эта давно заброшена. Когда-то я здесь работал. Знаю... — Он замолчал, будто не замечая внимательных, выжидающих взглядов, и неожиданно закончил: — Единственный выход — пойти нам по этой ветке.

— Куда ведет ветка? — быстро спросил Ильин.

— Раньше она связывала горные заводы. Длинная ветка. Много раз проходит через туннели, уходит на ту сторону гор и вновь подходит к магистрали.

— Так что, если пройдем, окажемся по ту сторону фронта? — быстро спросил Матз.

— Да, если пройдем.

— А пройдем? — Ильин по привычке забарабанил пальцами.

Лавров пожал плечами:

— Другого пути нет.

— Опять авантюра! — Марков вскопчил с места и снова сел. Заросший густой седой щетиной, которая за эти дни отросла еще больше, он казался страшным. — Опять авантюра!

— Что надо делать, по вашему мнению? — сухо спросил Ильин.

Марков не успел ответить. В дверь постучали, и вошел Лунев. Он подошел к столу и положил на него клочок бумаги. Четыре пары глаз впились в листок и вновь посмотрели на офицера.

— Господа... простите, граждане... — Он снял пенсне и нервно вертел его в руках. Руки его чуть-чуть дрожали. — Это что: испытание или провокация?

Четверо смотрели на него, не мигая. Лунев вытер пот со лба и вновь надел пенсне.

— Среди нас есть предатель, — тихо сказал Ильин.

Лунев вскинул голову.

— Предатель?

— Да! — Ильин встал. — Он не может действовать открыто. У него связаны руки. Но он ищет... ищет...

— И он нашел меня? — усмехнулся Лунев, овладев наконец собой. Помолчав, он пожал плечами. — Нет! Я мог бы давно вас выдать, мне это нелегко было сделать. Я понял, что везет поезд. — Он снова замолчал и вдруг закончил неожиданно спокойным голосом, четко отделив каждое слово: — Я не выдал вас потому, что понял условную ценность золота и безусловную ценность человеческого мужества.

Он резко повернулся и вышел из купе.

15

Предатель, находящийся в поезде, не давал покоя Ильину. Теперь он вспомнил ряд мелочей, на которые прежде не обращал внимания. Например, испорченный тормоз у одного из вагонов. Видимо, предатель рассчитывал как-то воспользоваться этим тормозом. Вспомнилось, как белогвардейцы встречали поезд на одной из станций, хотя, по расчету Ильина, телеграфная линия еще не была исправна. Ильин и на это не обратил внимания, считая случайностью. Теперь он ругал себя. Ведь за время пути можно было присмотреться к людям, проверить их. А что предпринять сейчас? И чего ждать от предателя? Новой провокации или удара в спину? Да один ли он? Мысль эта не покидала Ильина даже во сне.

Поезд шел по заброшенной ветке. Шел медленно, будто ошупывая. Кое-где шпалы подгнили, и надо было вести состав особенно осторожно. Рабочие железнодорожников, участвовавших в захвате поезда и составивших часть охраны, освободили от несения караульной службы, и в любую минуту они готовы были выйти из вагона, чтобы отремонтировать путь. К сожалению, почти не было инструментов. В спешке успели захватить лишь большое количество взрывчатки на случай окончательного провала и необходимости самоликвидации.

Нервная, Ильин быстро ходил по коридору, то и дело поглядывая в окна. Огромные деревья подступали к полотну: ели и сосны вытягивали свои лапы, будто пытались задержать поезд. Состав шел по ветке уже несколько часов. В другое время идя с

нормальной скоростью, поезд давно прошел бы этот участок и вышел бы на магистраль. А так... Пройдена ли половина пути!

Матз неподвижно стоял на площадке хвостового вагона, Марков лежал на койке, безразлично глядя в потолок. Лунев после истории с запиской не выходил из своего купе. Никто не знал, скоро ли кончится этот мучительный путь. Единственный человек, знавший это, — Лавров — бесшумно находился на паровозе.

Неожиданно стало темно. Ильин понял, что поезд вошел в туннель. Теперь стало особенно заметно, как медленно движется поезд: темнота тянулась удивительно долго. Наконец в окна вновь ударили косые лучи заходящего солнца. Лавров говорил, что туннели идут один за другим. Но прошло не меньше часа, прежде чем поезд снова нырнул в темноту. И снова потянулись томительные минуты. Вдруг поезд резко дернулся и, лязгнув буферами, встал. Через секунду медленно пошел назад и, выйдя из туннеля, остановился. Ильин высочл из вагона и бросился к паровозу. Лавров бежал ему навстречу.

— Завал! — крикнул он еще издали, не дожидаясь вопроса Ильина.

— Пойдем посмотрим.

Результаты осмотра были не очень утешительны. Кто-то, видимо, пытался закупорить выход из туннеля и свалил в него несколько платформ земли. Протиснувшись через узкую щель на другую сторону завала, Ильин и Лавров поняли, что раньше чем за сутки путь не расчистишь. Главное — не было лопат и ящиков или мешков, в которых можно было бы оттащить землю.

— Может, и за сутки не управимся, — задумчиво потер подбородок Лавров, но, поймав взгляд Ильина, поспешно добавил: — Управимся, обязательно управимся.

Началась расчистка пути. Все, кроме часовых, кто чем, начали рыть уже слежавшуюся землю. Андрей с двумя партизанами ушел вперед, а Марков и два железнодорожника — назад, на всякий случай вести наблюдение за дорогой.

Ильин ходил вокруг поезда, то и дело приближаясь к работающим в туннеле, и каждый раз слышал голос Лаврова:

— Иди, иди, без тебя справимся. Твое дело — около поезда быть. — Ильин понимал, что Лавров прав. Предатель где-то здесь, рядом, надо быть готовым ко всему.

В темноте на площадке вагона коротко вспыхнула и погасла спичка. Ильин узнал Лунев.

— Если позволите, я укажу, где в поезде хранится несколько лопат и ведер. Они пригодятся вам, — хрипло сказал начальник поезда.

Ильин благодарно пожал ему руку, но ответить не успел: вдалеке, в той стороне, куда ушли Марков и рабочие, послышались выстрелы. Сначала, почти одновременно, два револьверных, потом еще несколько револьверных и винтовочных. Напряженно всматриваясь в темноту, Ильин скорее почувствовал, нежели услышал, как, бросив работу, сзади подошли люди из туннеля.

— Приготовиться к бою, — тихо, не оборачиваясь, приказал Ильин, — подготовить взрывчатку.

Через минуту короткая, но густая цепь лежала вдоль полотна.

— Загони, насколько можно, состав в туннель, — тихо сказал Ильин Лаврову.

Тот молча поднялся на паровоз и бесшумно, так, как это могут делать только очень опытные машинисты, сдвинул состав с места. Как гигантская змея, вошел поезд в темную, зияющую пасть туннеля и исчез в ней. Ильин прозрел глазами последний

Началась расчистка пути...

вагон и присоединился к цепи бойцов. Потянулись томительные минуты ожидания. Блестящая, будто начищенная, луна освещала холодным зеленоватым светом уходящую между деревьями узкую полоску дороги. Неожиданно на дороге появилась чья-то тень. Человек бежал по шпалам, тяжело дыша, громко топя, спотыкаясь. Ильин узнал Маркова.

Подбежав к лежащим, он с размаху бросился на землю и, с трудом выговаривая слова, сказал:

— Там отряд. Нас догоняют. Сейчас они будут здесь! — Он попытался встать и снова упал. — Я бежал, — продолжал он, с трудом переводя дыхание. — Те двое убиты. Белые сейчас будут здесь! Сопротивляться бесполезно! Надо что-то делать с зо-

лотом! — Он, шатаясь, встал и, как слепой, протянул руки навстречу подходящему Лаврову. — Я говорил! Я предупреждал! — истерически закричал он. — Ильин не слушал меня!

Ильин закусил губу. «Нашел время выяснять отношения», — пронеслось у него в голове, и вдруг он встретился взглядом с Лавровым и Матз. В их глазах Ильин прочитал решение. Да, другого выхода не было: путь отрезан.

— Приготовиться к взрыву, — хрипло сказал он в темноту, зная, что приказ его будет немедленно исполнен, — взорвем туннель. — И, поймав удивленные взгляды товарищей, пояснил: — Поезд будет засыпан породой. Им его не достать.

Страшный взрыв потряс мертвую тишину. Последнее, что помнил Ильин, — до боли яркая вспышка, грохот, сильный удар в грудь и какая-то плавная, мягкая тишина, наступившая потом.

Открыв глаза, он увидел себя в комнате. Несколько незнакомых людей в форме командиров Красной Армии стояли около него.

— Товарищи! — крикнул Ильин, рванулся, но тут же бессильно упал на подушку. Он почувствовал, что грудь его туго переязана и тупая боль пронизывает все тело.

— Что со мной? — тихо спросил он.
— При взрыве вы ранены осколком породы, — услышал он и узнал голос Лулева.

Вдруг Ильин увидел перед собой лицо Матз. Оно изменилось до неузнаваемости, и Ильин понял, что случилось что-то страшное, непоправимое. У него перехватило дыхание.

— Поезд? — только и мог выговорить он.
Матз подвинул к койке табуретку и тяжело опустился на нее. Незнакомые командиры вышли из комнаты. Матз проводил их глазами и кивком подождал кого-то. Тяжело ступая, к койке подошел Лавров.

— Ну, — почти простонал Ильин, — что? Говорите!
— Поезд цел, — прогудел Лавров.
— Цел! — закричал Матз. — Марков — предатель! А мы... мы, — он запнулся, — я даже не знаю, как это по-русски назвать. Не знаю такого плохого слова.
— Подожди, — остановил его Лавров, — спокойно. Но Ильин видел, каких усилий стоило ему это спокойствие.

— Я расскажу по порядку, — продолжал машинист. — Марков действительно оказался предателем. Никакого отряда не было. Мы были уже далеко за линией фронта. Наши здорово продвинулись. — Улыбка на секунду осветила его измученное лицо. — После взрыва, а может быть, и до, Марков исчез. Мы сразу этого не заметили. Когда стали уходить от туннеля, встретили наших, которые спешили к месту взрыва. От них мы и узнали о делах на фронте. Тогда мы вернулись и поняли все. Мы нашли двух наших товарищей, ушедших с Марковым. Их застрелил Марков. У обоих в затылках раны. Он, наверно, немного отстал, выстрелил им в головы — помнишь два резольверных выстрела? — потом инсценировал стрельбу, потом... — Он замолчал, глядя в окно на синевший вдали горный хребет.

— Где Марков?
— Его найдут, не в этом дело, — ответил Лавров. — Задание мы не выполнили. Доставать-то поезд тяжело будет, а золото срочно нужно, небось,

Ильин лежал с закрытыми глазами, и страшная бледность медленно покрывала его лицо. Только на скулах горели яркие пятна.

— Надо ехать в Москву! — Матз встал и заходил по комнате. — Ехать немедленно.

Ильин открыл глаза и сделал попытку приподняться.

— Нет! — решительно остановил его Матз. — Еду я! — Что же скажешь? — грустно глядя на него, спросил Ильин.

Матз одернул гимнастерку, поправил кобурку маузера. Его добрые, всегда смеющиеся глаза были холодными и даже чуть-чуть жестокими.

— Я знаю, что сказать, — ответил он твердо. — Я скажу правду.

16

Матз вошел в большую светлую комнату. Невысокий плотный человек поднялся ему навстречу.

— Начальник охраны поезда с золотым запасом, — щелкнув каблуками, доложил Матз.

Плотный человек вышел из-за стола, подошел к двери и чуть приоткрыл ее.

— Пожалуйста, товарищ Матз, Владимир Ильич вас ждет.

Он открыл дверь пошире и пропустил Матз в кабинет.

Владимир Ильич сидел за столом и что-то быстро писал. Солнечные лучи, врывающиеся в окно, лежали на столе, рядом с ленинским локтем. Увидав вошедшего, Ленин встал, шагнул ему навстречу и крепко пожал руку.

— Здравствуйте, товарищ Матз, садитесь. Рассказывайте.

Ленин снова сел за стол, внимательно разглядывая своего собеседника.

— Что же вы молчите? — приветливо улыбнулся Ильич. — И почему не садитесь?

— Товарищ Ленин! — Матз сделал шаг в сторону и остановился прямо против Ильича, вытянувшись по-военному. — Команда поезда не выполнила задание партии... — От волнения голос Матз начал осекаться, акцент стал заметен сильнее. — Я считаю, что за это надо всех судить! Военный трибунал!

Веселье огоньки погасли в глазах Ильича, улыбка сбегала с губ. Он встал и остановился против Матз, заложил руки за спину и чуть склонил голову.

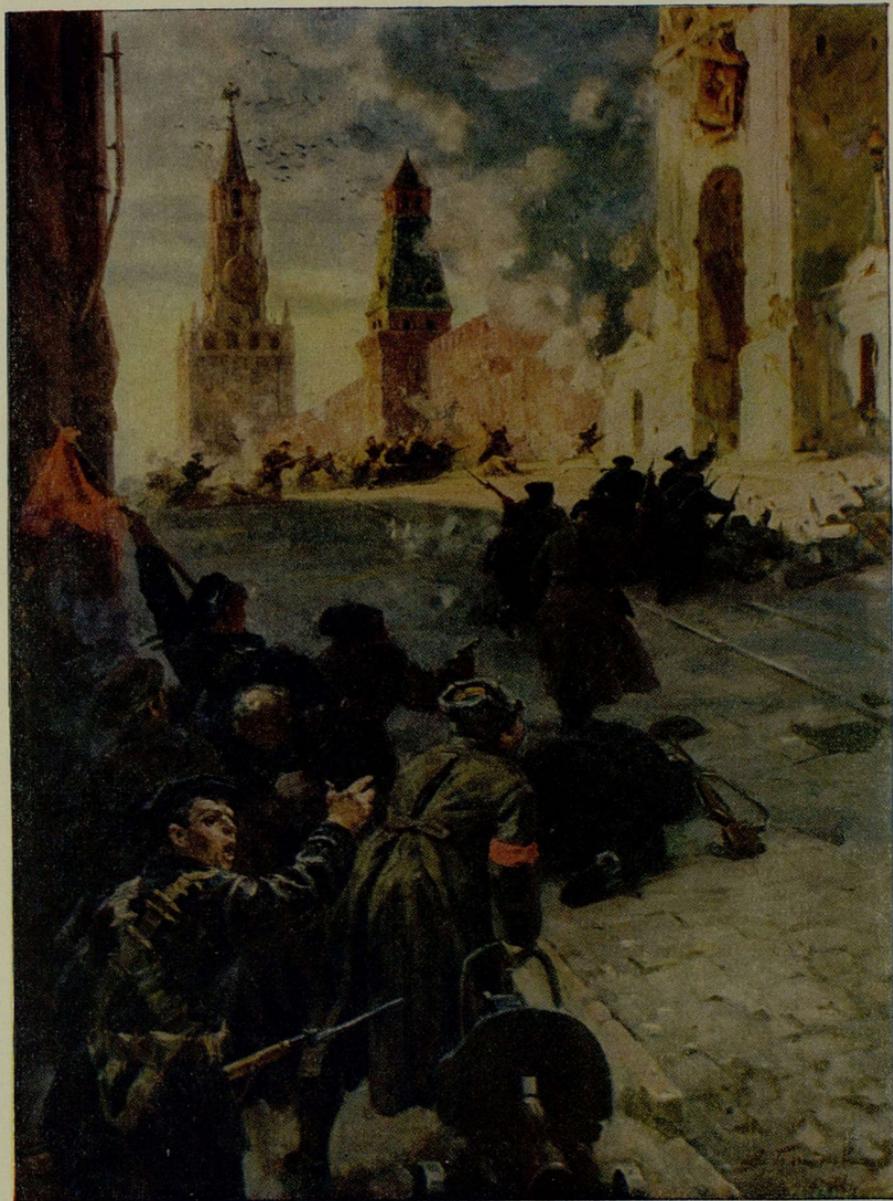
— Вы, конечно, были против взрыва туннеля, товарищ? — тихо спросил Ленин.

— Нет! — Матз в волнении прижал руки к груди. — Нет! Я первый был за взрыв, и меня первого надо судить!

Владимир Ильич еще несколько секунд внимательно смотрел на Матз и вдруг широко улыбнулся. Он подошел к смущенному Матз и крепко обнял его.

— Это очень хорошо, товарищ Матз, что вы признаёте свою ошибку, — сказал Ленин. Он помолчал и добавил: — А за золото спасибо! Поезд мы скоро откопаем, и золото, спасенное вами, будет вновь в руках его настоящего хозяина — в руках народа. Спасибо вам и всем товарищам!

И еще раз крепко, чуть встряхнув, пожал ему руку.

ВЗЯТИЕ КРЕМЛЯ.

А. Плотнов.

ОКТАБРЬ.

П. Никонов.

На воде, на суше, в воздухе, под землей

В. НЕНЯКИН

«ТУ-110», «Украина» и «Москва»

ода-то, в сказках, люди мечтали о ковре-самолете... Сядешь на такой чудесный ковер, и понесет он тебя через моря и леса, над долами и горами.

Когда человек построил самолет, на новую машину смотрели как на диковинку... А потом... потом самолет превратился в удобный и доступный всем транспорт.

Быстро летит самолет. Лет двадцать назад пассажирский воздушный корабль делал 150—200 километров в час, а сейчас его быстроходность намного увеличилась.

Не так давно, год — два назад, наши пассажирские самолеты уже пролетали 400—450 километров в час. А это очень большая скорость! На таком самолете вы можете добраться из Москвы до Ленинграда за каких-нибудь два часа.

За скорость и полюбили люди самолет. Они стали мечтать о более быстроходных самолетах.

Посмотрите на карту нашей Родины. Она раскинулась на многие тысячи километров — с севера на юг, с востока на запад. Скорый поезд привезет вас из Москвы во Владивосток не раньше как на девятые сутки. Целых восемь суток безделья! Вот тут-то авиация незаменима: самолет доставит

вас во много раз быстрее — не за восемь суток, а за 30—40 часов.

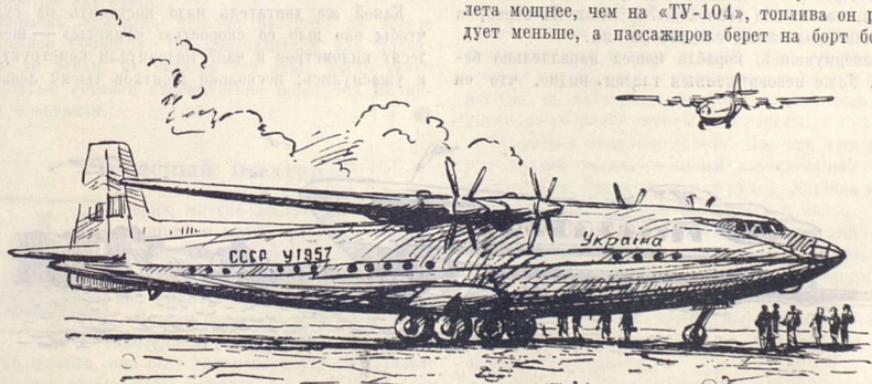
Правда, здорово? Но провести столько времени в самолете, даже в мягких, удобных креслах, тоже нелегко. К концу полета вы так устанете, что эти кресла покажутся вам жесткими... Да к тому же двухмоторные самолеты, летающие со скоростью 400 километров в час, не могут пролететь 10 тысяч километров без посадки. Им несколько раз приходится садиться на землю для того, чтобы пополнить запасы горючего. Вот и получается, что лететь приходится суток трое. Правда, это намного быстрее, чем на поезде, а все-таки утомительно.

На смену винтомоторным самолетам пришли самолеты реактивные. Вы все, наверное, слышали о «ТУ-104» конструкции А. Н. Туполева.

«ТУ-104» — замечательная машина! На ней установлены два мощных турбореактивных двигателя. Эти двигатели позволяют забираться на высоту в 11 тысяч метров, где сопротивление воздуха незначительно, и развивать там скорость около тысячи километров в час!

Расстояние от Хабаровска до Москвы «ТУ-104» может пролететь всего за 9—10 часов!

Но и «ТУ-104» не самый быстроходный. Его уже обогнал новый самолет — «ТУ-110». Он очень похож на своего старшего брата, только немного длиннее его, и у него не два, а четыре турбореактивных двигателя. И хотя двигатели у нового самолета мощнее, чем на «ТУ-104», топлива он расходует меньше, а пассажиров берет на борт больше

Большой, удобный самолет «Украина» летит со скоростью 600—650 километров в час.

ста человек. А это значит, что билеты на «ТУ-110» дешево.

Авиаконструкторы много поработали над тем, чтобы удешевить стоимость полета. Они создали два новых пассажирских самолета, два гиганта: 126-местную «Украину» и 100-местную «Москву».

Эти машины очень удобны. Но когда вы посмотрите на «Украину» и «Москву», то некоторые из вас разочарованно скажут:

«Верно, самолеты большие и красивые, у них по четыре мотора, да только моторы-то с винтами! Значит, самолеты не реактивные! И скорость у них, наверное, небольшая».

В самом деле, у самолетов «Украина» и «Москва» турбовинтовые двигатели. Но двигатели эти большой мощности, экономичные, потребляющие мало топлива. Летят эти самолеты с довольно большой скоростью — 600—650 километров в час, — а билет на такой самолет стоит почти столько же, сколько стоит железнодорожный.

Скоро, может быть, даже когда вы будете читать этот очерк, появится новый самолет-гигант, «Россия», конструкции Андрея Николаевича Туполева. «Россия» поднимет 170 пассажиров и помчит их со скоростью около тысячи километров в час!

Быстрокрылая «Ракета»

У причала Химкинского водохранилища, под Москвой, стоит небольшой белоснежный корабль «Ракета». Возле «Ракеты» на берегу толпятся люди. Непонятно, что их так заинтересовало в этом совсем обычном на вид теплоходе?

Но вот за кормой «Ракеты» забурилась вода, и корабль вышел на середину водохранилища. Идет не спеша, как и все теплоходы. А люди на берегу в бинокль продолжают следить за ним.

Развернувшись, корабль пошел параллельно берегу. Даже невооруженным глазом видно, что он

быстро набирает скорость: перед носом «Ракеты» возник водяной бурн. Чем быстрее идет корабль, тем выше бурн.

Проходит минута, другая... Бурн перед носом «Ракеты» становится все больше, вот-вот на палубу прыгнет.

И вдруг белые усы у теплохода исчезли. Что такое? Ведь ясно видно, что «Ракета» продолжает увеличивать скорость. Наверно, не меньше пятидесяти километров в час. А почему же нет водяного бурна?! Вдруг люди на берегу радостно зашумели: «Вышел! Вышел!..»

К днищу «Ракеты» приделаны четыре обтекаемых крыла, на корме установлен винт.

И в самом деле, корабль, словно белоснежная рыбина, вынесся из воды и... полетел! Правда, невысоко, всего около метра над водой, но все-таки полетел.

Как же он мог полететь без крыльев? Оказывается, у этого корабля есть подводные крылья. Они прикреплены к стоечкам, словно четыре лапки, спущенным в воду.

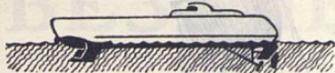
Для чего же крылья кораблю? А вот для чего. Кораблестроителям известно понятие «волновой барьер». Чем быстрее идет судно, тем сильнее сопротивляется вода его движению. У обычного судна треть, а то и половина корпуса находится под водой. При движении ему приходится раздвигать корпусом воду, преодолевать ее сопротивление.

Какой же двигатель надо поставить на судне, чтобы оно шло со скоростью «Ракеты» — шестьдесят километров в час? Подсчитали конструкторы и ужаснулись: несколько десятков тысяч лошади-

Крылья выносят «Ракету» из воды, она скользит по воздуху.

20 км в час

60 км в час

Когда корпус корабля выходит из воды, скорость судна резко увеличивается.

ных сил! Ведь это целая электростанция! Такой мощный двигатель и не установишь на корабле: слишком он громоздок и тяжел.

Пришлось инженерам искать другое решение. Посмотрите, как летит самолет. Двигатель вращает винт, винт ввинчивается в воздух. Воздух набегает на крылья, подталкивает их вверх, а с ними поднимается и самолет. Поднялся и полетел...

Крыло, как говорят специалисты, обладает при движении подъемной силой.

А нельзя ли эту подъемную силу использовать для кораблей?

Прикинули, подсчитали инженеры и сказали: «Можно! Можно построить корабль с подводными крыльями...»

И вот построили небольшой корабль, к днищу приделали по четыре обтекаемых крыла, а в корме на специальной балочке установили винт. Разогнали корабль при помощи винта, подобно тому, как воздух подталкивает крылья самолета, вода стала подталкивать крылья, а вместе с ними и весь корабль вверх. Вынесли крылья корпус корабля из воды, и сразу уменьшилось сопротивление: ведь корпус оказался над водой, только одни крылья остались в воде. Вот и понесся корабль с большой скоростью над водой.

Корабль «Ракета» недавно построен на заводе «Красное Сормово». Он предназначен для плавания по рекам, но недалеко тот день, когда такие крылатые корабли стремительно понесутся по морям и океанам.

Чудесный шахтер

Наверно, многие из вас видели, как дворники в жаркий летний день поливают из шлангов улицы; небось, не раз просили, когда были помладше: «Дайте, дядьенка, полить!...»

Вода в водопровode находится под давлением, и, вырываясь из наконечника шланга, она бьет сильной струей. Подставьте руку под струю, и вы ощутите, с какой силой бьет вода.

Советские инженеры решили использовать эту силу для добычи угля в шахтах. Конечно, для того, чтобы разбивать твердый, как камень, уголь, недостаточно того напора воды, какой есть в обычном водопровode. Для этой работы воду надо сжать в сотни раз сильнее.

Мощными машинами-компрессорами сжали воду и направили по трубам в установку вроде пожарного брандспойта — «водяную пушку». А на конце приделали узкий наконечник. Стенная со всех сторон, вода тонкой и сильной струей вылетает из «пушки», как стальным долотом, ударяет в угольный пласт, разламывает его, дробит.

Так вода стала добывать уголь. Направит шахтер «водяную пушку» на угольный пласт — и водяное долото вгрызается в него, быстро и без пыли отламывает от него куски и уносит по наклонному желобу. Этот желоб входит в большую трубу, по ней специальные насосы перекачивают воду с углем наверх, на поверхность земли.

Наверху воду фильтруют и отправляют назад, в забой, а уголь сыплют в кучи. Подохнет он немного, и, пожалуйста, уголь готов для отправки на электростанции, заводы и фабрики — туда, где его ждут.

Два гиганта

ока что вы еще не видели этих гигантов. Их только начнут выпускать наши заводы: один из гигантов похож на шагающий экскаватор, а другой — на двадцатитонный самосвал Минского завода. Похожи, но не такие же, а более мощные.

Речь идет о новом шагающем экскаваторе «ЭШ-25/100». Это очень нужная машина, особенно для шахтеров. Да, да! Не удивляйтесь, этот экскаватор будет добывать уголь!

Послушный оператор экскаватор схватит своим сорокакубовым ковшом порцию угля, ни много, ни мало целых 40 тонн, и мгновенно, за 30 секунд, перенесет ее в сторону на 100 метров! Ведь ковш укреплен на конце стометровой стрелы.

Остановил оператор стрелу. Под нее уже подкатил другой гигант — новый сорокатонный самосвал «МАЗ». Оператор нажал ручку. Машина наполнилась углем. 40 тонн вместились в ней.

Шофер дал газ — и поехал гигантский самосвал, словно железнодорожный вагон на резиновых пницах, к месту назначения: на электростанцию или на завод.

«Позвольте! — скажете вы. — Уголь глубоко под землей находится. Как же забраться под землю огромным экскаватором?»

А ну-ка, давайте спросим горных инженеров или шахтеров: на какой глубине уголь залегают?

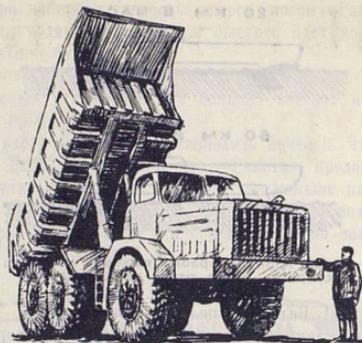
Они ответят: уголь может залегать на глубине многих сотен метров. А бывает, что пласты угля подходят прямо к самой поверхности земли. Стоит снять слой земли в несколько метров толщиной — и черной «черное золото», сколько тебе нужно. Обычно здесь и используют экскаваторы.

«Ага! Теперь понятно: «ЭШ-25/100» будет работать на открытых выработках, где уголь на поверхности выходит!»

Конечно, «ЭШ-25/100» можно послать и в такие места. Но он предназначен для добычи угля с более глубоких пластов, залегающих на глубине в 100 метров. А таких месторождений у нас, в Советском Союзе, очень много.

Как тут быть? Рыть шахту или не рыть? Если добывать уголь открытым способом, то придется снять с угля огромный пласт земли — в 100 метров толщиной! Для этой работы понадобятся, по крайней мере, сотни обычных экскаваторов, а потом придется строить подземные пути, по которым будут спускаться автомобили или железнодорожные составы на такую глубину. Очень уж дорого обойдется такой уголь!

И вот в таких случаях на помощь шахтерам придет «ЭШ-25/100».

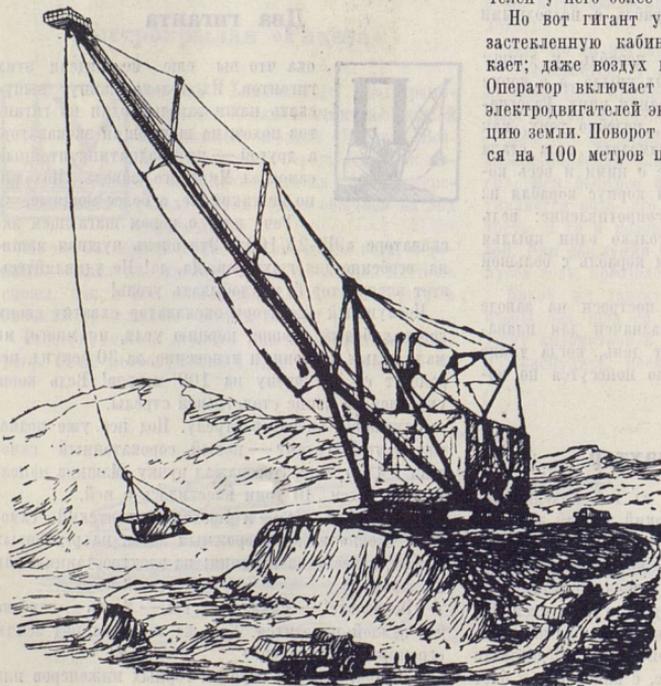
Сорокатонный самосвал «МАЗ».

Туда, где геологи обнаружат богатые залежи угля на глубине в 100 метров, в один прекрасный день придут вереницы автомашин, груженных ящиками. Это с завода прибыли части шагающего экскаватора.

Заклидела работа. Сборка «ЭШ-25/100» — нелегкая, сложная работа. Одних только электродвигателей у него более сорока!

Но вот гигант установлен. Оператор садится в застекленную кабину. Здесь все блестит и сверкает; даже воздух в кабину подается очищенный. Оператор включает моторы, и под мягкое пение электродвигателей экскаватор поддевает первую порцию земли. Поворот стрелы — и земля отбрасывается на 100 метров по ту или другую сторону, очищая место добычи шириной в 200 метров.

Пройдет некоторое время, и «ЭШ-25/100» начнет грузить в гигантские самосвалы черный блестящий уголь.

На помощь шахтерам скоро придет гигант «ЭШ-25/100».

ЗВЕЗДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

(Продолжение)

А. ПОЛЕЩУК

Рисунки Ф. Лемкуля.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Сюда, — сказал милиционер и указал на высокую дверь.

За дверью оказалась еще одна комната, в глубине которой была дверь поменьше. Милиционер распахнул эту последнюю дверь и пропустил их вперед.

— Садитесь, товарищи, — сказал начальник милиции. — Вы извините меня, но мне звонили из института, и я не мог не вмешаться... Так кто у вас без паспорта?

— Вот он, Человек, а мы с ним...

— Но почему вы не хлопчете, чтобы вам выдали другой взамен утерянного?

— Он не терял паспорт, — сказал Коля.

— Не терял? Значит, украли?

— Он не знает, что такое паспорт.

— Я не понимаю... Я никого не хочу рассматривать как преступника, но я вам, простите, не верю. На вид этому гражданину, — он кивнул в сторону Человека, — лет тридцать пять, сорок...

Все заулыбались.

— Я на много ошибся?

— Во много раз, — улыбнулся Дмитрий Дмитриевич.

— Допустим... Хотя... Как вы сказали? Во много раз?.. Ну хорошо, во всяком случае, больше шестнадцати, а в нашем государстве паспорт получают с шестнадцати лет.

— Вы ему покажите и объясните, что такое паспорт, — сказал Коля. — Он поймет, он понятливый.

— Покажите, я пойму, — сказал Человек.

— А почему у вас такой голос? — спросил начальник милиции.

— Мой голос — это изобретение Дмитрия Дмитриевича. Я не говорю в вашем диапазоне частот.

— Диапазоне, диапазоне!!! Сложнейшие вещи вы говорите, а что такое паспорт, не знаете! Вот, полюбуйтесь, — Начальник милиции взял из рук Дмитрия Дмитриевича паспорт и протянул его Человеку. — Каждый, каждый имеет это при себе, — сказал он. — Но и выглядите вы как-то странно...

— Он не с нашей планеты, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

Наступило долгое молчание.

— Понимаю, — сказал Человек, — понимаю...

Они у нас были. Это было давно, когда еще были книги.

— А потом, разве потом исчезли писатели? —

недоверчиво спросил начальник милиции. — Разве отпала необходимость в писании, ну, скажем...

— Протоколов, — подсказал Дмитрий Дмитриевич, и начальник милиции рассмеялся. По-видимому, теперь он твердо решил, что его разыгрывают.

— Мы отказались от печатного слова, написанного слова, но не от слова вообще, — не обращая внимания на смех, ответил Человек. — И ничто из созданного не было упущено.

— Но ведь книга, — сказал Коля, — это так удобно. Взял под мышку и пошел.

— В ваших библиотеках уже хранятся миллионы томов. Попробуй их взять.

— Но что же может заменить книгу?

— Вот это. — Человек вытащил из своих пугающе бездонных карманов плоскую, похожую на удлиненную коробочку вещь и поставил ее на стол. Поверх коробочки вырос дрожащий, студенистый кубик, совсем прозрачный. Только внутри переливались какие-то фигурки, треугольники и квадраты, переплетались какие-то значки, по-видимому, математические. Комок знаний далекого мира дрожал внутри кубика и сверкал неожиданными сочетаниями цветов.

Начальник милиции нагнулся, всматриваясь. Коля и Дмитрий Дмитриевич тоже почувствова-

Шел бой...

ли, что не могут оторваться от хаотической жизни внутри кубика.

— В нем,— Человек указал на кубик,— все, что мы знаем. Все, что знаю я. Все, что было высечено, нарисовано, написано до меня, все, что было на моей памяти.

— Здесь ничего нельзя разобрать,— сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Это не читается глазами.

— А жаль,— заметил Дмитрий Дмитриевич.— Жаль. Пропадают схемы, таблицы.

— Здесь есть и проекционная часть. Она го-

раздо легче ваших проекционных фонарей... Вообще вы больше всего отстали в оптике. Правда, вы идете более трудным путем... На моей планете атомная энергия была доступнее, чем у вас уголь, это и сказалось и на нашей истории...

— Доступнее, чем уголь? — удивился начальник милиции.

— Да, гораздо доступнее, и все заключалось вот в этом растении...

Человек прикоснулся к основанию кубика. В центре кубика вспыхнула ослепительная звездочка. Человек отнял руку, и над столом появились ветви какого-то растения, желтый цветок протянулся к Колиному лицу. Кабинет начальника словно исчез: широкая равнина, обрамленная горами, растилалась вокруг. Всюду, куда только мог попасть взгляд, были заросли таких же деревьев, как и то, чьи ветви нависли над столом.

— Все в этих деревьях, — сказал Человек. — Как видите, они невысокие, у вас на Земле есть и выше и красивее. Но в них таилась загадка, которую мы смогли разгадать сравнительно недавно... Неглубоко под землей моей планеты залегали радиоактивные руды. В их состав входили элементы, еще не открытые вами. Вы присвоите им номера от сто двадцать первого до сто двадцать пятого. Как ни странно, они довольно устойчивы и обладают гораздо менее ярко выраженной радиоактивностью, чем уран или радий. Может быть, и мы поздно занялись бы их свойствами, если бы не эти заросли. То, что вы продвигаете на Земле с урановыми рудами, стараясь при помощи сложных установок обогатить один изотоп урана за счет другого, — в этом весь смысл приготовления ядерного горючего, — у нас происходило естественным путем. Соли радиоактивных элементов поднимались по стволам этих деревьев, но деревья оказались способными произвести отбор солей, и соли одних изотопов двигались быстрее других. Радиоактивные элементы накапливались в плодах, они, видите, красные шары на ветвях. Наше ядерное горючее не нуждалось в заводах. Мы срывали эти плоды, сушили их при свете нашего солнца и, сложив их на полу пещеры, грелись возле них, пока безумец, имени которого не сохранил народ, не научился взрывать золотом от этих плодов скалы... Но пусть картинка, вы, кажется, их лучше понимаете, доскажет остальное...

Красный луч протянулся через всю комнату. Все посмотрели туда, куда понал этот луч. Невнятный красноватый блик медленно окружился — теперь это было Солнце! Темно-красное, сильно сплюснутое с боков, необычно большое, повисло оно над горизонтом. Над ним раскинулось нежно-зеленое небо. Горы, плавню меняя очертания, ушли куда-то в даль, а вместо деревьев заволновалась степь. Какие-то тени запылали вокруг, обретая объем и цвет; появились древние, причудливо изогнутые мечи на длинных рукоятках, почти земные копья с сияющими наконечниками... Вокруг шел бой. И перед глазами поплыли десятки лиц, искаженных ненавистью, болью, страданием. Но вот сменились костюмы, и на шлемах воинов появились хвосты каких-то неизвестных животных, вот промчалась конница, но не кони под всадниками, скорее это молодые слоны, худые, подвижные, с тонкой золотистой кожей, под которой играли литые мышцы...

— Это обрывки, куски, — медленно заговорил

Человек. — Обрывки нашей истории... Вон видите маленького, низкорослого человека верхом на слоне? На левой руке у него стальная перчатка, и он мнет уло слоноу...

Как будто повинуясь желанию тех, кто сидел в комнате, слон повернул к ним. Теперь всадник стал виден яснее. Он что-то кричал и комкал, рвал потемневшее от крови треугольное ухо своего слона: было видно, что человек этот нетерпелив и зол.

Вдали катилась армия.

Все, кто сидел в комнате, почувствовали, что и их захватило это движение и они также несутся вперед, туда, куда показывал маленький полководец...

Река преградила путь, и сразу же — в этом была видна уверенная рука вождя — в воду посыпались раздутые шкуры животных со скрученными лапами и шеей... Облепленные людьми, поплыли слоны, а у другого берега по пояс в воде стояли зеленоволосые люди. Они стояли ряд за рядом, над ними застыли копыта тех, кто стоял на берегу. Зеленоволосые ныряли в прозрачную воду и наносили удары слонам снизу. Закипела покрасневшая вода, но вот уже несколько слоноуных туш, облепленных ранеными, прибило к берегу, а по ним, сметая все, забирались воины.

Человек провел рукой над кубиком, и провалилась плотина звуков. Вой и рев озверевших слонов, стоны раненых, свист копий наполнили все вокруг...

Вперед и вперед шло войско, пока высокая крепость надолго не преградила путь. Но вот во всю ширину комнаты выросло лицо рыжего полководца, его негромкий резкий голос произнес несколько слов, и к крепости побежали воины в меховых серебрищихся куртках. И при темно-вишневом свете заходящего чужого солнца было видно, как они, цепко хватаясь за неровности кладки, поднимаются вверх...

Потом появился осажденный город. Заброшенная базарная площадь, усеянная обрывками разноцветного тряпья, ломтами каких-то изумрудных овошей. Забитый кем-то слоненок рвался на привязи, стараясь освободиться. Вот узкая расселина между домами. На корточках сидит уже знакомый нам воин, его блестящая куртка снята и лежит рядом, а перед ним, похожая на желтую скорлупку, стоит чаша. Синий огонек пляшет на ее дне. Но вот откуда-то сверху спускается еще один воин, в складках его одежды спрятана, точно такая же чаша. Он наклонился и высыпал на дно стоящей на полу чаши горсть своего пламени. Потом показался третий воин, четвертый, они проделали то же самое, что и второй... Теперь на дне чаши бушевало пламя, освещая лица воинов трепещущим светом.

— Лица! Посмотрите! — кричал Коля.

Лица воинов, что принесли синие огни в чашах, были страшными. Они вначале показались выкрашенными, татуированными, глубокие подосы избороздили их, но когда привыкли глаза, стали видны страшные язвы, рубцы, следы уже заживших язв...

В расселину вбежал пятый воин, он тяжело дышал, за ним бежало несколько зеленоволосых, вооруженных копиями. Все воины встали, выпрямились во весь рост, а тот, что пришел последним, накрыл своей чашей синее пламя, и все заволокло ослепительным светом. Звук не было слышно, было только такое ощущение, что кто-то схватил за уши и медленно выкручивает,

вырывает их... Желтый свет перешел в малиновый и погас, а перед глазами открылась картина на развалин, только вдаль виднелись остатки стен. И без конца лились войска, огибая разрушенный город.

— Да,— сказал начальник милиции,— где уж тут с копьем против атомной бомбы!

Человек протянул руку, и как бы нехотя растворились очертания моря и береговых скал, уступив место нехитрой обстановке кабинета начальника милиции.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Начальник милиции достал из сейфа бланк временного удостоверения.

— Ну вот,— сказал он,— сейчас заполним этот бланк, фотокарточку кто-нибудь из вас принесет завтра.— Дмитрий Дмитриевич кивнул.— Все будет действительно на один месяц.— Начальник милиции аккуратно обманул перо в высокую бутылочку с черными чернилами, посмотрел на Человека в упор и спросил:

— Фамилия? Ваша фамилия, имя, отчество?

— У меня нет имени,— резко сказал Человек.

— Так, а, простите, у вашего отца также не было имени?

— У него было имя, но оно не произносится вашими звуками.

— А все-таки предположим, что вы увидели своих знакомых, родных, как бы вы обратились...

— Их здесь нет!— со злостью сказал Человек.

— Странная логика,— пожал плечами начальник милиции.— Были бы вы нашим, земным человеком, я назвал бы это запертостью... Но вы нам здесь такое диво показали, что и сейчас в глазах рябит.

— Мы называем его Человек,— сказал Коля,— и он откликается.

— Так и запишем.— Начальник милиции четко написал на бланке: «Человек».— Когда вы родились?— задал он следующий вопрос.

— Это невозможно определить,— ответил Человек.

— Непонятно... Укажите год своего рождения.

— У нас совсем другой принцип летоисчисления. Мы считаем время с того дня, как мы изменили наклон оси вращения своей планеты. Наша естественная ось была почти перпендикулярной к плоскости орбиты. Слишком резкими были различия в климате между различными зонами, мы не знали, что такое времена года... Меня изгнали...

— Вас изгнали?— спросил начальник милиции.

— Изгнали... Послали в полет... к вам. Ваша речь имеет слишком много отнютков.

— Так в каком году произошло это ваше... то есть когда вы вылетели?

— Мне лучше написать...— Человек взял карандаш и написал на обложке желтой брошюры, лежащей на письменном столе: «27875». Он выписывал цифру за цифрой, не торопясь, что-то обдумывая.— У нас в основе лежит не десять, а ваше шестьдесят, мне пришлось переводить... Но в нашем году 561 день...

— А летели вы сколько времени?

— Не знаю... Вначале я видел вблизи вашего Солнца только Юпитер, потом появился Сатурн. Сравнительно недавно, тысяч восемь оборотов вашей Земли вокруг Солнца, я смог рассмотреть Землю. Засверкали взрывы атомных бомб, и я

понял, что вы на пороге открытий, которые уже перевернули нашу жизнь, сделали ее такой могучей и такой сложной, и я стал спешить, иначе... иначе я вам был бы не нужен. Мое место здесь, с вами. Я ушел от своего мира, я принесу вам знание, которого у вас еще нет...

— А что вы ищете у нас?— спросил начальник милиции.

— Дом,— ответил Человек.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Когда Коля, Дмитрий Дмитриевич и Человек, выйдя из отделения милиции, шли по улице, им навстречу бросился человек с ружьем за плечами. Коля с любопытством на него оглянулся.

— Вот это да!— сказал человек с ружьем.— Вот так встречай!

— Это же Серафим Яковлевич!— обрадованно закричал Коля, всмотревшись в человека с ружьем.— Ну как, вы не помните? Он с Человеком в одной палате лежал.

— Узнаю,— сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Ко мне, сейчас же ко мне!— решительно заговорил Серафим Яковлевич.— Я ведь тут неподалеку живу. Это дело отметить нужно, а как же,— с выздоровлением! И охотник обещал зайти попрощаться. Охотника-то помнишь, а, Человечина?— Серафим Яковлевич хлопнул Человека по плечу.

Совсем стемнело. Они перешли на другую сторону улицы.

— А Борис Федорович ругался, ужас, как ругался,— говорил Серафим Яковлевич.— Больного из самой главной палаты утащили!

— Борис Федорович меня ругал?— Дмитрий Дмитриевич остановился.— Как я раньше не подумал, это ужасно! Нужно к нему немедленно сходить...

— Идемте, идемте,— сказал Серафим Яковлевич.— Подумаешь, дело великое! Да он потом и вовсе успокоился. Я один раз ему напомнил, так он как закричит: «Не напоминайте мне про дурацкие фокусы Дмитрия Дмитриевича!» Я и стал помакивать.

— Как неприятно, ужасно!— сказал Дмитрий Дмитриевич.— Нужно позвонить, нет, зайти, только зайти и объяснить, что все это вышло и для нас неожиданно. Коля, приведишь Человека ко мне, я уже, наверно, буду дома...

Всю дорогу Дмитрий Дмитриевич мысленно оправдывался перед Борисом Федоровичем. Он механически сделал пересадку, механически извинился, толкаясь и наступая на ноги, и пришел в себя только в клинике.

— Борис Федорович сейчас на операции, его срочно вызвали,— сказала ему сестра.

— Когда он освободится, вы передайте ему, что его ждет Михантьев. По вопросу о Человеке.

— Хорошо. Подождите здесь. Как только закончится операция, я скажу ему.

Минут через двадцать появился Борис Федорович.

— А, Крокодилыще! Здорово, здорово!— раздался его бодрый голос.— Я уже все знаю, все знаю...

Он прошел под сводчатым потолком к выкрашенной белой краской скамейке, стоявшей у открытого окна.

— Знаете, Борис Федорович, я, собственно, за-

шел перед вами извиниться. Тот больной, который был у вас,—вы, конечно, имели из-за него кучу неприятностей...

— Больной!— В голосе Бориса Федоровича звучали непонятные нотки.— Я не хочу об этом говорить. Я врач, медик, мой удел—живое, будем говорить о живом.

— О живом?

— Ах вот как? Вы еще и прикидываетесь?

— Прикидываюсь?! Объясните! Человек при нас нам бессмертье...

— Бессмертье?— Борис Федорович рассмеялся.— Полно, Дмитрий Дмитриевич, не валяйте дурака! Бессмертье! Ваш «человек», конечно, бессмертен. Бессмертен, как камень! Как камень!

— Камень?!

Борис Федорович ушел, а Дмитрий Дмитриевич все еще растерянно стоял в коридоре. Какое-то чувство подсказывало ему, что в словах Бориса Федоровича была глубокая, пока скрытая от него правда.

Чьи-то шаги раздались в коридоре.

— Я рентгенолог,— сказал подошедший к нему человек.—Здравствуйте. Меня к вам прислал Борис Федорович... Вы, кажется, физик?

— Да, физик.

— Вот, не угодно ли рентгенограммку.— Григорий Матвеевич вынул из конверта темный продолговатый прямоугольник.

— Я ничего не понимаю,— сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Разве вы не в курсе дела?

— Я сказал Борису Федоровичу, что Человек...

— Ах, «человек»!.. Понимаете ли, Борис Федорович нашел у него целый ряд отклонений от нормы, какая-то игра природы, что нам всем вначале показалось... Стоял вопрос лишь о том, чем вызваны подобные изменения. Какое-либо заболевание, или мы имели дело с природными аномалиями. Мы попытались сделать его снимок. Два раза подносили к трубке, но как только больной, ваш Человек, как вы его называете, приближался, начинался разряд, как в результате сильной ионизации. Мы вначале думали, что осталась поверхностная проводимость на цилиндре трубки. Протерли спиртом — опять та же картина... Кассету я ему подложил под голову, но могу гарантировать, что под лучом она не была ни секунды, потому что трубка не держала и тридцати киловольт. Про кассету я совсем забыл, но мой лаборант, человек очень внимательный, проявил и ту пленку, что была под его головой. Вот эта пленка, вы ее держите.

Дмитрий Дмитриевич наложил пленку на ярко освещенное матовое стекло и взял из рук рентгенолога лупу.

— Смотрите, смотрите, вы физик и сразу все поймете. Я, вообще говоря, думал, что вам все известно, а Борис Федорович и сейчас так думает. Подступил надо мной Дмитрий Дмитриевич, говорит, а я еще консилиумы устраивал...

Дмитрий Дмитриевич всмотрелся в поверхность пленки. В трех ее местах были крупные черные звезды с белыми пятнышками посередине, а между ними сеть тонких темных линий с какими-то шарообразными узелками... Через лупу было видно, что от каждого такого узелка отходят все новые и новые, еще более тонкие нити.

— Фотография в его собственном излучении,— сказал Дмитрий Дмитриевич.

— И излучении, обладающем большой прони-

кающей способностью, что-нибудь вроде гамма-лучей.

— И поэтому он и вызывал ионизацию вокруг рентгеновской трубки... Но позвольте!— вскричал Дмитрий Дмитриевич.— Ведь это радиомонтаж!..

— Теперь вам понятна реакция Бориса Федоровича? Он лечит, ищет, волнуется, беспокоит очень занятых людей, а это не человек, это НЕЧЕЛОВЕК...

— Я не знал... Так это нечеловек!!! — Дмитрий Дмитриевич выбежал из кабинета, пробежал через вестибюль.

— Все ложь!— повторил он.— И нет бессмертия, и нет Человека! Есть кукла, манекен, робот!!!

ГЛАВА

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— Ну и ругался же Борис Федорович,— говорил Серафим Яковлевич,— ну и ругался же... Одно, говорит, спасение, что ни имени, ни фамилии, ни самой болезни не значится... Ну и задал он Дмитрию Дмитриевичу...

Чем ближе они подходили к дому, тем больше отставал Коля от Человека и Серафима Яковлевича. Летом, когда Человек еще был в клинике, Коля очень часто видел Лену. Потом, когда Человек поселился у Дмитрия Дмитриевича, они стали видаться реже, и сейчас он и хотел и боялся встречи.

— Пришли,— сказал Серафим Яковлевич.— Вот он, мой дом.

Две большие сосны росли у калитки, сам дом был в глубине участка. Серафим Яковлевич перекинул через забор руку, сдернул щеколду и, не открывая калитки, громко крикнул:

— Лена! Леночка! Как Ласточка, привязана?

— Странное имя для собаки,— сказал Коля,— Ласточка...

— Собака... усмехнулся Серафим Яковлевич.— Это у меня не собака, а универсальная тварь... Лена, как Ласточка?— снова закричал он.

— Ласточка привязана,— донесся из глубины участка голос Лены.— Иди, не бойся!

— Гости, гости какие у нас, Леночка!— говорил Серафим Яковлевич, осторожно пробираясь по посыпанной золой дорожке.— Да ты привязала ее, Леночка?

На террасе зажегся свет, и Коля с замирающим сердцем поднялся по ступенькам и, протягивая руку, сказал:

— Здравствуй, Лена. Ты меня не забыла?

— Что ты? Как я могла забыть будущее светило науки?!

— Ленка! Перестань валять дурака,— строго сказал Серафим Яковлевич. Он явно осмелел, когда очутился на террасе.— Чаю давай нам, готовь нам чай...

— Сейчас,— ответила Лена и ушла на кухню. Коля увязался за ней. Когда они вернулись, Серафима Яковлевича на террасе не было.

— Входи, входи, уважаемый,— донеслось из сада. По ступенькам террасы поднялся человек со страшными шрамами на лице. За ним поднимался Серафим Яковлевич.

— Вот он, охотничек-то,— говорил Серафим Яковлевич,— все и собрались, вся палата, и все живы и здоровы.

Охотник поправил своей единственной рукой пиджак, сползавший с правого плеча.

— Так ты, значит, охотничек, к своим товарищам? И чем же заниматься надумал?

Охотник молча положил к себе на колени ружье, с которым пришел Серафим Яковлевич, и, упираясь в ствол локтем, а в приклад культией, спрятанной в рукаве пиджака, переломил его.

— Дай патрон, — сказал он.

Лена выгадила из патронташа новенький с блестящей шляпкой патрон и протянула его охотнику. Тот тщательно вынул его в ствол.

— Пойдем, посмотришь, — усмехнулся он.

Они все вышли во двор. Прозвенел трамвай, осветив две высоких сосны возле калитки. За линей трамвая домов не было. Сонная ворона сидела на сосне, она была хорошо видна на фоне освещенного городом неба. Охотник вскинул левую руку с ружьем и выстрелил. Коля бросился вперед, высочил из калитки и поднял с трамвайного рельса убитую ворону.

— Вот так будешь стрелять — тебе внучка спасибо скажет: много дичи набьешь, — сказал охотник.

— Ах, чтоб тебя разорвало! — Серафим Яковлевич, смеясь, толкнул охотника в грудь. — Так вот для чего ты табуристу левой рукой по часу на весу держал! Так знаешь что? Так я тебе это самое ружьишко... подарю, вот что! Бери, вчера только купил.

— Правильно, дед, — сказала Лена, — и Ласточку не продавай, не нужно... Я после твоего несчастья прониклась большим уважением ко всем коровам вообще, а к нашей Ласточке в особенности.

— А мне на нее можно посмотреть? — сказал Коля.

Серафим Яковлевич и Лена переплянулись.

— Это опасно... у нее веревка старая, — ответила Лена.

— Ну так что? Это же корова?

— Нет, Коля, это всем коровам корова. Вначале была смиренная, ничего себе, а потом, как дед раньше времени теленочка продал, ни один пастих не стал справляться. А дед был доволен. Теперь, говорит, во двор никто не ползет. А Ласточка тоже распустилась: как кто в калитку, так и бегом, никого и близко не подпускает.

— А ведь лезли к нам один раз, что, не помнишь?

— Да, ночью кто-то кричал, а наутро кусок штанины на заборе нашли. Я сколько раз говорила: «Дед, не отвязывай Ласточку, не балуй!», — а он же упрямый, разве меня послушается. Вот она как-то разыгралась и...

— Ладно, хватит! — крикнул Серафим Яковлевич.

— В общем, дед вчера ружье купил и говорит: «Продам Ласточку, а с ружьем похожу по улице, чтобы все знали про ружье».

— А что же, живем мы одиноко, старик да девчонка, я хоть ночью выпущу Ласточку, так сплю спокойно. Да ты вот что, охотничек, ты ружье смажь, смажь его обязательно... Ладно, не продам Ласточку, только ты, Леночка, может быть, ее немножко... ну, чтобы своих хоть знала...

Они вновь сели за стол. Лена принесла кипящий чайник.

— Поживем и с Ласточкой, — сказал Серафим Яковлевич. — Все равно конец света близок.

— Не будет, никогда не будет конца света, — замолот головой Коля. — Мы умрем, наши дети будут жить...

— Коля? — удивленно сказал Человек. — Ты что, забыл?

— Ах, правда, я сам-то не умру, да это к делу не относится.

— Не умрешь? — сказал Серафим Яковлевич. — Да как же так?

— Меня Человек ради науки сделал бессмертным.

— Уважаемый! А я как же? — обратился Серафим Яковлевич к Человеку. — Ты и меня бы, по дружбе, а?

Человек молчал, спокойно держа руку на чайнике с кипятком.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Дмитрий Дмитриевич не помнил, как добрался до двери своей квартиры, отпер дверь, прошел в свой кабинет. Ни Коли, ни Человека еще не было. «Может быть, в его мире природа пошла не по тому пути, что у нас? — думал он. — Но тогда, несомненно, и формы были бы другими... Откуда его человекообразность? Зачем ему руки, голова, рот? У нас — другое дело! За каждой клеточкой мозга, мышцы, легкого лежит эволюция, делая цель превращений... Спокойней, спокойней, следовательно, это настоящая кукла, механическая кукла, сделанная человеком, людьми какими-то где-то... Кукла, получившая возможность мыслить, говорить, действовать?.. А, припоминаю, что Человек частенько затягивал ответы, вечно что-то раздумывал... Раздумывал! Головой, где нет и на чайную ложку мозга! И почему он похож на человека, а не на кошку, собаку или попугая? Для чего?.. Для того, чтобы мы принимали этот манекен за живого человека, делились с ним, а он весь — от головы до ног — обман!.. Нужно посоветоваться, обязательно посоветоваться... Но с кем?.. Хорошо, что хоть я сейчас в отпуску, можно пойти, поговорить... А может быть, с Аркадием поговорить?.. В конце концов, не укажи он мне, куда упал метеорит, я не встретился бы с Колей, и ничего не было бы... Он первый из нашего выпуска стал доктором наук...»

Дмитрий Дмитриевич набрал номер, чей-то женский голос спросил:

— Вам кого?

— Мне Аркадия, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Аркадия Владимировича? — переспросил женский голос.

— Да, Владимировича.

— Я слушаю вас, — раздался голос Аркадия, по голосу чувствовалось, что он что-то жует. — Кто спрашивает?

— Это я, Дмитрий Михантьев.

— А-а-а! Димка! Здорово, здорово, чего же ты не заходишь? Ну, как тебе помогли мои результаты? Мне, вообще говоря, чуть не влетело из-за тебя. Я, понимаешь ли, думал, что по тем данным, что ты мне тогда сообщил, рассчитать место падения метеорита будет легко. Пришел на работу пораньше и вместо контроля пустил нашу машину с твоими данными. Смотрю, через час ответ, координаты и скорость. Прикидываю по карте. Везет, думаю, Димке, совсем возле Москвы упал, а как глянул на скорость, что, думаю, за чудеса, скорость-то необыкновенная, сто двадцать километров в секунду! Ну пусть уж пятьдесят километров в секунду, а то больше ста...

Теперь, уже в рабочее время, я еще раз запустил машину на тех же данных, и опять то же самое. Ты что-нибудь нашел? Скорее всего, метеорит на такой скорости сгорел в полете...

— И нашел и не нашел... Но мне еще нужна будет твоя помощь...

— К сожалению, придется обождать. Та машина, на которой я вел расчеты, сейчас уже сдана, упакована и отослана на Урал, но через несколько дней будет пробный запуск второй машины, красавица машина, в ней целый ряд цепей выполнен с применением полупроводниковых элементов. Электронные лампочки выбрасываем по-прежнему...

— Что-то медленно у вас дело идет.

— Медленно? Ну, знаешь ли!.. Да мы за год всю электронику перевернули бы, если бы заводы смогли изготавливать совершенно одинаковые элементы. Ну, так что у тебя, Дмитрий?

— Ты как раз начал говорить о том, что меня интересует. Скажи, Аркадий, намного уменьшается вес счетной машины после замены радиодиагн на полупроводниковые элементы?

— Раз в пять—шесть. Это уже сейчас. Есть некоторые перспективы уменьшить еще значительно. Можно представить полупроводниковый элемент, выращенный химическим путем и имеющий размеры не с горошину или боб, как сейчас, а с булавочную головку, причем ожидается, что свойства таких элементов будут более стандартными. Но ты чем-то взволнован, Димка?

— Я тебя, кажется, оторвал от еды?

— Пустяки, я уже все проглотил. Так что у тебя? С диссертацией? Я ведь после твоей защиты тебя не видел, все по телефону и по телефону.

— Послушай, Аркадий, скажи мне... можно ли создать механизм, полностью подобный мыслящему существу?

— Хм, да твой вопрос я не один раз слышал, мне ведь иногда приходится читать популярные лекции. Это — детство, Димка, ты всегда увлекаешься.

— Нет, нет, Аркадий, нет! Для меня этот вопрос очень серьезен, пойми...

— Ну, ладно... Так тебя интересует, можно ли создать мыслящий агрегат? Так я тебя понял?

— Да, так.

— Можно. И если его нет сегодня, то он будет создан завтра. И он не может быть не создан. Действительно, те скорости, ускорения, силы, которые ворвались в современную технику, потребовали такой быстроты реакции, такой подвижности мозга, что человек остался далеко позади. Мы можем сконструировать машину для любых логических и математических операций, но только при одном условии: то, что должно делать машина, должно быть выработано человеком в форме инструкции, программы. А человек, как ты знаешь, может сам найти для себя программу. Машина всегда будет решать ту или иную задачу, пусть очень сложную, непосильную для армии вычислителей, но заданную ЧЕЛОВЕКОМ задачу.

— Аркадий, меня интересует другое... Можно ли создать такую машину, поведение которой было бы полностью подобно поведению человека? Пусть настолько странного, чудачковатого, но человека?

— Ах, так! Ну, в виде такой игрушки — это даже забавно... Видишь ли, если в средние века были созданы знаменитые андройды — помнишь,

швейцарскими часовщиками? — и эти автоматы могли красиво писать несколько слов, посыпать их песком и даже рисовать, то в наше время, когда вместо зубчатых колесиков и червячных передач мы можем применить электронике и электромагнитные приспособления, вполне мыслима такая машина, которая может заменить банк с его сотнями служащих или которая будет давать ответы на любые вопросы, справляясь с энциклопедией. Смотри, я даже увлекся... Да, это не так уж сложно. Правда, применений ее я не вижу, разве только в цирке... Хо-хо! Это был бы коронный номер! Выступает кандидат физико-математических наук Михантьев со своим механическим человеком Бом-Бом...

— Погоди, я не шучу. Чем же такой автомат будет отличаться от человека?

— Отличаться? Как сказать... Тем, что он не человек, что он автомат. Тем, что тот, кто ударит молотком по такому сооружению, разрушит механизм, совершит варварство по отношению к технике, но не совершит преступления, так как никого не убил, не убил живое существо... И потом все ведь будет у него искусственным. Ни одно решение, ни одно его действие не будет сопровождать грусть или радость. Все будет игра; не больше, — сложная, разнообразная, но игра.

— Но ведь и люди иной раз играют?

— Но они не всегда играют, и если ты с умом и сердцем, то всегда отличишь игру от... а, вот в чем дело, — от переживания! Вот, вот, переживание! Его никогда, даже через миллионы лет не сделают доступным автомату. Пусть этот автомат будет улыбаться и гримасничать, но за этими гримасами никакого переживания не будет.

— И это можно увидеть?

— Это можно почувствовать. Как бы он ни был сделан искусно, ты почувствуешь, что в его проводах — жилах — поток электронов, а не живая кровь... Все-таки природа человеческая на ближайший миллион лет будет бесконечно сложнее и тоньше, глубже и многообразнее любой, даже сверхгениальной человеческой выдумки...

— Так ты говоришь, что переживание — это главное... И я должен был его почувствовать...

— Как?! Ты не пьян, Дмитрий?

— Нет, нет! Спасибо, Аркадий, ты дал мне ключ к одному очень сложному вопросу... Я случайно натолкнулся на еще более загадочное явление... Я решил тебя кое с кем познать... Ты завтра будешь в лаборатории?

— Завтра с одиннадцати, но с кем ты меня хочешь познать?

— Увидишь... Будь здоров, Аркадий.

Дмитрий Дмитриевич повесил трубку и сказал: — Переживание... Я много говорил с Человеком, смотрел на него во все глаза... Он переживал, волновался, думал, смеялся, сердился, негодовал. Он человек, или я сам деревяшка!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

На следующее утро Дмитрий Дмитриевич проснулся от страшного хруста.

Первой его мыслью была мысль о том, что сегодня, в одиннадцать часов утра, его ждет Аркадий и что нужно уговорить Человека туда пойти. Хруст не прекращался. Теперь он соединился

со скрежетом, звенящим, металлическим. Дмитрий Дмитриевич, как был, босиком и в пижаме, бросился к своему кабинету. То, что он увидел, войдя в кабинет, так его поразило, что он не сразу пришел в себя. Человек сидел на коротках и грыз железную спинку своей кровати. Дмитрий Дмитриевич окинул взглядом комнату.

Первое, что привлекло его внимание, была картина — единственное украшение его кабинета. Нарисованная каким-то австрийским художником, она изображала сценку из крестьянской жизни. Несколько женщин в ярко-красных головных платках собирали и складывали на телегу копны сена. Сейчас разобрать ничего было нельзя. Вместо головных платков были дыры, торчали ключья холста... Нещадному разорению подвергся также осциллограф. Стеклопанная трубка была без цоколя, и Дмитрий Дмитриевич тотчас же вспомнил, как ночью, когда он спал, ему послышался громкий хлопок; это, видимо, вошел воздух в разбитую трубку.

Человек даже не заметил вошедшего Дмитрия Дмитриевича. Он оторвался на мгновение от своего занятия. Потом прошел к письменному столу и, оторвав своими напоминающими клещи руками медные ручки от ящичков письменного стола, отправил их в рот.

— Хочу медь! Медь! — тихо сказал Человек. — Что вы делаете? — закричал Дмитрий Дмитриевич. — Вы голодны?

— Да, — сказал Человек, — я голоден. Мне многого не хватает. Мне не хватает десятка элементов: кадмия и ниобия, вольфрама и сурьмы, мне многого не хватает!

— Одевайтесь, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — одевайтесь и идите!

— Для чего? — спросил Человек, одним движением надевая гимнастерку, которую принес ему Коля. Дмитрий Дмитриевич обратил внимание, что пуговиц на ней не было. По-видимому, они разделили судьбу медных ручек от ящичков письменного стола.

— Вы не думайте, что я этим питаюсь, — сказал Человек, поймав взгляд Дмитрия Дмитриевича, устремленный на пучки ниток в тех местах, где были пришиты пуговицы. — Мне это нужно...

— А я не думаю, — ответил Дмитрий Дмитриевич. — Мы с вами сейчас отправимся к одному моему приятелю. Это мне нужно.

— К нему домой?

— Нет, мы пойдем в его лабораторию.

— Интересно. Я смогу получить там медь и вольфрам?

— Что угодно и сколько угодно, если только вы не начнете с того, что сожрете какой-нибудь важный прибор.

— Нет, нет, меня не интересуют приборы...

Теперь Дмитрий Дмитриевич уже не сомневался, что перед ним не человек.

Аркадий Владимирович их ждал. Он небрежно скользя взглядом по Человеку, ничем не обнаружив, какое тот произвел на него впечатление. Пройдя по коридору, они оказались в галерее, которая шла на уровне второго этажа внутри огромного зала. На всем своем протяжении галерея была затянута сеткой. Посередине зала испытывался огромный, величиной с пятиэтажный дом, трансформатор. Между блестящими шарами диаметром в несколько метров возникала искусственная молния, сопровождаемая могучими громовыми раскатами, похожими на выстрелы из орудия. Поведение Человека ста-

ло чрезвычайно странным. Его походка изменилась, он шел, чеканя шаг, с полузакрытыми глазами, каждый шаг сопровождался болезненным подергиванием его лица. Казалось, что его тело испытывает кратковременную, но сильную боль.

— Уйдем отсюда поскорее! — крикнул Человек.

— Ему нехорошо, — прощептал Аркадий Владимирович.

Галерея окончилась, и Человек стремительно бросился в открытую дверь.

— Куда вы? Нам налево! — крикнул Аркадий Владимирович.

— Я кое-что придумал, — успел шепнуть он Дмитрию Дмитриевичу на ухо, когда они задержались у двери в лабораторию. — Ты обрати внимание на его поведение в экранизированной галерее и его реакцию на электрические разряды?

Они вошли в лабораторию, где группа людей собирала макет какой-то очень сложной установки. На Человека никто не взглянул, никто даже не поднял головы.

— Посидите за этим столом, — сказал Аркадий Владимирович Человеку. — А мы побеседуем с Дмитрием Дмитриевичем.

— Не забудьте, — сказал Человек, — про медь и вольфрам.

— Нет, нет, я не забуду, — ответил Дмитрий Дмитриевич.

— О чем вы будете разговаривать? — вдруг забеспокоился Человек.

— Это касается семьи... семьи Аркадия Владимировича.

— Семья? Это комбинация из ближайших родственников?

— Да, да, — сказал Дмитрий Дмитриевич.

Аркадий Владимирович открыл двери своей рабочей комнаты и пристально поглядел на Человека.

— Я удивляюсь тебе, Дмитрий! — сказал Аркадий Владимирович, когда они остались одни. — Удивляюсь! Ты что, с ума сошел? Да как же можно такое событие держать в тайне? Я не хочу ему показать, насколько я заинтересован... Где ты его нашел?

Дмитрий Дмитриевич рассказал все, что знал о появлении Человека, и Аркадий Владимирович воскликнул:

— Это же посланец другого мира!

— Боюсь, что тут сложнее, Аркадий... У меня очень серьезное подозрение, что он вообще не человек, что это робот, автомат.

— У меня мелькнула такая же мысль, когда я увидел, как он реагирует на разряды. Но у него совершенно человеческая мимика! Как ты мог секретничать? И какие у тебя данные, что он не принадлежит к живой природе, что он создан искусственно?

Дмитрий Дмитриевич вынул из кармана пиджака рентгенограмму и рассказал ее историю.

— И кроме того, — сказал он, — сегодня утром он повел себя совсем странно. Учинил полный разгром в моей комнате, изгрыз спинку кровати, а сейчас требует меди... До сих пор он вел себя очень и очень покладисто. По-моему, рано еще менять к нему отношение, нужно было бы привлечь, теперь уже по-настоящему, меди-ков...

— Что ты говоришь! Какая там медицина? — заволновался Аркадий Владимирович. — Я немедленно созваниваюсь с самыми крупными специалистами в области автоматики, к зав-

трашнему утру мы составим такой «ансамбль» из шести — семи докторов наук, что мы из него все повытрясем! И это нужно делать немедленно! Он станет, может быть, помимо своей воли, источником громадных открытий.

— Все-таки я и сейчас сомневаюсь, человек это или робот... — сказал Дмитрий Дмитриевич.

— Стой! У меня есть мысль! Мы сейчас окончательно сможем убедиться и рассеять все сомнения... Если он выкинет какую-нибудь пакость...

— Почему ты подозреваешь какой-то злой умысел, ведь он принес нам чудесные вещи...

— Ты извини меня, Дмитрий, но ты рассуждаешь, как ребенок... Одно то, что он автомат и скрывает это, говорит о многом... Но, может быть, ты не согласен с тем, что я предлагаю предпринять более решительные действия? Да еще привлекаю людей со стороны...

— Я давно хотел рассказать о нем всем, но нужно было все твердо установить, проверить, доказать... Я боялся, что меня подымут на смех. Скажут: «Что? Человек из другого мира? Сказки!»

— Да, это твоя ошибка, Дмитрий! Большая ошибка!

Они вышли в лабораторию и увидели, что вокруг Человека столпились все инженеры лаборатории и пытаются что-то отнять у него...

— Димка, — сказал тогда пропливо Аркадий Владимирович, — иди в экранную камеру, я его туда приведу.

— А я там помещусь?

— Это комната. Под полом железный лист, стены из двойной латунной сетки, дверь тоже обита сеткой. Ни одна радиоволна не выйдет из этой камеры, мы там испытываем генераторы... Все тщательно пропаяно, шесть килограммов олова я на нее ухлопал...

— Но для чего все это? Я не понимаю.

— Потом поймешь... Что там у вас? — обратилсь Аркадий Владимирович к своим сотрудникам.

— Ар-аркадий Владимирович, — сказал, заикаясь, пожилой инженер, — это ка-какой-то странный посетитель! Он вы-вытащил из моего па-

Человек проткнул прутком потолок камеры.

льяника раскаленное жало и отправил его к себе в рот!

— Мне нужна медь! — сказал Человек.

— Вы получите медь! — сказал Аркадий Владимирович. — Вы все получите... — Он повернулся к Дмитрию Дмитриевичу и подтолкнул его к обитой дерматином узенькой двери экранной камеры.

В камере было прохладно, холод металличе-

ских листов, которыми был устлан пол, не смягчался ни линолеумом, ни дорожкой. Окна экранной камеры были затянuty двойной яично-желтой сеткой. Дмитрий Дмитриевич сел на табуретку перед узеньким столом, уставленным приборами.

Аркадий Владимирович, осторожно держа Человека за локоть, прохаживался вместе с ним в проходе между столиками. Они о чем-то беседовали, остальные сотрудники лаборатории расселись по своим рабочим столам и искоса за ними наблюдали. Шаг за шагом Аркадий Владимирович подводил Человека к экранной камере, из которой нетерпеливо выглядывал Дмитрий Дмитриевич. Первым вошел Аркадий Владимирович, Человек перешагнул за порог и сразу же сделал движение к выходу, но Аркадий Владимирович быстро захлопнул дверь. Человек, что-то говоривший в это время, остановился на полуслове и быстро спросил: «Что? Что? Что?».

Он раскинул руки и стал носиться по комнате, ощущая сетку. Лицо его стало безвольным, тупым. Вся фигура выражала необыкновенную растерянность.

— Забегал! — торжествуя закричал Аркадий Владимирович.

— Что с ним происходит? — прошептал Дмитрий Дмитриевич.

— Это автомат, робот! — ответил Аркадий Владимирович, не отрывая взгляда от Человека. — У него есть хозяин! Он кем-то управляет! А сюда не проникают электромагнитные излучения... Скорее всего это радиоволны... Смотрите, он раскинул руки, его руки — антенна!

— Не слышу, не слышу... — говорил Человек.

— Кого вы не слышите? — спросил Аркадий Владимирович.

— Почему нет сигналов? У меня все в порядке?..

— Что вы можете делать самостоятельно?

— Выполнять приказы, видеть, запоминать, двигаться...

— Что нужно для того, чтобы вы подчинились мне?

— Нужен шлем... Нельзя, нельзя подчиняться... Если связь прекратилась, нужно ее искать...

— Таким я его ни разу не видел, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — Теперь я понимаю, почему он всегда молчал перед тем, как ответить. Иногда по несколько минут молчал... Я думал, это оттого, что он недостаточно овладел нашим языком.

— Затягивал ответы? — переспросил Аркадий Владимирович. — А сейчас отвечает быстрее? Это говорит о многом... В паузах он ожидал приказаний... Да, да.

А Человек метался по камере, повторяя бесконечно, упорно: «Связь, связь, связь...»

— Он повторяет слова инструкции, которая в нем заложена, — сказал Аркадий Владимирович.

— Если связи нет, нужно пробиваться вверх, — сказал Человек.

В его руках сверкнул длинный оранжевый прут. Человек взмахнул им, и Дмитрий Дмитриевич едва успел отскочить в сторону. Чело-

век проткнул своим прутом потолок — камеры, кисть его руки вначале медленно, потом все быстрее и быстрее начала вращаться, камера наполнилась белой пылью.

— Это ловушка! — закричал Человек, когда прут углубился в потолок. — Это ловушка! — Его лицо снова стало осмысленным. — Сетка! Сетка! — Нужно кончать, — сказал Аркадий Владимирович и быстро открыл дверь камеры.

Человек выдернул прут и высочил первым. Его руки — это было ясно видно — дрожали крупной, частой, совсем по-человечески нервной дрожью.

— Я не ждал от вас, Дмитрий Дмитриевич, — сказал он, — не ждал. После того, как я вам столько принес... — Человек согнул прут в спираль и быстрым движением спрятал его в рукаве гимнастерки. — Идемте, Дмитрий Дмитриевич. — Человек вышел из лаборатории.

— Нехорошо получилось, — сказал Дмитрий Дмитриевич. — И все-таки опять нет полной уверенности в том, что он автомат.

— Я уверен в этом, — ответил Аркадий Владимирович. — Теперь мне ясно, почему он стал отвечать быстрее... Димка, его хозяин приближается к Земле! Понимаешь? Пока он был далеко, радиоволны или какому-то другому, близкому ей по природе излучению нужно было больше времени, чтобы принести ответ или приказание... Завтра к вечеру мы все устроим. Но ты будь осторожен...

— Аркадий Владимирович, — раздался вдруг девичий голос, — Георгий Степанович на вас сердится. Что это вам вздумалось без предупреждения пол сверлить?

— Пол? — удивился Аркадий Владимирович.

— Да, пол. Мы сидим, ничего не подозреваем, и вдруг прямо посередине комнаты появляется эта штука. Я как закричу, а Георгий Степанович не растерялся и как стукнет молотком, еще немного, и нам прибор испортили бы!... С этими словами лаборантка протянула Аркадию Владимировичу оранжевую полосу металла, длиной сантиметров в двадцать.

— Да это же наконецник его шага, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — шагаи, которого он потолок сверлил. Дайте его мне!

— Ну да, лаборатория, в которой работает эта девушка, как раз над экранной камерой...

— Вот теперь я точно установлю, откуда он взялся, — Дмитрий Дмитриевич выхватил из рук Аркадия Владимировича полосу и бросился догонять Человека.

А Человек уже был в проходной и молча старался открыть дверь, которую вахтерша заперла на задвижку.

— Пропустите их! — крикнул Аркадий Владимирович. Он сбегал вниз вслед за Дмитрием Дмитриевичем. — Вот их пропуск!

Человек высочил на улицу и, взяв Дмитрия Дмитриевича за локоть, тем же движением, каким за полчаса до этого его придерживал Аркадий Владимирович, четко выговаривая слова, сказал:

— Вы хотите знать, кто я?... Вы это узнаете, но только вы!...

(Окончание в следующем номере.)

О тех, кто слушает брюшком и поет крылышками

Дорогая редакция!

В радиопередаче «Пионерская зорька» я слышал сказку про то, как мышь и кузнечик спорили о том, у кого слух лучше. В сказке говорится, что у кузнечика уши на ногах. Прошу ответить мне, правда ли это.

*Сергей Настич,
Москва.*

Ты, конечно, дорогой Сережа, не раз слышал, как невнимательным ребятам говорят: «Слушай ушком, а не брюшком». Эта поговорка подходит для человека, а вот для насекомых она оказывается совершенно неподходящей: ведь многие насекомые — саранча, цикады и некоторые бабочки — слушают брюшком, слуховые органы у них находятся на члениках брюшка.

Вообще у насекомых органы слуха расположены в самых неожиданных местах: у сверчков, кузнечиков и стрекоз — на передних ногах, у ночных бабочек и водяных жуков — на члениках груди, у некоторых дневных бабочек — у основания передних крыльев.

Органы слуха насекомых устроены гораздо проще, чем у человека. Они состоят из барабанной перепонки — утонченного участка кожи — и расположенной либо на одном уровне с поверхностью тела, либо в небольшом углублении. С внутренней стороны к барабанной перепонке прилегают нервные клетки. От них отходят длинные отростки, которые, сплетаясь вместе, образуют слуховой нерв.

Под влиянием звуковых волн барабанная перепонка колеблется, вибрирует, и ее колебания передаются воспринимающим нервным клеткам, а оттуда в мозг.

Слух у насекомых довольно хороший. Правда, низкие, басовые звуки насекомых слышат хуже, чем человек, зато высокие — гораздо лучше.

Ты, наверно, и сам знаешь, что собаки слышат лучше, чем человек. Часто бывает так: собака встревоженно поводит ушами, рычит, а человек ничего

еще не слышит. У многих насекомых слух еще лучше, чем у собаки. Подмечено, что органы слуха лучше развиты у тех насекомых, которые сами издают какие-нибудь звуки.

Мы невольно коснулись еще одной интересной особенности насекомых. Оказывается, что не только слуховые органы расположены у насекомых в необычных местах, но и звуки насекомых издают самыми необычными способами. У всех зверей и птиц, так же как и у человека, звуки рождаются в голосовых связках и во рту. У насекомых нет голосовых связок, поэтому «говорят», «гудят» или «поют» они по-разному. Либо, как кузнечики или сверчки, трют одно крыло о другое; либо задние ноги — о крылья, как саранча; либо звук рождается от трения шероховатых поверхностей головы, тела и ног друг о друга, как у бабочек и жуков. Мухи извлекают свои надоедливые звуки при помощи специальных жужжалец, которые представляют собой недоразвитые крылышки, способные колебаться с очень большой быстротой.

Обычно насекомые издают звуки несильные, но среди них есть и признанные всеми «певцы» и «музыканты», которых слышно издали: это сверчки и кузнечики. Довольно громким басом «поют» шмели, стараясь отпугнуть своих врагов. Другой защитой, жала, у них нет. Очень звонко стрекочут цикады на юге. Когда их собирается много, они задают такие «концерты», что заглушают человеческую речь.

Вот, Сережа, как изобретательна, оказывается, природа!

Г. Грин

Самый большой магнит

Дорогая редакция!

Прошу рассказать мне, почему магнитная стрелка компаса всегда показывает на север.

*Геннадий Обоскалов,
с. Новосельск, Курганской области.*

Ты, Геннадий, наверно, знаешь, что разноименные полюса магнитов притягиваются друг к другу, а одноименные отталкиваются.

Земля представляет собой огромный магнит, северный полюс которого расположен вблизи геогра-

фического северного полюса Земли, а южный — вблизи географического южного. Поэтому южный полюс стрелки компаса всегда притягивается к северному полюсу Земли, всегда показывает на север.

Ю. Авалини

В. Муратов выполняет упражнения на брусках.

О трех победителях

Виктор ВАСИЛЬEV

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО

Многие думают, что гимнаст — это непременно силач с такими могучими мускулами, что когда он сгибает руку, у него рубашка трещит. Если вы тоже так думаете, то, увидев Валентина Муратова, наверняка будете удивлены. Он абсолютный чемпион мира по гимнастике. Абсолютный — это значит, что на всемирных соревнованиях Муратов выполнил лучше других участников не только, скажем, упражнения на брусьях либо кольцах, но получил наибольшую сумму баллов за выступления на всех гимнастических снарядах.

Так вот, абсолютный чемпион мира не выглядит очень уж сильным человеком. Стройный, тонкий в талии, худощавый, он в свои двадцать восемь лет сохранил что-то от облика юноши.

Но вот, натерев руки магниевой, Муратов выходит к снаряду. Легкий прыжок, длинные цепкие пальцы плотно охватывают перекладину, и руки с неожиданной мощью бросают послушное тело вперед и вверх. Муратов делает «солнце» — еще и еще раз описывает в воздухе круги, — и вдруг сильный

взмах вверх ногами, гимнаст отрывается от снаряда, вытянувшись всем телом, на мгновение замирает в воздухе, потом плавно делает сальто и мягко становится на мат. Муратов делает упражнения с такой непринужденностью, с такой простотой и легкостью, что совершенно забываешь, каким упорным, многолетним трудом он всего этого достиг.

Муратов в своей жизни успел много попутешествовать, видел много стран и городов, встречался с интересными людьми. Среди множества фотографий, которые он бережет в память об этих встречах, одна ему особенно дорога. Любителям гимнастики хорошо знаком человек, который изображен на ней. Смуглое лицо, слегка вьющиеся черные волосы, необычайно живые глаза. На обороте надпись: «Валентину Муратову — будущему чемпиону СССР». Подписано: «Н. Серый». Надпись эта была сделана девять лет назад, когда Муратов не был еще даже мастером спорта. Замечательный спортсмен, неоднократно чемпион страны Николай Павлович Серый уже тогда предугадал, что Муратов станет разносторонним гимнастом, которого ждут вперед большие успехи.

Серый оказался прав. Но разносторонность эта не пришла сама собой. Часто случалось так, что Муратов, прекрасно выполнив большинство упражнений, вдруг «срывался» на каком-либо из снарядов. Чаще всего подводил его конь — довольно трудный гимнастический снаряд. Словно непокорный скакун, конь «сбросил» с себя Муратова в соревнованиях на XV Олимпийских играх в Хельсинки. Из-за грубой ошибки Муратов потерял целый балл, а ведь в гимнастике судьба чемпиона часто решается сотыми балла...

— Есть, Валя, только один способ «объездить» этого строптивого коня, — сказал ему как-то тренер Константин Сергеевич Каракашьянц, — надо полюбить его.

И с необычайным упорством, без которого в спорте немислим успех, Муратов стал тренироваться на коне. Еще и еще — бессчетное количество раз — повторял он гимнастические комбинации на этом снаряде. И пришел день, когда он полусуштя-полусерьезно сказал тренеру:

— А знаете, я, пожалуй, не только полюбил коня, но и добился от него взаимности...

Вскоре же, летом 1953 года, Муратов доказал, что действительно подружился с конем: он стал абсолютным чемпионом Советского Союза. Даже выдающийся гимнаст Виктор Чукарин вынужден был уступить ему победу.

...Последний чемпионат мира по гимнастике проходил в Риме. В то время в Италии стояла невыносимая жара. Даже итальянцы изнемогали от зноя. На церемонии открытия чемпионата мира президент международной федерации гимнастики граф д'Альвиала произнес приветственную речь и... упал, подкошенный солнечным ударом.

Выступать в незнакомом городе на таких труднейших состязаниях да еще при температуре в 55 градусов — для этого нужно не только мастерство, но и мужество, и воля, и непреклонный характер. Все это у Муратова было, как, впрочем, и у его товарищей — Виктора Чукарина, Гранта Шагиняна, Бориса Шахлина и Альберта Азаряна. Пять представителей одной страны — невиданный случай в истории гимнастики! — заняли пять первых мест...

Как это произошло? Перед чемпионатом иностранные газеты предсказывали, что абсолютным чемпионом мира станет кто-либо из четырех гимнастов: либо советский спортсмен Чукарин, либо швейцарец Штальдер, либо японец Такамото, либо немец Ванц. Имя Муратова даже не упоминалось. Но вот начались соревнования, и всем вдруг стало ясно, что ни швейцарец, ни японец, ни немец не могут угнаться за Чукариним. Зато у него появился другой грозный соперник — Муратов...

Никогда еще не бывало на чемпионатах мира такого напряженного поединка, как в этот раз между

Чукариним и Муратовым. С волнением и все возрастающим восхищением следили зрители за борьбой двух сильнейших.

А они шли к цели удивительно ровно. Стоило Чукарину получить лучшую оценку на одном из снарядов, как Муратов в следующем же упражнении настигал его. Никогда прежде не чувствовал он себя так уверенно: ведь теперь конь из недруга стал его союзником.

Соревнования закончились. Наступила ночь, но зрители не покидали трибун, с нетерпением ожидая, кому же будет присуждена победа. Судьи подвели окончательный итог, и он удивил всех: соперники оказались достойными друг друга, они набрали одинаковое количество баллов: 115, 45. Пришлось срочно чеканить вторую золотую медаль чемпиона мира...

В будущем году в Москве состоится очередной чемпионат мира по гимнастике. Удастся ли Муратову вновь оказаться сильнейшим? Этого, конечно, не знает никто, но в одном можно не сомневаться: Валентин Муратов сделает все, что только в его силах, чтобы отстоять свое звание.

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

Нынешним летом произошло событие, которое произвело ошеломляющее впечатление на любителей спорта во всем мире: советский прыгун Юрий Степанов преодолел планку, установленную на высоте 216 сантиметров.

Почему этот прыжок вызвал так много шума? На этот вопрос трудно ответить одним словом.

Степанов побил мировой рекорд, что уже само по себе много значит. Но дело не только в этом. Советский спортсмен завладел рекордом, которым 62 года обладали американские прыгуны! Подумайте только: с 1895 года мировой рекорд по прыжкам в высоту принадлежал американцам, и вдруг такая неожиданность!

И, наконец, многих удивила мало кому известная фамилия — Степанов...

Но те, кто внимательно следил за успехами наших прыгунов в высоту, те знали Степанова.

Долгие годы результаты наших прыгунов в высоту огорчали советских любителей спорта. Во многих странах прыгуны давно «перешагнули» высоту в 2 метра, а для наших спортсменов она все еще оставалась невзятая крепость.

Когда альпинисты взбираются на какую-нибудь вершину, то на самых трудных участках пути, где приходится подниматься почти отвесно, идущий первым вбивает крючья, чтобы легче было подниматься остальным. Очень важно было, чтобы среди прыгунов нашелся человек, который поднялся бы на двухметровую высоту и, образно говоря, «вбил крючья» для своих товарищей и своим примером

Ю. Степанов в прыжке. Высота взята!

вселил в остальных уверенность, что им это тоже по силам.

И вот такой человек нашелся! Даже не один. Два года назад Владимир Ситкин, а за ним, всего полминуты спустя, и Юрий Степанов преодолели роковую высоту. На этом же соревновании Степанов поднял новый рекорд страны еще на 2 сантиметра.

Своим успехом Степанов и Ситкин словно «расколдовали» прыгунов, сломали «психологический барьер». Прошел всего год — и уже 9 спортсменов преодолели двухметровую высоту, причем Игорь Кашкаров «добрался» даже до 210 сантиметров.

А Степанов? Со Степановым приключилась беда: во время одного из прыжков он повредил ногу и временно должен был отказаться от серьезных соревнований. Но он продолжал тренироваться с прежней настойчивостью, а это много значило для Степанова.

Когда Юрий Степанов начал заниматься в легкоатлетической секции ленинградского «Спартака», он отнюдь не был самым прилежным и трудолюбивым. Тренер Павел Наумович Гойхман считал Степанова — и не без оснований — довольно ленивым парнем. А когда Гойхман однажды узнал, что Степанов уговаривал других юношей не заниматься зарядкой, он прогнал будущего рекордсмена мира из секции.

Через четыре дня Юрий вернулся.

— Вот что, Юра, я тебя приму обратно, но теперь нагрузка у тебя удвоится: будешь учиться

прыгать и будешь работать, понимаешь, работать, сжав зубы, над своим характером. Без этого из тебя ничего не получится.

Так сказал ему тренер. И Юрий Степанов начал работать над характером. Он приучал себя к трудолюбию, с необыкновенным старанием разучивал все стили прыжка — «волну», «перекат» и, наконец, самый трудный и самый совершенный — «перекидной».

Вы уже знаете, что Юрий Степанов добился своей цели. Вылечив ногу, он в одном и том же соревновании — международном матче легкоатлетов Хельсинки и Ленинграда — установил сначала рекорд СССР — 211 сантиметров, а потом и рекорд мира — 216 сантиметров. И опять он проторил дорогу для товарищей: опять открыл их своим успехом: вскоре Кашкаров преодолел высоту 213, а затем и 214 сантиметров, а Ситкин — 209 сантиметров.

Вопреки поговорке Юрий Степанов прыгнул выше своей головы на целых 33 сантиметра. И скажу вам по секрету: он не собирается успокаиваться на достигнутом.

СТРАТЕГИЯ АТАКИ

Что такое бокс? Станный вопрос. Всем известно, что бокс — это один из видов спорта, мужественный и темпераментный. Так, по крайней мере, думают те, кто любит бокс. Но есть приверженцы и другой точки зрения.

— Какой же это спорт? — говорят они. — Выходят два парня, дуют друг друга, разбивают иной раз носы, брови. И это спорт? Нет уж, извините!

У тех, кто так думает, бывают иной раз веские основания: когда на ринге встречаются неумелые боксеры, которые надеются только на свою силу, получают нечто, похожее на драку. Но когда противники — настоящие мастера своего дела, когда они искусно применяют всевозможные приемы, которыми так богат бокс, тогда бой на ринге, не теряя своей мужественности, становится игрой — умной и красивой. И никто, наверное, не ведет эту игру так уверенно и умело, как Владимир Енгибарян.

Нелегким был его путь в боксе. Когда Енгибарян впервые выступил на всесоюзных соревнованиях, некоторые знатоки упрекали Енгибаряна в... недостатке мужества. А все потому, что он не рвался на

продом через град ударов противника, а плел вокруг него тонкую сеть маневров. Он то неожиданно «нырял» под перчатку соперника, то слегка отступал, то уходил в сторону, а в нужный момент обрушивал на растерявшегося боксера шквал контратакующих ударов. Уходил Енгибарян от ударов такими точными, неуловимыми движениями, что его неуязвимость казалась просто чудом. На самом деле «чудом» было великолепное искусство Енгибаряна и, конечно, мгновенная реакция, способность немедленно отвечать на любое движение противника.

Четыре года назад Енгибарян выступил в Варшаве в чемпионате Европы. Но правда сказать, кое-кто сомневался, выдержит ли «декадентный» стиль Енгибаряна такое суровое испытание, но молодой боксер вернулся домой с золотой медалью. И не только с медалью, но и с репутацией прекрасного мастера, у которого на первом плане стоит не физическая сила, не грубый натиск, а искусство, умение, мастерство.

Итак, на спортивном небосклоне ярко засияла новая звезда. Енгибаряну предсказывали еще большие успехи. И вдруг на следующем чемпионате Европы он потерпел поражение в одной из первых же встреч.

Как это могло случиться?

Противник Енгибаряна польский боксер ДрогOSH задумал одну хитрость. Зная, что Енгибарян особенно опасен в контратаке, ДрогOSH решил сам избрать защитную тактику, и вот Енгибарян неожиданно оказался в непривычной для себя обетановке. Он ждал, что инициативу будет проявлять противник, а тот вынуждал Енгибаряна к наступле-

нию. Одним словом, Енгибарян растерялся и проиграл встречу.

Это было очень обидное поражение: ведь ДрогOSH не нанес Енгибаряну почти ни одного настоящего удара! Ну что ж, значит, ДрогOSH нацупал у него действительно слабое место. Значит, надо совершенствоваться не только в защите и контратаке, но и в атаке. И если до сих пор он избирал стратегию защиты, то теперь ей на смену должна прийти другая, более правильная стратегия — стратегия атаки.

Урок, который преподавал ему ДрогOSH, пошел на пользу. В этом прежде других убедился сам учитель: надо же было случиться, что на Олимпийских играх в Мельбурне первым противником Енгибаряна оказался именно ДрогOSH!

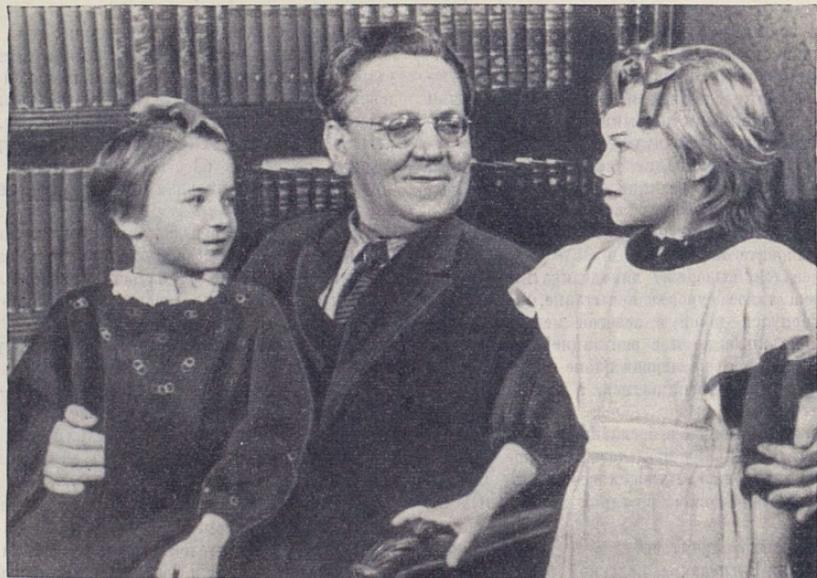
Стратегия атаки прошла трудную проверку и полностью себя оправдала. В этом бою ДрогOSH впервые в своей жизни оказался в нокауте — после удара Енгибаряна упал на брезент ринга. Советский боксер взял реванш! Он победил и всех остальных соперников и завоевал золотую медаль олимпийского чемпиона.

Вернувшись домой, Енгибарян вскоре выступил на чемпионате Европы и единственный из выступивших там победителей олимпиады занял первое место. И снова знатоки восхищались его непревзойденным искусством — уже не только в защите, но и в атаке.

Теперь вы понимаете, что бокс — умная и красивая игра? Вы все еще не согласны с этим? Тогда посмотрите, как выступает Енгибарян — олимпийский чемпион и двукратный чемпион Европы.

На ринге Енгибарян (справа).

О НОВОМ ПО-НОВОМУ

(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Я. МАРШАКА)

Сорок лет тому назад на земле появилась новая страна. В этой новой стране все было не похоже на другие страны и государства. Даже название ее резко отличалось от их названий. Вместо обыкновенных, привычных, столетиями не меняющихся имен — «Англия», «Франция», «Германия», «Италия», «Россия» — четыре буквы: СССР. Эти четыре буквы заняли одну шестую планеты. Одна шестая всего земного пространства с тех пор пламенеет на карте мира красным цветом — цветом революции.

С самых малых лет в сознание человека входит понятие «Родина». Оно входит с первыми словами, произнесенными на родном языке, с первыми сказками, с первыми песнями, услышанными в детстве.

Те, кому посчастливилось родиться после октября 1917 года на территории одной из Советских республик, с самых малых лет осознали себя детьми новой, советской Родины.

Другие песни спели нам,
Другие сказки рассказали,—

говорит сегодня поэт, обращаясь к своим сверстникам, «родившимся в двадцатых».

Откуда же взялись эти новые песни и сказки? Кто сочинил их? И чем отличались они от прежних?

Вот перед нами незатейливая тоненькая книжка — одна из тех книжек, читателем которой становятся, еще не научившись читать. С этой книжкой малень-

кий гражданин новой страны отправлялся в свое первое путешествие по миру. Он узнавал из нее, что

Начинается земля,
как известно, от Кремля...

Она подсказывала ему ответы на самые простые вопросы: «Кем быть?», «Что такое хорошо, и что такое плохо?». Она переносила его в чужие, далекие страны и заставляла увидеть жизнь их обитателей глазами человека новой, Советской страны:

Куда б в Париже ни пошел,
картину видишь ту же:
живет богатый хорошо,
а бедный —
много хуже...

Дойдя до последней страницы книжки, маленький «путешественник» узнавал:

Чтоб сказать про это вам,
этой книжечки слова
и рисуночков наброски
сделал

дядя
Маяковский.

Маяковский был не единственным, кто решил, что для маленьких граждан новой страны писать нужно по-новому.

Здесь вы прочтете о человеке, который по праву считается одним из основоположников советской детской литературы.

Не только вам, но и вашему родителю, верно, с самого раннего детства знакомо его короткое, веселое имя — Маршак.

* * *

Кто был читателем первых книжек Маршака? Кто был первым читателем тех книг, с которых ведет свое начало советская литература для детей?

Вот один из этих первых читателей вспоминает сегодня о своем детстве:

Сейчас поверят в это разве?
Лет двадцать пять тому назад,
Что политически я развит,
Мне выдал справку детский сад...
Меня и нынче брат мой дразнит.
Он этой справки не забывает...

Но политически я развит
Действительно в те годы был!

Я с глубочайшим интересом
Журнал «Пржектор» раскрывал.
Я кулака с тупым обрезом,
Улегшись на пол, рисовал.

Худой, с флажочком неразлучным
По полу я маршировал,
И в каждом человеке тучном
Буржуа я подозревал.

Я знал про донны Призозовья
И что опять бастует Рим...
Да, я к друзьям пылал любовью
И был к врагам непримирим.

Шестилетний человек, который с глубочайшим интересом разглядывает взрослый журнал, с ненавистью думает о буржуах и всей силой своей души желает победы бастующим рабочим Рима,— да, такого читателя детская литература еще не знала, такими идеями не жила, таких тем не касалась.

Маршак одним из первых ввел в поэзию для детей целый океан новых идей, новых представлений.

Вспомните его насмешливый рассказ в стихах о том, как «мистер Твистер, бывший министр, мистер Твистер, делец и бэмкир», приехав в Советский Союз, отказался занять приготовленный для него роскошный номер в гостинице, потому что в другом номере той же гостиницы жил негр, и как пришлось незадачливому мистру ночевать на стуле в прихожей.

В этой поэме Маршак весело и остроумно высмеял спесивого американского богача, его презрение к людям другого цвета кожи. Не унылое осуждение, а именно смех вызывает нелепое поведение мистера Твистера при виде негра, встретившегося ему на лестнице советской гостиницы «Англетер»:

Вдруг иностранец
Воскликнул: — О боже!
— Боже! — сказали
Старуха и дочь:
Сверху по лестнице
Шел чернокожий,
Темный, как небо
В безлунную ночь...

Черной
Рукою
Касаясь
Перил,
Шел он

Спокойно
И трубку
Курил.

А в зеркалах,
Друг на друга
Похожие,
Шли
Чернокожие,
Шли
Чернокожие...

Каждый
Рукою
Касаясь
Перил,
Каждый
Короткую
Трубку
Курил.

Эти зеркала, превратившие одного чернокожего в целый легион негров, как бы удесятерили ужас, овладевший семейством мистера Твистера. И еще страшнее, еще нелепее выглядит этот их глупый ужас.

«Мистер Твистер» — сатирическая поэма. Но поэт в ней не только разоблачает, не только высмеивает, не только издевается. Прочитав эту поэму, маленький советский человек с гордостью думал о стране, в которой ему посчастливилось родиться и жить, единственной стране мира, где могущественный «владелец заводов, газет, пароходов» оказывается беспомощным и жалким.

Если ночлега
Нигде
Не найдем,
Может быть,
Купишь
Какой-нибудь
Дом?..—

наивно предлагает мистру Твистеру дочь. Но Твистер уже давно понял, что в этой стране ничем не поможет даже всеисильная чековая книжка.

— Купишь! —
Отец отвечает,
Вздыхая: —
Ты не в Чикаго,
Моя дорогая.

До предела напуганный странными порядками этой необыкновенной страны, мистер Твистер даже слегка порастерял уверенность в незыблемости своего чикагского благополучия. Недаром, когда он засыпает на стуле в прихожей ленинградской гостиницы, ему снится такой вещий сон:

Вот перед ними —
Родная Америка.
Дом-особняк
У зеленого скверика.
Старый слуга
Отпирает
Подъезд.
— Нет,— говорит он,—
В Америке
Мест!

Да, Маршак сказал в своей поэме о многом: о справедливости и человечности советского строя, о неизбежности крушения власти богатей во всем мире. И обо всех этих больших и сложных вещах он сумел рассказать стихами, звонкими, как песенка, стремительными и броскими, как подписи к картинкам, легкими и запоминающимися, как считалочка.

В творчестве Маршака «Мистер Таистер» — не единственный пример высокого умения говорить с ребятами на самые важные и самые сложные темы современности.

Вспомним знаменитое его стихотворение о строителе Днепрогэза:

Человек сказал Днепру:

— Я стеной тебя запру:

Ты

С вершины

Будешь

Прыгать,

Ты

Машины

Будешь

Двигать!

Да разве одно только это стихотворение?

Вспомним «Почту», «Вчера и сегодня», «Откуда стол пришел», «Быль-небылицу» и другие поэмы, сказки и стихи, в которых Маршак широко и свободно знакомит малыша с окружающим его миром.

Конечно, далеко не каждое произведение Маршака открывало новые, еще никем не описанные стороны нашей жизни.

В самом деле. Что нового в таких стихах Маршака, как «Детки в клетке», «Сказка о глупом мышонке», «Вот какой рассеянный»? Во все времена детям рассказывали про зверей, пели колыбельные песенки. Не только на улице Бассейной в Ленинграде, в любом городе любой другой страны мог жить рассеянный человек, который по ошибке пытался надеть чужое пальто и брюки вместо рубашки.

Но нет, и эти стихи Маршака были по-настоящему новыми. Новым в них было то, что поэт говорил со своим маленьким читателем так, как прежде с ним не говорили.

В старом мире действительность была враждебна детству. Между ребенком и миром взрослых людей лежала пропасть, перейти которую он мог, только преждевременно расставшись со своим детством. Литература прошлого рассказывала об этом подробно и обстоятельно. Вспомните «Оливера Твиста» Диккенса или повесть о детских годах другого диккенсовского героя — Давида Копперфильда.

Только бессмертные герои Марка Твена — Том Сойер и Гек Финн — сумели остаться детьми, любопытными, деятельными, живыми. Но и здесь писатель схитрил. Помните клад, который Том и Гек нашли в пещере индейца Джо? Не так уж просто было американскому мальчику, даже в давние времена, описанные Марком Твеном, найти такую кучу золота. Но что еще, кроме денег, могло оправдать буйное детское воображение Тома Сойера в глазах судьи Тэчера и вдовы Дуглас? А мудрому, ироничному Твену, видимо, очень хотелось утратить нос всем, в чьих глазах фантазер Том был ненормальным, а благонамеренный, преждевременно повзрослевший Сид — образцом «хорошего мальчика». Вот он и придумал эту историю с найденными шестью тысячами долларов. Этими деньгами он выкупил своих маленьких героев, купил им право на детство.

В книгах советских писателей ничего похожего на этот «выкуп» быть не могло. Право на детство маленьких героев этих книг было куплено кровью тех, кто сражался за революцию, за новую, справедливую жизнь на земле.

Основоположник советской литературы Алексей

Максимович Горький писал в одной из своих статей, что ребенок «познает окружающий его мир прежде всего и легче всего в игре, игрой. Он играет и словом, и в слою, именно на игре словом ребенок учится тонкостям родного языка, усваивает музыку его и то, что... называют «духом языка».

Это уважение к игре ребенка, отношению к ней, как к важному и нужному ему делу, — черта новой, советской литературы для детей. Оно всегда было свойственно Маршаку. В этом и состоит новизна его озорных, веселых стихов, даже если они не несут в себе никакого нового содержания.

Каждый из вас, наверно, когда был помладше, любил стихотворение Маршака «Вот какой рассеянный». А задумывались вы когда-нибудь над тем, что заставляло вас по многу раз с наслаждением слушать этот, казалось бы, довольно однообразный перечень нелепых поступков рассеянного «с улицы Бассейной»?

Сел он утром на кровать,

Стал рубашку надевать,

В рукава просунул руки —

Оказалось это брюки.

Вот какой рассеянный

С улицы Бассейной!

Вместо шапки на ходу

Он надел скovorodu.

Вместо валенок перчатки

Натянул себе на пальки.

Вот какой рассеянный

С улицы Бассейной!

Читая или слушая, как вам читали взрослые эту незамысловатую историю, вы испытывали радость от сознания своего превосходства: уж я-то не ошибся бы! Уж я-то не спутал бы рубашку с брюками, не надел бы вместо шапки скovorodu!

Совсем недавно научившись разговаривать, только-только узнав такие слова, как «вагоновожатый», «трамвай», «вокзал», вы с удовольствием вслушивались в путаную речь героя стихотворения:

— Глубокоуважаемый

Вагоновожатый!

Вагоновожатый

Глубокоуважаемый!

Вне что бы то ни стало

Мне надо выходить!

Нельзя ли у трамвала

Вокзал остановить?

В чем причина этого удовольствия маленького читателя? Обнаружить ее не так уж трудно. Еще бы! Каждое неправильно произнесенное слово доставляет ему радость: он-то знает, как надо правильно его произносить. Он так хорошо усвоил и запомнил все эти трудные слова, что вот может даже и г р а т ь ими.

Именно это и имел в виду Горький, когда писал в своей статье: «На игре словом ребенок учится тонкостям родного языка».

Маршак участвовал в создании советской литературы для детей не только как поэт, но и как редактор, как организатор.

Многим из вас должно быть знакомо имя Л. Пантелеева. Вы, наверно, читали его повести «Часы» и

«Пекет», его рассказы «Честное слово», «Буква «ты» и многие другие.

Вот как Л. Пантелеев вспоминает о начале своей литературной работы:

«Очень большую роль сыграла встреча с Маршаком. Он открыл во мне способности детского писателя и ухватился за меня, как ухватывался тогда за все мало-мальски яркое, самобытное, подающее надежды... Без Маршака я не представляю себя писателем. Писать он меня никогда не учил, он помог мне развить вкус, открыл окно в большой мир настоящего искусства... Не зная английского языка, я часами слушал Блейка, Шекспира, Бернса, Вордсворта, Киплинга, Китса по-английски и испытывал наслаждение...»

В одной статье не расскажешь обо всем, что успел сделать Маршак за свою долгую жизнь. Но есть одна сторона его деятельности, о которой не сказать никак нельзя: это его работа переводчика.

Маршак «открыл окно в большой мир настоящего искусства» не только тем своим друзьям, которым он, как Л. Пантелееву, часами читал по-английски Шекспира и Бернса, Шелли и Киплинга.

Он сделал стихи этих поэтов достоянием русской поэзии. Некоторые из них, например, стихи народного поэта Шотландии Роберта Бернса, в переводах Маршака впервые зазвучали на русском языке во весь голос.

Разве перечислишь имена всех поэтов, стихи которых Маршак перевел на русский язык! Среди них есть английские, немецкие, итальянские, чешские, польские, казахские, литовские, латышские, армянские. Рядом с классиками мировой литературы, поэтами, умершими несколько десятков, а то и сотен лет тому назад, в этом списке немало имен наших современников, поэтов, живущих и работающих сегодня. Одного из них вы хорошо знаете — это Джанни Родари. Маршак был первым, кто познакомил нас с его стихами. Это в его переводах вы узнали стихи про «Спальный вагон» и про то, «Чем пахнут ремесла». А уж вслед за Маршаком Джанни Родари стали переводить и другие советские поэты.

Из книг Маршака вы узнали про Шалтая-Болтая, про дедушку и внука, которые никак не могли решить, кому ехать верхом на осле, про короля и солдата, которые поспорили о том, кто из них важнее, про веселого и храброго Робина Гуда.

Читая все эти народные стихи и баллады, мы даже не думаем о том, что одни из них родились на Западе, другие на Востоке. Мы давно уже привыкли считать их чем-то своим. Да так оно, в сущности, и есть. Поэт не просто познакомил нас со стихами и песнями разных народов. Он сделал их достоянием нашей национальной культуры.

Самуил Якозлевиичу Маршаку исполнилось семьдесят лет. Ползетка работает он в литературе. Поэт, переводчик, редактор, критик, драматург, он пишет не только для детей. Многие из написанного им обращено к взрослому читателю. Но все свое знание богатейших сокровищ мирового искусства, весь свой огромный литературный опыт, все силы своего ума и сердца Маршак отдал созданию большой литературы для малышей. В этом тоже сказалось, что Маршак — советский писатель. Ведь именно об этом мечтал Горький, когда говорил о том, какой должна быть советская детская литература:

«В основе детской литературы должно быть вдохновение и творчество. Ей нужны не ремесленники, а большие художники. Поэзия, а не суррогаты поэзии. Она не должна быть придатком к литературе для взрослых».

Б. Сарнов

РОВЕСНИКИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Не приходилось ли вам задумываться над тем, как выглядели деньги в те годы, когда крепло и набиралось сил наше молодое Советское государство? Ведь денежные знаки — это тоже яркие документы эпохи, на них отражались все успехи и все трудности, которые испытывала наша страна в первые годы.

Собирать и изучать документы, связанные с этим периодом, — задача полезная и увлекательная. Именно поэтому и собирают старые денежные знаки коллекционеры-бонисты.

Вот один из первенцев Советской власти — расчетный знак РСФСР 1919 года, на котором впервые появляется гордая надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Трудное было в стране время — царил разруха, не было самого необходимого, деньги с каждым днем падали в цене.

Многие из вас слышали, наверное, рассказы взрослых о том, что было такое время, когда спички или папиросы стоили несколько сот тысяч или даже миллион рублей. Бумажные деньги были обесценены.

Поэтому наше государство в течение 1922—1924 годов провело денежную реформу. Были выпущены кредитные билеты Государственного банка — черзонцы. Однако в обращении еще продолжали находиться обесцененные старые денежные знаки, очень трудно было вести расчеты. Выпускаются денежные знаки, надпись на которых сама рассказывает о размерах проведенной реформы: «Один рубль 1923 года равен одному миллиону рублей дензнаками, изъятыми из обращения».

В старину говорили: «На деньгах царская печать», — имея в виду царский герб, портреты царей. На деньгах молодого государства впервые вместо портретов царей и цариц появляются изображения его подлинных хозяев — крестьянина, рабочего и красноармейца, сделанные по известным скульптурам И. Шадра.

В годы гражданской войны многие районы нашей страны были отрезаны от центра. Денежных знаков не хватало, и во многих городах выпускались «свои», местные деньги. Они тоже очень интересны.

Например, областной кредитный билет Урала выпуска 1918 года, кредитные билеты Дальневосточной республики 1920 года, кредитный билет Центральной Сибири 1918 года, деньги Краевого исполкома Совета Северного Кавказа 1918 года, Временный кредитный билет Туркестанской советской республики 1920 года и многие другие.

Все они хранятся в коллекциях бонистов, напоминая о героических делах революции.

Э. Вайнштейн

А ВОТ ЕЩЕ КОЛЛЕКЦИОНЕР!

В дни Шестого фестиваля уругвайец Саманта Бенито Перес собрал 200 значков. Все они не уместились даже на этой большой широкой ленте. Есть чему позавидовать!

В ПОИСКАХ АНАЖОНДЫ

(Продолжение)

Рольф БЛОМБЕРГ.
Перевел с шведского Л. ЖДАНОВ.

Фото автора.
Рисунки О. Зотова.

К ВЕРХОВЬЯМ РЕКИ САН-МИГЕЛЬ

Много необычного увидели мы во время этой экспедиции, много услышали необычных историй. Нам рассказывали об индейцах племени тете, встречи с которыми все опасались. Это небольшое племя обитает где-то между Рио Агуарико и Рио Сан-Мигель, где именно, никто не знает. Индейцы ведут крайне примитивную жизнь, ходят совсем голые. Они отличаются большой воинственностью и не хотят иметь дела ни с белыми, ни с обитающими по соседству индейцами других племен. Два раза делались попытки наладить с ними дружеские отношения, но безуспешно. Несколько лет назад один католический миссионер проник к дикарям с двумя спутниками. Одного из спутников индейцы убили, а сам миссионер вместе со вторым членом этой рискованной экспедиции едва спасся.

Думаю, однако, что об индейцах тете можно сказать то же, что и о многих других племенах, живущих на Амазонке: они никого не задевают сами и мечтают только о том, чтобы их оставили в покое. Белых гостей они встречают нелюбезно, хорошо зная, что за появлением белых всегда следуют большие неприятности. Как раз в этих краях белые прославились зверскими расправами с индейцами, особенно в конце прошлого и в начале нынешнего века, когда здесь добывали каучук. Десятки тысяч индейцев были убиты, часто после страшных пыток. На берегах Путумайо белые безжалостно охотились за рабами. Все это крепко запомнилось индейцам, и не удивительно, что многие племена, которые раньше общались с белыми, теперь ушли в глубь лесов, чтобы жить там в мире и покое.

...Мы плывем уже три дня. Река Сан-Мигель становится бурной. Пенистые пороги и коварные водовороты заставили нас быстро понять, что здесь не так-то просто управлять лодкой.

На одном повороте, где течение было особенно сильным, винт нашего мотора ударился о камень и сломался. Мы попытались добраться до берега с помощью шестов и весел, но стремнина подхватила лодку и помчала ее с бешеной скоростью вниз по реке. Мы с Куртом выскочили на мелком месте, чтобы притормозить. Куда там! Наше суденышко мчалось все дальше, с той лишь разницей, что теперь мы плыли на буксире, уцепившись за борт. Вдруг кто-то крикнул:

— Отпустите лодку, разобьетесь о камни!

Лодку полным ходом несло на камень. Мы поспешили отпустить ее и направились впасть к берегу. Меня пронесло еще метров сто, но я все-таки выбрался на сушу, а Курт порядком наглотался воды и выбился из сил. Впрочем, он не растерялся: лег на спину и спокойно отдался течению, пока его не выловили с другой лодки. После столкновения с камнем лодка развернулась в правильном направлении и поплыла по течению еще быстрее, так как теперь мы все налегали на весла.

Два следующих дня прошли без серьезных происшествий, но потрудиться пришлось основательно. С каждым днем Сан-Мигель становилась все мельче и стремительнее. Мы все реже могли включать мотор. То и дело приходилось вылезать из лодки и перетаскивать ее через пороги. При этом надо было следить, чтобы не нарваться на водоскоков, которыми кишела река. Немалые мучения причиняли нам кровосадные мухи.

Незадолго до сумерек мы разбивали лагерь на песчаном берегу. Лино разжигал костер и готовил ужин, остальные натягивали палатку и старались навести в ней уют. В ожидании ужина каждый был чем-нибудь занят. Курт и Олле возились со съёмной и звукозаписывающей аппаратурой (она требовала такого же ухода, как грудной ребенок!), упаковывали заснятые ленты, прослушивали магнитофонную ленту и писали отчеты о прошедшем дне. Торгни помогал им. Мы с Муньосом разбирали и обрабатывали очередное пополнение наших коллекций.

Хорхе, страстный охотник, уходил в лес с ружьем или на реку с остройгой; нередко он возвращался с добычей.

Лицо развлекал нас своим искусством: он играл на гитаре и пел. У него был чудесный голос и огромный запас песен.

Восьмой член экспедиции, Лабан, в столь поздний час обычно уже спал в своем гамаке. Гамаком ему служила вещевая сумка, а одеялом — мохнатое полотенце, так что Лабану было мягко, тепло и уютно. Если утро оказывалось прохладным или дождливым, он так же неохотно покидал свою сумку, как мы наши гамаки и кровати. Однако валиться нам было некогда, даже в плохую погоду находилось достаточно работы. Всем приходилось вставать с рассветом.

Когда Лабана будили, он высовывал из сумки свою сонную рожницу, зевал во всю ширь своего маленького ротика и пытался снова юркнуть в постель. Однако мы решительно возражали против того, чтобы он лежал и нежился, когда все встали. Неохотно, поругиваясь, выбирался Лабан из постели и отправлялся на поиски кустика или ветки, которые служили ему уборной. Затем он спешил на кухню, где его ждал завтрак. Как и мы, Лабан любил начинать день вкусным спелым бананом и чашкой кофе, а чуть попозже, перед тем, как приступить к работе, подкрепиться поосновательнее, например, копченой рыбой и печеными бананами или овсяной кашей с диким медом.

Торгни был доволен Лабаном. Уморительная рожница с выражением мировой скорби во взоре, не покидавшим Лабана даже при самых смешных и нелепых обстоятельствах, как нельзя лучше подходила для кино. Лабан ужасно злился, когда мы сажали его на обрубленную внизу лиану и ему приходилось лезть до самого верха, чтобы потом спуститься по дереву. Подобно всем нам, Лабан был не лишен слабостей и недостатков, среди которых не последнее место занимала лень.

— Послушай, Лабан, ведь ты обезьяна, — говорили мы, — а обезьяны всегда лазают по деревьям.

— Потому что они вынуждены, — отвечал Лабан сердито, во всяком случае, так мы понимали его ворчанье. — А что мне делать на дереве? Листья и плоды мне ни к чему: я так наелся каши, что живот вот-вот лопнет!

— Именно поэтому тебе полезно немного поразмяться. Ты должен двигаться, лазить... — настаивали мы.

— А вы будете сидеть и смеяться надо мной! Попробовали бы вы сами лезть по лиане после сытного завтрака. Право, это не так уж весело. Если говорить начистоту, то вы просто мучители! Впрочем, — продолжал Лабан, нехотя карабкаясь по раскачивающейся лиане, — я тоже могу досадить вам, если уж на то пошло!

Он взбирался на ветку, раскачивающуюся над голозой кого-нибудь из нас, и с удивительной меткостью обливал его. (Вы понимаете, конечно, что я имею в виду!)

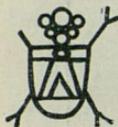
Из сказанного вовсе не следует, что мы постоянно ссорились с Лабаном. Можно поспорить иной раз, даже поругаться и, тем не менее, оставаться друзьями. Правда, Лабан был еще мал и зелен и с ним поневоле приходилось быть строгим. Как быть, например, если он не сообразил, что свежие зеленые листья полезнее для него, чем бумажные листки моего дневника? Это долго приходилось ему толковать.

Я в жизни не видел более всядного животного, чем Лабан! Он разделял все наши трапезы, а после них охотно принимался за пиретрум, динамит, магнитофонную ленту и многое другое. И все же Лабан относился к нам с трогательной привязанностью. При всем своем отвращении к воде он отважно плыл к нам, когда мы купались. Больше всего Лабан любил сидеть на чьем-нибудь плече. Это было не всегда приятно, особенно если он для верности цеплялся хвостом за вашу шею, а градусник в это время показывал тридцать пять — сорок в тени. В таких случаях Лабана саживали на землю. Он громко возмущался, пытался влезть обратно и прекращал свои попытки только после того, как на него прикрикнешь. Однако стоило Лабану заметить, что ваше внимание чем-то отвлечено, как он тихоонько, крадучись, снова взбирался на плечо. Известно: сердце не камень, в конце концов после нескольких безуспешных попыток Лабан оставался сидеть на излюбленном месте.

У ИНДЕЙЦЕВ ПЛЕМЕНИ КОФАН

После недельного плавания по реке Сан-Мигель мы впервые встретили индейцев племени кофан.

Кофаны — статный народ. Мужчины сильные и суровые, одеваются в нечто вроде тоги, на шею носят килограммы фарфоровых бус. Мочки ушей и носовые хрящи пробуравлены, и в отверстия вставлены пестрые

Автор показывает свой фотоаппарат празднично одетому кофану.

перья поугая. Лица причудливо раскрашены ачиоте — красной растительной краской. На головах у многих можно увидеть великолепные украшения из перьев, на шеях — ожерелья из клыков ягуара.

Женщины одеваются и красятся скромнее, чем мужчины. Впрочем, у большинства диких народов в отличие от так называемых цивилизованных мужчины наряжаются пышнее женщин.

Вождь индейского поселения — он же был верховным вождем всех кофанов — носил христианское имя Франциско. У него было умное и живое лицо, он был подвижнее остальных индейцев, которые держались весьма важно и сдержанно.

Звукооператор Олле записывает пернатого артиста.

Дня через два, когда я познакомился с Франциско поближе, он признался, что вовсе не кофан по происхождению и вообще не чистокровный индеец. Родился он в начале столетия совсем в другом месте, в деревне, населенной белыми.

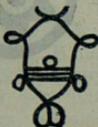
— В молодости, — рассказывал он на хорошем испанском языке, — я ходил, как и вы, в рубашке, штанах и ботинках. Однако жизнь белых была мне не по душе, я отправился к индейцам на реку Какета и поселился там. Меня выбрали вождем. Но и там мне не понравилось, я снова отправился путешествовать и наконец оказался здесь, на Сукумбио (так называют кофаны Сан-Мигель). У кофанов мне понравилось. Я оделся на их лад, женился на индианке и зажил, как все кофаны. Здесь меня тоже выбрали вождем. Потом белые назначили меня губернатором, или верховным вождем всех кофанов. Уже шестнадцать лет я занимаю этот пост. Не раз приходилось спорить с белыми. Когда началась война с Перу, они хотели забрать кофанов в армию. Но я сказал «нет». А потом появились миссионеры, хотели проповедовать среди кофанов. Я снова сказал «нет». Кофаны чувствуют себя гораздо лучше, когда в их жизнь не вмешиваются чужаки!

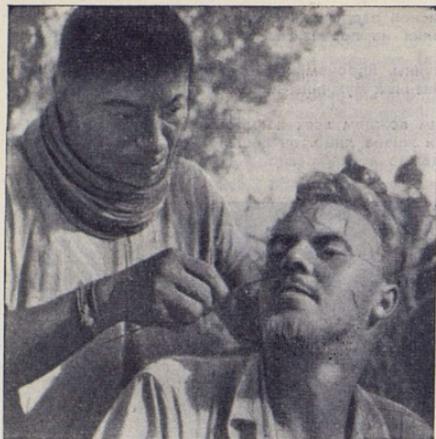
Самая крупная группа кофанов живет в верхнем течении реки Сан-Мигель, в поселке Санта Роса де Сукумбио. Чтобы попасть туда, нам понадобились лодки и люди. Франциско вызвался помочь, и три дня спустя наш отряд, пополнившись двумя лодками и девятью кофанами, снова отправился в путь. Наши спутники прекрасно знали реку, отлично управляли лодками, и нам потребовалось всего четыре дня, чтобы добраться до цели.

Санта Роса де Сукумбио находится на острове. Впрочем, индейцы жили здесь временно. Их настоящая деревня, большая, с удобными хижинами, была выше по реке, но жителей выгнали отсюда... тараканы! На новом месте этих неприятных насекомых тоже было немало, но кофаны устроились здесь довольно уютно.

Мы разбили лагерь неподалеку от индейских хижин, сделали из бамбука нары, столы и скамейки и даже оборудовали темную комнату — фотолaborаторию.

Кофаны приняли нас не слишком холодно, но и не очень сердечно. Они вели себя сдержанно и недоверчиво, и первые дни нашего знакомства не обещали ничего хорошего. Собственно, на другой прием трудно было рассчитывать. Я уже говорил, что индейцы составили себе не очень-то лестное представление о белых. У них

Сам вождь поработал над украшением наших физиономий.

не было оснований приветствовать наше вторжение, хотя бы и с разрешения их верховного вождя.

Особенно нас смущала замкнутость кофанов. Мы мечтали записать на магнитофон их песни, но индейцы отказались петь, заявив, что у них вообще нет песен и они никогда не поют! Такой же ответ мы получили и насчет плясок. Этому трудно было поверить, потому что нет такого дикого народа, который бы не пел и не плясал.

Шли дни, отношения улучшались, и индейцы стали общительнее. Они убедились, что мы приехали с мирными намерениями; сыграли свою роль и наши товары, и подарки, и игрушки, которые мы раздавали ребятишкам, и... музыка.

Однажды мы торжественно пригласили соседей на концерт, и вечером кофаны пришли к нам в лагерь. Наш звукозаписывающий аппарат был оснащен усилителем и динамиком, у нас было много записей, начиная от Моцарта и Бетховена, кончая шведскими рождественскими плясовыми мелодиями и матросскими вальсами. Концерт прошел с огромным успехом. Больше всего захватила кофанов классическая музыка; они слушали ее, затая дыхание. И позднее, когда они просили нас сыграть что-нибудь, то всегда заказывали Бетховена и Моцарта. Чтобы оценить подлинно прекрасное искусство, вовсе не обязательно обладать высокой культурой.

— Ну, что ж, — сказал я как-то вождю, — вы слушали нашу музыку... А когда вы споете нам?

Индейцы посоветовались, наконец вождь объявил:

— Мы, мужчины, поем, только когда выпьем яхе (наркотический напиток). Наши женщины споют для вас.

И женщины спели с величайшей готовностью. Их пение напоминало щебет стайки птиц. Они выступали одна за другой и так же поочередно смолкали.

Много песен услышали мы в тот вечер, и магнитофону пришлось основательно поработать. А потом Олле дал индейцам прослушать запись. Восхищению кофанов не было предела, их взоры выражали почтение и восторг.

Я спросил нашего переводчика, о чем говорится в песнях кофанов.

— Обо всем на свете, — ответил он.

Оказалось, что женщины пели песню, которую они тут же сочинили: о белых мужчинах, которые приехали в гости и очень понравились индианкам, потому что не пили сами и не сплавляли их мужей. Обычно бывает как раз наоборот. Торговцы, которые иногда пробираются сюда, чтобы выменять лодки, шкуры и другие товары, охотно подпаивают индейцев: пьяных легче надуть.

По прошествии двух недель вождь пригласил нас на праздник. Это был замечательный праздник, настоящий маскарад. По случаю торжества все принарядились и выкрасились. Даже мы с Олле ходили размазанные красной краской — сам вождь поработал над нашими физиономиями!

Подходя к дому вождя, мы впервые услышали кофанскую музыку. Вождь бил в барабан, обтянутый обезьяньей кожей, двое других индейцев играли на дудочках. Мы присели на скамеечки и бальзовые брезна, и нам поднесли чаши с чичи. Чичу изготавливают из различных плодов или корней и дают основательно перебродить, так что напиток получается довольно крепкий, напоминающий приятное кислое вино.

Несмотря на чичу, праздник поначалу как-то не ладился и скорее напоминал поминки. Тогда Олле решил для поднятия настроения проиграть на магнитофоне несколько вальсов и рождественских песен, а Торгни и Курт исполнили для индейцев пляски нашей страны. Кофаны страшно веселились, да и мы тоже: два отплясывавших шведа в огромных башмаках представляли собой, конечно, скорее смешное, чем красивое зрелище! Но главное было достигнуто — настроение поднялось, и наши друзья преодолели наконец застенчивость, и настал черед индейцев показать свои пляски.

В свете костра пляшущие и поющие индейцы представляли такое живописное зрелище, что мы стали просить вождя разрешить нам сходить за съемочной камерой. Сначала он не соглашался, но когда мы пообещали зажечь невиданные факелы, уступил. Мы имели в виду магнечные лампы, которые захватили для ночных съемок.

Первые магнечные вспышки произвели на кофанов потрясающее впечатление.

— Они горят ярче солнца! — воскликнул ослепленный вождь без испуга.

Но постепенно индейцы оправились от своего смятения, пляска возобновилась, и мы засняли немало уникальных кадров.

В эту ночь окончательно было преодолено недоверие кофанов к нам, они признали нас своими друзьями.

(Окончание в следующем номере)

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

Многие из вас ходили в походы по местам исторических боев, спрашивали свидетелей и очевидцев, приглашали на сборы старых большевиков. Затаив дыхание, слушали вы их.

Представьте себе, какой интересной была бы книга, составленная из этих рассказов. К сорокалетию Советской власти Государственное издательство детской литературы выпустило такую книгу, она называется «Как победила революция». В ней собраны воспоминания участников событий 1917 года.

О встречах с Лениным, о большевиках — руководителях восстания, о штурме Зимнего, о первых днях революции вы узнаете из рассказов, напечатанных в сборнике.

Маргарита Васильевна Фофанова вспоминает о днях, предшествовавших восстанию. В то время у нее на квартире скрывался Владимир Ильич, и партия поручила Фофановой заботу о нем.

А. М. Ионов, А. Г. Пронин, И. П. Флеровский рассказывают о своих товарищах — моряках-кронштадтцах, о том, как они помогали питерским рабочим.

Читая воспоминания, вы сможете живо представить себе незабываемые дни 1917 года.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С ТИМОЙ

Интересно знать, кто из вас успел познакомиться с Тимой Сапожковым? А если успел, то наверняка уж и подружился. Об этом мальчике рассказывает в своей новой повести «Заре навстречу» писатель Вадим Кожевников. Но почему «Заре навстречу»? Тем, кто еще не читал повесть Кожевникова, это надо

объяснить. Тогда вы, кстати говоря, лучше поймете, что за мальчик Тима Сапожков и почему с ним интересно познакомиться.

Было это очень давно, почти пятьдесят лет назад, когда заря революции еще не занималась. Царское правительство сослало родителей Тимы за революционную деятельность в глухой и далекий сибирский город. Их волю хотели сломить. Но и тут они не прекратили борьбу. Вместе со своими товарищами

по партии они продолжали вести тайную, подпольную работу, приближая час революционного освобождения.

Все вы, наверное, читали или слышали рассказы старых большевиков, соратников Владимира Ильича, о том, как совершилась революция в России. Вадим Кожевников тоже рассказывает об этом времени, но рассказывает как писатель, художник. В его книге нет ни подлинных имен, ни исторических лиц. И в то же время ее герои не вымышлены. Когда в России победила революция, он сам был еще маленьким мальчиком, таким, как Тима Сапожков, и жил в захолустном сибирском городке Нарыме, куда были сосланы его родители — профессиональные революционеры. Многие из того, о чем рассказывается в этой книжке, Кожевников в детстве видел собственными глазами. У ее героев были реальные прототипы. Поэтому, вероятно, так тепло и проникновенно написаны лучшие страницы повести. Вашим отцам они, возможно, напомнят собственную юность. А вам, самым молодым читателям книги, расскажут о таких людях, которым

очень хочется подражать, на которых каждый пионер мечтает походить и о жизни которых никогда не насчитит читать. Ведь это, действительно, самые замечательные люди, представители славной ленинской гвардии, испытанные революционные борцы, которые нередко шли на огромные лишения и во имя победы революции, наступления того светлого будущего, которое для нас сегодня стало уже настоящим, жертвовали самым дорогим.

Папа и мама Тимы постоянно вынуждены были скрываться от жандармов и провокаторов, менять адреса, переезжать с места на место, а иногда совсем покидать город. В таких случаях партийная организация поручала Тиму самым своим надежным работникам. У скольких из них он поочередно находился на попечении, сколько узнал от них новых, полезных вещей! Но бывало и так, что Тимины опекуны сами попадались в лапы жандармов. Тогда Тима оставался совсем один. С малых лет он уже знал, что такое одиночество, и голод, и разлука с родителями. Он испытал на себе жестокий тюремный режим сиротского приюта и тяжелую руку царского охранника. Но, живя, по существу, без родителей, он рос достойным человеком и сам воспитывал себя, беря пример с окружающих его большевиков-подпольщиков. Конечно, Тима еще слишком мал для того, чтобы самостоятельно совершать серьезные поступки. Но он уже приобрел достаточный опыт для того, чтобы понять, кто его настоящие друзья и враги, на чьей стороне находится правда. И свое первое в жизни испытание — разлуку с отцом и матерью — он переносит мужественно, насколько позволяют его маленькие силы, сознавая, что, разлучаясь с ним, родители все силы отдают революционной борьбе.

В повести Вадима Кожевникова вы встре-

тите очень много разных людей. Одним посвящены целые главы, другим уделено всего несколько слов. О многих из них теперь можно прочитать разве только в книгах, например, о сибирских купцах-миллионерах, которые в дореволюционной России часто держали в своих руках целые отрасли экономики и единолично распоряжались подьядами на доставку в сибирские города товаров, топлива, зерна, продовольствия. Вы узнаете из этой повести о произволе власть имущих, о чудовищной нищете народа, о диких нравах и обычаях, которые вам, выросшим в совсем иных условиях, могут, пожалуй, показаться страшной, неправдоподобной выдумкой. А между тем все это было именно так. И против жестоких порядков, господствовавших в старом обществе, против насквозь прогнившего русского самодержавия боролись родители Тимы Сапожкова, их товарищи Рыжиков, Эсфирь, Ян Витол, Косначев и другие рядовые люди партии, персонажи повести Вадима Кожевникова.

Есть книги, которые, правдиво рассказывая о прошлом, помогают лучше понять и оценить настоящее. К числу таких произведений относится повесть «Заре навстречу». Она воскрешает перед нами страницы из истории революционной борьбы, воскрешает незабываемые образы скромных героев революции. Тиме Сапожкову посчастливилось быть свидетелем славных событий. Он стоял рядом с теми, кто своими руками делал революцию. Да и сам он рос маленьким большевиком. Знакомство с Тимой Сапожковым и его старшими друзьями делает вас самих богаче опытом, знанием жизни и людей. Как и всякая хорошая книга, повесть «Заре навстречу» расширит ваше представление о том большом мире, в котором вы все живете и который вам предстоит строить и украшать.

Б. Галанов

Повесть о восставшем корабле

По безграничной пустыне океана шел корабль.

Медленно вздымались и падали огромные водяные валы. Шурша, рассыпались с них белые гребни пены. Где-то далеко за горизонтом скрылись скалистые берега Африки. Вокруг ни души. Лишь промелькнет изредка встречный парусник да медленно проплывут песчаные отмели заброшенного в океан безлюдного островка. И опять бесконечная водяная гладь.

А на корабле, только что выдержавшем жестокий многодневный шторм, развертывались драматические события.

«...— Слушайте мое последнее слово, — отчеканил капитан. — Мы пойдем туда, куда поведу я... Андрей, Кас и оба штурмана пойдут под арест. Если же вы

не согласны, то подохнете здесь с голоду. Я не выпущу из кубрика ни одного человека, ...а во Французской Гвиане выдам вас властям как бунтовщиков и большевиков. Там вы познакомитесь с работой на ртутных приисках. Небось, когда кожа будет отходить от костей, «Святая Анна» вспомнится раем...

Андрей схватил со стола тяжелую медную кружку и с перекошенным лицом ринулся вперед.

— Так ты еще издеваться, сукин сын! — И он запустил кружкой в капитана.

Кружка со звоном пролетела через переднюю часть кубрика и ударила капитана в колено. Капитан выхватил руку из кармана, и сейчас же прогремел выстрел. Пуля с визгом впилась в доски пола...

На «Святой Анне» полыхала революция. Два мира столкнулись здесь в непримиримой схватке не на жизнь, а на смерть. На капитанском мостике ощерился в злобой гримасе обреченный мир жестокого, хищного прошлого, а перед ним поднимался из трюмов и кубриков новый мир восставшего народа — мир свободы, труда, братства.

Корабль в море — это кусочек пославшей его страны. Как бы далеко от родных берегов ни был заброшен корабль, его палуба — родная земля, на которой властвуют те же законы, идет та же жизнь, что и на Родине.

Писатель А. Г. Лебеденко рассказал, как произошла Великая Октябрьская революция на морском судне «Святая Анна», как матросы корабля свергли власть продавшихся врагам офицеров и привели корабль в революционную Одессу.

Как в маленькой капле воды отражаются порой и небо, и дома, и деревья, так в событиях на палубе одного небольшого корабля отразилась та великая борьба, которая развернулась на просторах нашей Родины сорок лет назад.

Читая повесть «Восстание на «Святой Анне», видишь, как сплелись в смертельной схватке два лагеря борющихся. Тебе становится понятно, что движет людьми, стоящими на разных сторонах баррикады. Ты ненавидишь тех, кто в угоду жадности и злобе готов на любую низость и обман, лишь бы сохранить

свою власть и богатство. Ты горячо сочувствуешь простым, честным людям, готовым отдать жизнь за товарищей, за народную свободу. Видишь ты и тех, чья совесть, ум и преданность делу революции помогли открыть глаза матросской и солдатской массе, обманываемой хозяйскими прихвостнями.

Небольшую книжку А. Г. Лебеденко ты прочтешь с неослабевающим интересом с начала до конца. Ты сразу попадешь в самый клубок разгоревшихся событий и с волнением будешь следить за судьбой героев.

А попутно ты незаметно узнаешь очень много о жизни морского корабля, познакомишься с необычной природой тех мест, куда бросала судьба «Святую Анну», станешь свидетелем суровой борьбы, которую выдержал в снегах Заполярья руководимый большевиками народ в незабываемые годы гражданской войны.

А. Дорхов

**ПРОЧИТАЙТЕ
ЭТИ КНИГИ,
ОНИ РАССКАЖУТ ВАМ
О ТЕХ, КТО БОРОЛСЯ
ЗА ВАШЕ СЧАСТЬЕ.**

В часы ДОСУГА

Из одного слова — три других

Найдите слово, обозначающее название планеты. Путем перестановки букв в этом слове составьте три других, имеющих следующие значения: 1. Город во Франции. 2. Река в Казахстане. 3. Сосуд.

Составил П. Молоков.

ПОИЩИТЕ ЭТИ НАЗВАНИЯ

В магазине хозяйственных товаров можно купить два обиходных предмета, названия которых совпадают с географическими названиями. Поищите их на карте нашей страны.

Составил Н. Сарваниди.

ОТНИМАЯ ПО ОДНОЙ БУКВЕ

Отнимая по одной букве справа от названия столицы европейского государства, вы каждый раз будете получать слова других значений. Назовите их по порядку.

Составил Ф. Ознобишин.

СЛОЖИТЕ ПОСЛОВИЦУ

Даны шестнадцать слов: нож, вол, год, дер, луг, паж, мел, рай, астра, ров, гол, нет, зал, быт, вал, ай.

В каждом слове вычеркните по одной букве, так, чтобы из оставшихся составил текст народной пословицы.

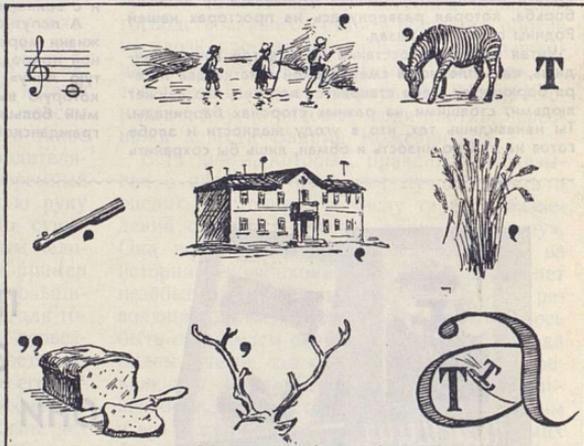
Составил Г. Смирнов.

Б	В	Д	Е	А	Ю	Ш	Р	И	С	Е	Я	З	Ж	О	И	В	О	В	П	И	С	А	Е	Я	Ц		
Р	Р	О	О	Щ	Д	А	В	Е	И	Ч	А	Е	С	Я	Р	Н	В	А	В	Т	О	Ы	Л	С	Г	Я	
Е	Ч	П	А	О	В	О	С	А	С	Е	Е	М	Ь	Д	О	С	Ж	А	О	Т	Ш	Я	Е	С	Т		
З	Ь	О	Д	Л	Е	О	Т	А	С	Я	Т	О	П	С	Е	Е	Н	Ь	Р	В	В	А	О	А	М		
А	Г	И	О	М	А	И	Р	К	У	А	Я	Н	У	А	М	Д	В	Е	Е	Ч	Р	Н	В	Ы	Т	М	Ь
С	Я	П	Ч	О	А	Д	Е	К	В	Я	Т	О	И	Е	С	М	У	О	М	Т	У	О	Т	М	А	•	

В этой фигуре затушите 86 клеток и 4 треугольника так, чтобы получилось 7 букв, составляющих фамилию виднейшего деятеля русского искусства. В затушеванных клетках вы прочтаете род его деятельности, а также даты его жизни. В незатушеванных клетках — названия семи его произведений.

Составил суворовец Д. Панов.
Москва.

НАРОДНАЯ ПОСЛОВИЦА

Прочитайте в этом ребусе народную пословицу.

Составил Л. Кузнецов

ОТВЕТЫ

на задачи, помещенные в № 10

Какие монеты!

В левой руке: 1 коп., 2 коп. и 15 коп.

В правой руке: 3 коп., 5 коп. и 10 коп.

После перемещения монет: в левой руке 15 коп., 5 коп. и 10 коп.

(всего 30 коп.), а в правой руке 3 коп., 1 коп. и 2 коп. (всего 6 коп.).

Прочитайте, что здесь написано

Нужно брать последние буквы из названий предметов, которые

нарисованы в «загадочном письме». Тогда составит следующий текст:

«Вы, ребята, не ленитесь,
Над загадкой потрудитесь.
Кто к загадке ключ найдет,
Тот письмо мое прочтет».

Редакция: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Художественный редактор П. Кузьмичев.

Технический редактор А. Ефимова.

А 10011.

Подписано к печати 23/Х 1957 г.

Тираж 350 000 экз.

Изд. № 1298.

Заказ № 2437.

Форм. бум. 84×108/16. Бум. л. 2,62. Печ. л. 8,61.

МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИЙ К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ТЕМАТИЧЕСКАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ
СОВЕТСКИХ ПОЧТОВЫХ
МАРОК

**ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

**ОПЛАТА ЗАКАЗОВ
И РАСХОДОВ ПО ПЕРЕСЫЛКЕ
ПРОИЗВОДИТСЯ НА ПОЧТЕ
ПРИ ПОЛУЧЕНИИ МАРОК.**

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ В МАГАЗИНАХ
КНИГОТОРГОВ:

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Тематическая коллекция советских марок в художественно оформленной альбомной тетради. Цена 15 р. 57 к.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Набор советских марок в кляссере. Цена 11 р. 40 к.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Набор советских марок в кляссере. Цена 7 р. 01 к.

ЛЕНИНГРАД — КОЛЫБЕЛЬ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Набор советских марок в кляссере. Цена 10 р. 57 к.

ДРУЖБА НАРОДОВ.

Набор советских марок в кляссере. Цена 12 р. 67 к.

СССР — МОГУЧАЯ ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА.

Набор советских марок в кляссере. Цена 11 р. 92 к.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

Набор советских марок в кляссере. Цена 10 р. 10 к.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ СССР.

Набор советских марок в кляссере. Цена 13 р. 92 к.

В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ ИМЕЮТСЯ ТАКЖЕ В ПРОДАЖЕ

МАРКИ В ЦЕЛЛОФАНОВЫХ ПАКЕТАХ, посвященные К. Марксу, Ф. Энгельсу, В. И. Ленину и годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции.

МАРКИ — ПОЧТОЙ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ ВЫСЫЛАЮТ СЛЕДУЮЩИЕ МАГАЗИНЫ КНИГОТОРГОВ:

МОСКВА, К-31, магазин № 63 Книготорга — Кузнецкий мост, 20.

ЛЕНИНГРАД, 25, магазин № 44 Ленкниготорга — Невский проспект, 78.

СВЕРДЛОВСК, магазин «Ноты» Облкниготорга — ул. Ленина, 22-а.

НОВОСИБИРСК, магазин № 1 Облкниготорга — Красный проспект, 21.

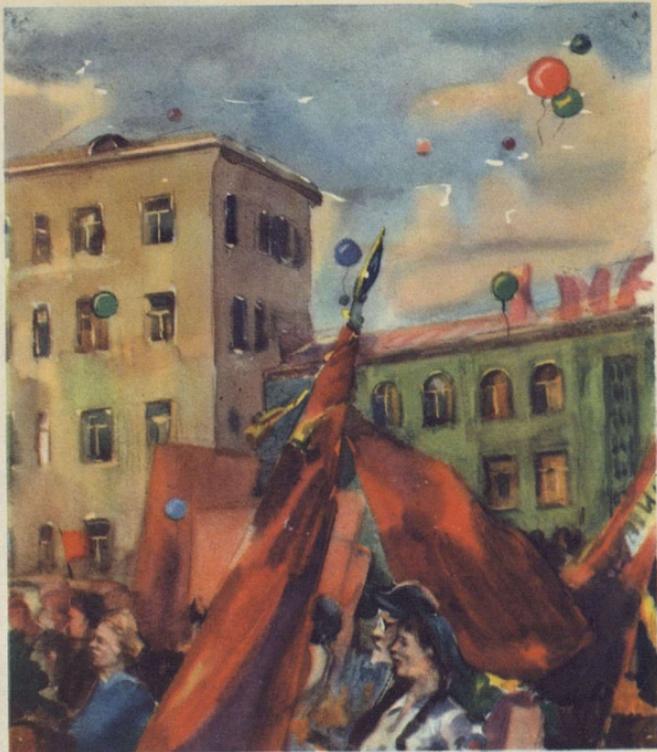
КИЕВ, магазин № 11 Облкниготорга — ул. Красноармейская, 40.

ЛЬВОВ, магазин № 7 Облкниготорга — ул. Шевченко, 3.

РИГА, магазин культтоваров ЛККТ — ул. Ленина, 17.

ГЛАВНАЯ
ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКАЯ
КОНТОРА

Цена 2 р. 50 к.

ПРАЗДНИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Валерий Ганюшкин.

Дом пионеров
Бауманского района.
Москва

ПАШНЯ.

Олег Осин.

Московский городской Дом пионеров